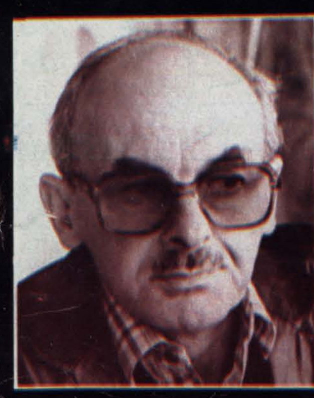
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 19 МАЙ 1988

СБЕРЕГЛИ КРАСОТУ

С «ЛЕЙКОЙ» И БЛОКНОТОМ ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ

СТАРЫЕ КАМНИ СТОЛЕШНИКОВ



СТИХИ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

ПОБЕДИТЕЛИ

8t

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 19 (3172)

7—14 МАЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
День Победы.
Фото Игоря ФЛИССА.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

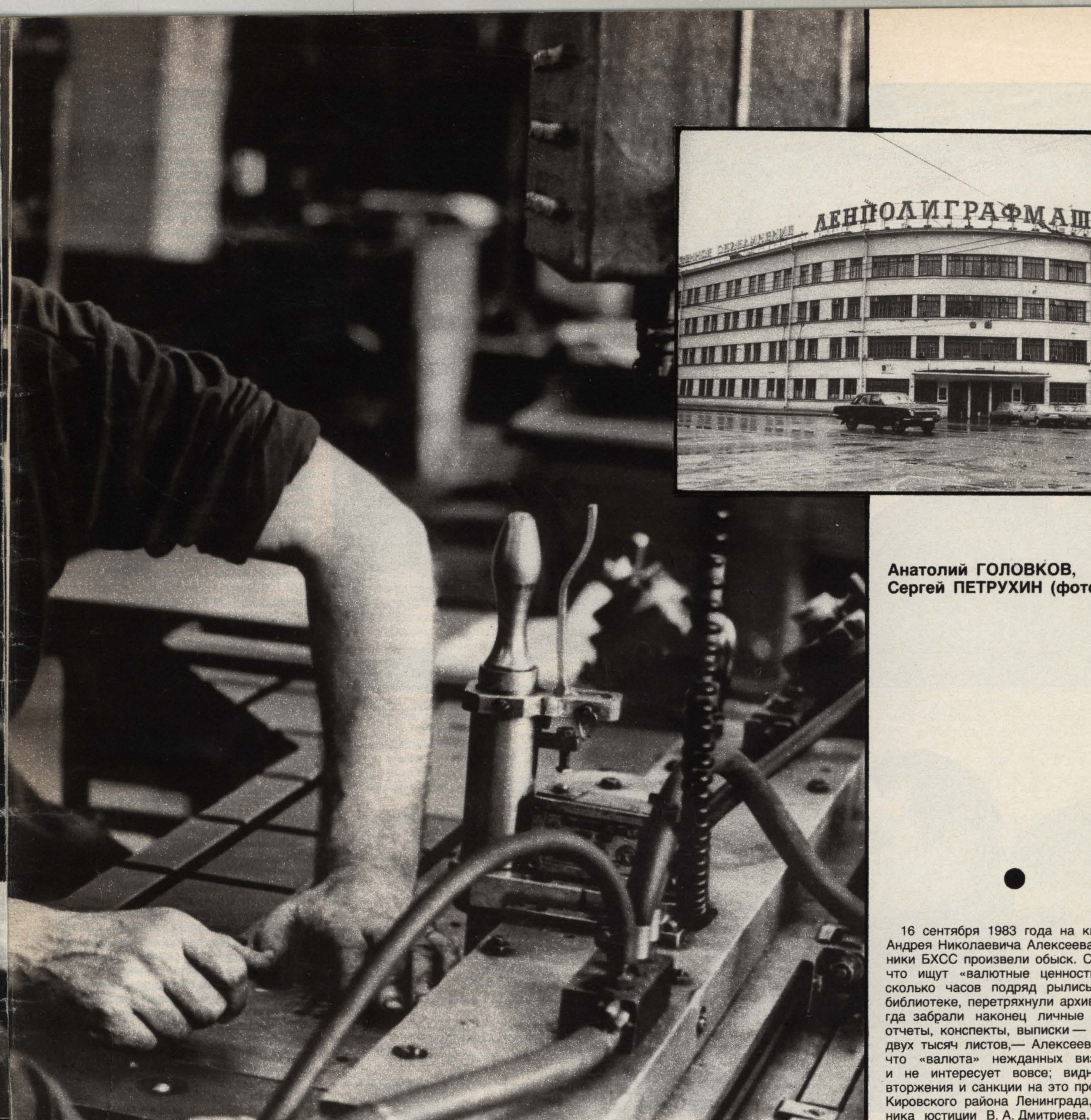
Сдано в набор 15.04.88. Подписано к печати 03.05.88. А 00337. Формат 70×108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 780 000 экз. Заказ № 2241.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

РОД СЧАСТЬЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО — ДУМАТЬ И ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ. НО ЗА СЛУЖЕНИЕ ИСТИНЕ НЕ ПРИХОДИЛОСЬ ЛИ ВО ВСЕ ВРЕМЕНА ПЛАТИТЬ ДОРОГОЙ ЦЕНОЙ? РАЗВЕ СУДЬБА ПОДВИЖНИКОВ НЕ ОБОРАЧИВАЛАСЬ ГЛУБОКОЙ ДРАМОЙ, МУКАМИ ИЛИ ДАЖЕ ГИБЕЛЬЮ? ВОТ ОН СТОИТ ПЕРЕД РЕВУЩЕЙ ТОЛПОЙ, ЛЕТЯТ КАМЕНЬЯ... БРОСАЕТ ВЫЗОВ ТИРАНУ И ВОСХОДИТ НА КОСТЕР... В НИЩЕЙ, РАСТОПТАННОЙ СТРАНЕ ТВЕРДИТ О ГРЯДУЩЕЙ СВОБОДЕ СВОЕГО НАРОДА... В ТЮРЕМНОЙ ОДИНОЧКЕ, ОБРЕЧЕННЫЙ НА СМЕРТЬ, ПИШЕТ КНИГУ...

ОН СДЕЛАЛ ВЫБОР — НЕ ГНУТЬ СПИНУ ПЕРЕД СИЛЬНЫМИ МИРА СЕГО, НЕ ПРЕДАВАТЬ, НЕ УМОЛКАТЬ ТРУСЛИВО РАДИ СОБСТВЕННОГО ПОКОЯ. ЕМУ ТРУДНЕЕ ДРУГИХ, ПОТОМУ ЧТО ОН ВСЕГДА ВПЕРЕДИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ. И ВСЕ-ТАКИ ЕСТЬ ВЫСОКИЙ СМЫСЛ ОСТАВАТЬСЯ САМИМ СОБОЙ. БЫТЬ ИЗБАВЛЕННЫМ ОТ НЕОБХОДИМОСТИ ЛГАТЬ УЧИТЕЛЮ, ЛЮБИМОЙ ЖЕНЩИНЕ, ДРУГУ, НАРОДУ, ОТЕЧЕСТВУ. ХРАНИТЬ ВЕРНОСТЬ ВЫСТРАДАННЫМ, А НЕ НАВЯЗАННЫМ ИДЕАЛАМ.

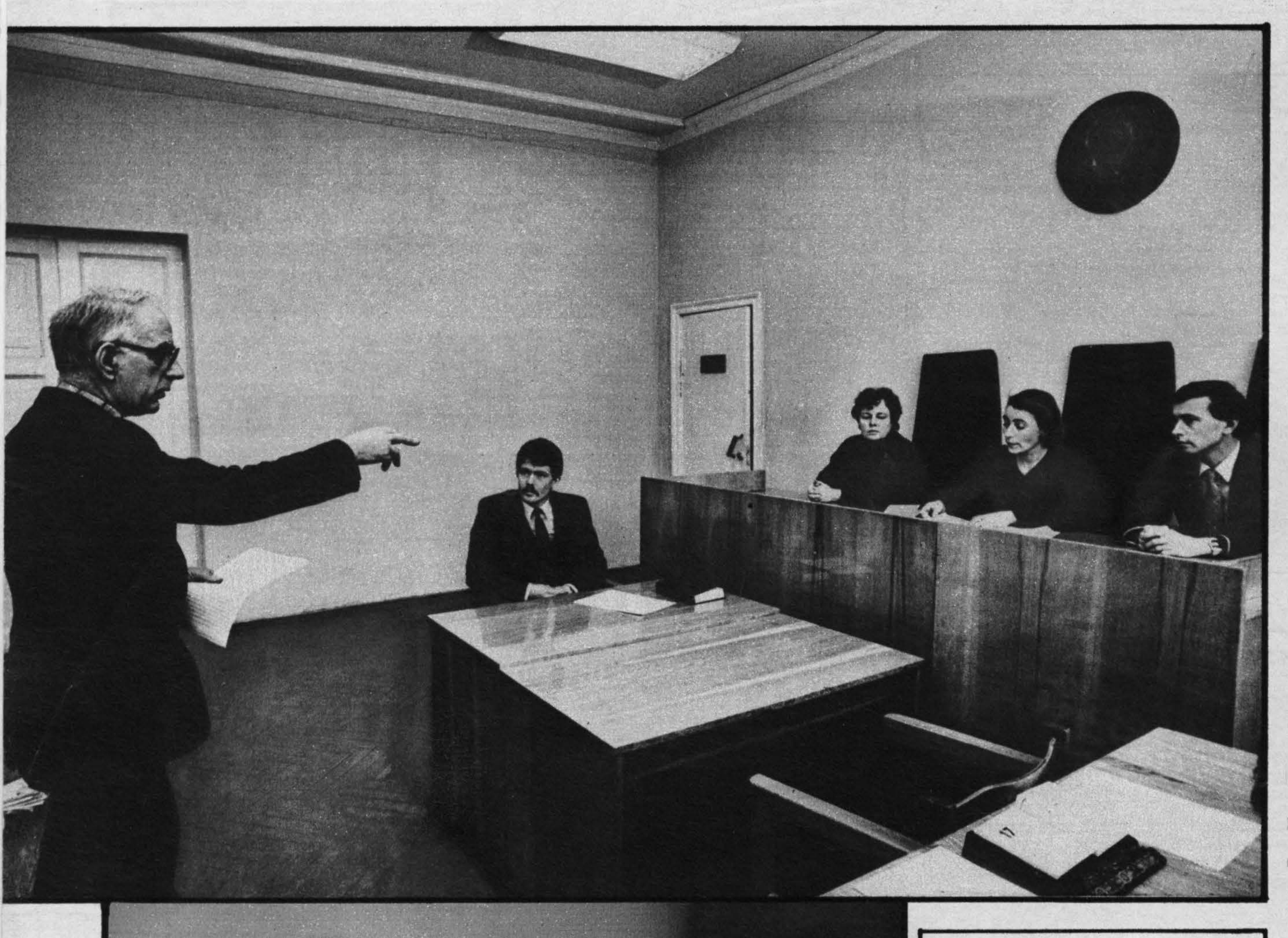


Анатолий ГОЛОВКОВ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

16 сентября 1983 года на квартире Андрея Николаевича Алексеева работники БХСС произвели обыск. Сказали, что ищут «валютные ценности». Несколько часов подряд рылись в его библиотеке, перетряхнули архив. А когда забрали наконец личные письма, отчеты, конспекты, выписки — больше двух тысяч листов,— Алексеев понял, что «валюта» нежданных визитеров и не интересует вовсе; видно, для вторжения и санкции на это прокурора Кировского района Ленинграда, советника юстиции В. А. Дмитриева, требовался лишь повод.

Вот из чего складываются будни Андрея Николаевича Алексеева. Заводской цех, где проходит невидимая «линия фронта»; место работы и эксперимента длиною в восемь лет — полигон, как говорят социологи. И — квартира, ставшая, по существу, кабинетом, где Алексеев изо дня в день честно отрабатывает «вторую смену».

«...МИР ПОГИБНЕТ, ЕСЛИ Я ОСТАНОВЛЮСЬ»



Жест Алексеева не случаен. На этом последнем заседании его иск был удовлетворен. Значит, бывает, и судьи ошибаются?

Ждут справедливого решения — и союзники, и противники...

Начальник третьего цеха Н. А. Ярош удивлен: ведь сказано же было — фотокорреспондента «Огонька» не пускать!..

Пять писем Андрея Николаевича в прокуратуру с просьбой снять необоснованное подозрение ничего не дали. Более того. Почти через два месяца, 11 ноября, неизвестные взломали дверь его квартиры (Алексеев и его жена были на работе), снова перевернули вверх дном вещи и ...ничего не украли. Алексеев заявил в милицию, но 60-е отделение «заупрямилось»: теперь ему, напротив, отказывали в возбуждении уголовного дела. Лишь через два года (!) он получит ответ из городской прокуратуры, подписанный заместителем начальника следственного управления Ф. Готовского: «...при расследовании дела, возбужденного по факту проникновения в Вашу квартиру, **допущена неоперативность,** в связи с чем с работников прокуратуры Василеостровского района истребованы объяснения... Обыск в Вашей квартире производился в связи с тем, что **были основания полагать, что у Вас могут находиться валютные ценности... Обыск произведен обоснованно»** (выделено мною.— **А. Г.**). А насчет того, что сами «основания» оказались мнимыми, ни слова!

Но к тому времени Андрею Николаевичу, по правде говоря, никаких «объяснений» и не требовалось. Все, что намечалось по сценарию, произошло. Соответствующая экспертиза пришла к выводу, что дневники и письма «содержат политически вредные и идеологически не выдержанные оценки отдельных сторон советской деятельности». 5 января 1984 года занавес наконец поднялся: Андрея Николаевича пригласили на беседу. Родилась справка «В отношении Алексеева А. Н.».

Кто же таков Андрей Николаевич Алексеев и какую опасность он представляет для нашего государства?

Потомок знаменитого П. П. Аносова, изобретателя русского булата, потомственный ленинградский интеллигент, Алексеев блестяще окончил школу, а затем Ленинградский университет сразу по двум специальностям — славистика и журналистика, овладел тремя европейскими языками. Молодость его, работа в ленинградской «Смене» совпали с головокружительным временем «оттепели». В год XXII партийного съезда он стал коммунистом. Начало «брежневской эпохи» застало его в «Ленинградской правде». Как и многие, не сразу почувствовал он, что начался новый, качественно иной период в жизни страны. Но вот стали снимать с полосы уже набранные острые критические материалы, правдивый анализ все чаще подменяли цветистые, изобилующие цитатами из речей партийных руководителей передовицы. Ему, заведующему отделом промышленности газеты, все реже удавалось найти общий язык с руководством. Складывалась до боли знакомая многим теперешним моим коллегам ситуация, когда лучше уйти самому, чем ждать, пока тебе предложат написать заявление «по собственному...». Да и сам Андрей Николаевич уже хорошо понимал, что не сможет участвовать в этой пандемии лицемерия (тот, кто пережил время застоя, работая в печати и стремясь нести людям правду, знает, каких нервов это стоило!). Алексеев давно искал иную сферу приложения своих способностей. Он выбрал социологию, защитился, стал кандидатом философских наук. Так был сделан, может быть, важнейший выбор в его жизни.

Из дневника А. Н. Алексеева (1987 г.)

«Не гони волну», «Жить-то надо», «Хочешь жить — умей вертеться» — повсеместное распространение и сложившийся своего рода диктат этой «житейской мудрости» заслуживают сегодня не осуждения, а понимания. Как-никак это пусть вынужденная, но все же нравственная позиция в отличие от цинизма, который принципиально аморален. Надо сказать, что такие «нравственные уроки», закрепленные многолетним жизненным опытом, даром не проходят. В этом смысле моральная перестройка вероятно не столько в нынешнем, сколько в следующем поколении.

Нравственным уроком для отдельных людей (хоть и не большинства, но имя им легион!) начиная с середины 60-х годов — времени глубокого общественного разочарования после надежд, разбуженных XX съездом КПСС,— были зачастую мучительные, у одних только внутренние, у других находящие выражение в поступках, в линии поведения, нравственные искания: как жить, что делать, чтобы... (Чтобы остаться самим собой? Чтобы жизнь не прошла зря? Чтобы быть полезным обществу?) Слова могут быть разные, а суть-то одна — личностное воплощение общественной совести. Для меня, как для социолога, это вопрос не только нравственный, но и профессиональный».

Мне потребовалось бы больше слов для объяснения позиции Алексеева перед тем, как он решился на уникальный эксперимент, поставленный... на самом себе. В то время Андрей Николаевич, как и многие ученые-обществоведы, оказался перед дилеммой: либо преподносить результаты исследований такими, какими их желают получить руководители, нетерпеливо ждущие научного доказательства правильности «генеральной линии», вооружиться такой казуистической терминологией, так замаскировать истину, что сам

черт себе голову сломит, либо попытаться дать анализ истинного, но, мягко говоря, удручающего положения вещей. В 1980 году Алексеев принимает решение: на несколько лет сменить кабинет Института социально-экономических проблем АН СССР (ИСЭПа) на заводской цех «Ленполиграфмаша», стать рабочим, изучить ситуацию «изнутри».

Весьма подробно об этом уже писала «Литературная газета» (Л. Графова. «Преодоление пределов», «ЛГ» от 23 сентября 1987 года, № 39). Поэтому ограничимся хроникой.

1982 год. После первых докладов на ученом совете ИСЭПа о результатах примененного им метода «наблюдающего участия» и вывода о том, что «своеобразным солнечным сплетением системы производственных отношений является управление распределением, а ключевой проблемой — реализация принципа «От каждого — по способностям, каждому — по труду», Андрея Николаевича на всякий случай увольняют из института (он работал там на полставки) под предлогом «сокращения штатов». Это было в январе.

1983 год. Обыск и налет на квартиру.

1984 год, март. Справка «В отношении Алексеева А. Н.» разослана по организациям, в том числе и на завод «Ленполиграфмаш».

1984 год, май. Заводской партком утверждает решение цехового партийного собрания об исключении А. Н. Алексеева из рядов КПСС.

1984 год, август. Секретариат Ленинградской организации принимает решение об исключении Алексеева из членов Союза журналистов СССР.

1986 год, январь. На бюро Ленинградского отделения Советской социологической ассоциации А. Н. Алексеева исключают из рядов ССА.

...Я впервые приехал к нему в Ленинград осенью прошлого года, мы познакомились и впоследствии стали добрыми товарищами. К тому времени, измотанный непрестанным напряжением, но отнюдь не сломленный, он уже седьмой год вел свой необычный эксперимент. Вел вопреки устроенной ему травле. Отлученный от ИСЭПа, исключенный и еще и не восстановленный в партии, он продолжал работать в одиночку, беспокоясь лишь о том, как сберечь силы, чтобы довести дело до конца. Ему было очевидно, что резко критические исследования в начале 80-х годов, выступления на ученом совете ИСЭПа, попытка защитить своего учителя В. А. Ядова, ученого с мировым именем, которого вынудили уйти из института, устроив настоящий погром его школе,— все это не могло не раздражать партийный аппарат времен Романова. Пока, наконец, чаша терпения не переполнилась.

— Это трудно передать,— говорил он мне тогда, разминая в пальцах давно потухшую папиросу.— Ощущение духоты. Как перед грозой, понимаешь? Сначала тишина. Потом удар за ударом...

Ну как же не понять? Как забыть это ощущение, словно тебе приходится жить на полигоне, где ежедневно упражняются снайперы... Где «чересчур» смелая статья, даже не пропущенная в печать, подпись под письмом в чью-то защиту или просто неловкое высказывание могли любого превратить в «мишень», поставить под сомнение все, в том числе минимум личного благополучия... Когда малейшая попытка выразить несогласие с официальным курсом или даже поставить под сомнение его правильность оборачивалась политическими обвинениями... Вот в каком «перекрестии прицела» оказался Андрей Николаевич Алексеев, талантливый ученый, честный коммунист.

Из дневника А. Н. Алексеева (1980 г.)

«Моя нынешняя социально-производственная ситуация вполне укладывается в «формулу разгильдяйства». Элементами этой формулы являются незаинтересованность, некомпетентность, безответственность. Разгильдяйство может обретать человеческие, теплые формы, включать в себя стихийную доброжелательность, простоту отношений, готовность к взаимопомощи. Разгильдяйство в чистом виде выражено в низовом руководящем звене, не столь человечном, как рабочий класс, не столь бюрократичном, как менеджеры и чиновники.

Разгильдяи-мертвяки и разгильдяи-люди, с такой тонкой гаммой взаимопереходов и оттенков! Хотя я бы предпочел избегать употребления этого понятия для определения отдельных субъектов. Это не обозначение человека, а **социальное качество** (выделено Алексеевым.— **А. Г.**). *Каждый человек в отдельности вроде бы и не разгильдяй, а в целом — массовое разгильдяйство...»*

Вот что прочитали в парткоме «Ленполиграфмаша», куда любезно переправили рукописи А. Н. Алексеева «для ознакомления». Вывод парткома был однозначен: коммунист такого написать не мог, так мог написать только отщепенец! Никакие алексеевские объяснения, письменные ли, устные, не помогли. Доказывал — не слышали. Читали главным образом отчеркнутое красным карандашом. Никому оказались не выгодны наблюдения ученого-социолога «глазами рабочего»: выводы и мысли Алексеева на фоне трескотни о «дальнейших успехах» представлялись кощунственными.

Ну, а потом-то, после Апреля, после XXVII съезда партии? Сегодня, казалось бы, само время напоминает о том, что обычную перестраховку не стоит выдавать за внутренние убеждения; не надо совершать поступки, за которые потом бывает стыдно. А уж совершив, по недальновидности или по лукавому недомыслию,— исправлять должно! Однако наивно было бы думать, и политические дискуссии последнего времени (одна лишь история с публикацией письма Н. Андреевой в «Советской России» чего стоит!) убеждают, что и нынче в борьбе за перестройку мы не так скоро преодолеем попытку некоторых людей загримировать желание вернуться к старому «принципиальной позицией», а саботаж демократии и гласности — «осторожностью в разумных пределах».

Есть, например, замечательная возможность проследить эволюцию мышления секретаря парткома «Ленполиграфмаша» М. К. Михайлова в октябре прошлого года и теперь, накануне Всесоюзной партийной конференции. Замечу, что М. К. Михайлов, несмотря на солидную должность, не какой-нибудь убеленный сединами застойный функционер. Ему всего 35 лет. В недавнем прошлом комсомольский работник. У него располагающая к задушевности внешность, он в меру деликатен и строг, уверен в себе.

Тогда, в прошлом году, А. Н. Алексеев подал апелляцию на восстановление в рядах КПСС с сохранением партийного стажа, полагая, что в ходе перестройки может рассчитывать на справедливость.

— Неужели вы всерьез считаете, что так называемые научные наблюдения Алексеева не антисоветчина чистой воды? — глядя в глаза, спросил меня Михайлов.

— Михаил Кириллович,— сказал я, в свою очередь,— какие из научных трудов Алексеева вы читали? Ведь у него только опубликованных больше ста двадцати...

Секретарь парткома погрузился в раздумья. И признался затем, что нет, ничего он не читал, кроме бумаг, оказавшихся в парткоме накануне исключения Алексеева из партии. Неудивительно, что и в подписанной Михайловым характеристике на А. Н. Алексеева, которую потребовала парткомиссия Ленинградского обкома КПСС, от 12 августа 1987 года сказано: «Выступления Алексеева носят критический, демагогический характер (?). Хорошо понимая в каждом случае суть конфликта, он умело и намеренно обостряет противоречия между рабочими и администрацией... Имеет явную склонность к сутяжничеству». И далее: «...ни с какой критикой в свой адрес не соглашается, вины перед партией за собой не признает».

Через полгода я снова сидел в кабинете Михайлова, и он мрачновато косился на включенный диктофон.

Пленка: *«В прошлый раз вы говорили, что политические обвинения в адрес Алексеева имеют под собой*

А. П. Куликов, начальник цеха № 8. Сразу как-то и не ответишь, почему душно в производственных помещениях, плохо освещены рабочие места...

Позавчера их слышать не желали. Вчера — делали вид, что слушали. Сегодня — вынуждены выполнять требования рабочих. (Собрание в восьмом цехе.)

почву, что он в самом деле настроен антисоветски... Изменилось ли ваше мнение за время, пока мы не виделись?» «Я эту часть нашего разговора, честно говоря, что-то не припомню...» «Ну, что ж, тогда, может быть, вы сейчас скажете, что думаете по этому поводу?» (Долгая пауза.) «Видимо, время накладывает отпечаток... Но, наверное, не в этой области время должно накладывать отпечатки... В тот период выводы Алексеева были очень революционными. Оценить их значимость, может, тогда было и невозможно». «А сегодня?» «А сегодня, наверное, их нужно оценивать... Я читал страниц двадцать. Были обобщения о коллективе, где он трудится. Не надо было обобщать в целом! В любое время, застойный ли это период, незастойный, эти определения должны быть все-таки неизменными...»

Интересно, почему?

Из письма А. Н. Алексеева

«26.XII.87. Ленинград.

...Ты просишь, чтобы я рассказал дополнительно о том, на что «обиделся» партком перед моим исключением из КПСС? Вот пример. Моим критикам показалось оскорбительным замечание в личном письме в связи с коммунистическим субботником в апреле 80-го. «Цеховой четырехугольник,— писал я другу,— обходил все рабочие места и каждому цеплял на грудь красную тряпочку. Почему "тряпочку", допытывались у меня, может быть, «бантик»? Не помню, была ли эта ленточка завязана в бантик. Кажется, нет. На последующих субботниках вручался уже не бантик, а значок. Но дело не в этом».

«На мой взгляд, действительно кощунственна липа в экранах таких субботников, где фиксируется (в нормо-рублях) объем работы за каждые два часа, но в полном рассогласовании с реальными результатами труда за это время. Отчеты о выполнении полуторного или хотя бы целого дневного задания за те 4—5 часов реального субботника — это сплошное очковтирательство! Фактически на субботнике закрываются наряды на продукцию, изготовленную раньше... Все это прекрасно знают: от рабочего до директора. А от беспартийного рабочего можно услышать, что это «политика партии». Вот над чем бы задуматься, а не над тем, как назван «бантик» в личном письме...»

Перечитываю и думаю: и это антисоветчина?

Нет, ничего за полгода не изменилось в мышлении милейшего Михаила Кирилловича. В прошлом году Андрей Николаевич и его товарищи по участку восстали против формальной организации двухсменки, когда рабочих механически поделили на две группы... Против того, что дирекция уменьшает расценки на старых рабочих местах вместо снижения затрат на единицу продукции. А Алексееву ярлык: демагог, мол, критикан... Однако поскольку многие рабочие поддерживают Алексеева, партком, профком, администрация то и дело оказываются в «изоляции». Особенно ярко проявилось это при недавних выборах советов трудовых коллективов (СТК).

Из письма А. Н. Алексеева

«3.I.88 г. Ленинград.

...Расскажу тебе о том, как делались снизу еще даже не перемены, а — правильнее сказать — создавались демократические предпосылки перемен на нашем «Ленполиграфмаше».

Кампания выборов в СТК началась еще в конце прошлого года, когда в многотиражке опубликовали проект Положения о совете трудового коллектива. Кое-что в этом Положении нам показалось странным, и группа работников нашего цеха, в которой по крайней мере троих можно отнести к разряду «неудобных», обратилась в газету с письмом. Мы предложили не выбирать в СТК по заранее составленным «спискам кандидатов», имея в виду, что таким образом в общественные организации могут попасть «свои люди» — сговорчивые, некомпетентные. Прошла дискуссия. Мы сумели настоять на своем, и в нашем цехе, например, кандидатуры в цеховой совет выдвигали на собраниях участков без ограничений. В итоге выяснилось, что в состав СТК не прошел начальник цеха (не попал в число 13 первых кандидатов), а секретарь партбюро набрал даже меньше половины голосов. Вот тебе эффект полноценного тайного голосования!

В других цехах произошло примерно то же самое. Кто-то охарактеризовал это как «разгул демократии», я бы сказал скромнее — «ростки демократического сознания». И как, ты думаешь, отозвалась на это событие администрация? Процитирую отрывок из заметки одного из разработчиков первоначального варианта Положения. «Безусловно, выборы в СТК выявили много проблем. К примеру, в советы не вошло большинство руководителей подразделений. ***Это отнюдь не означает недоверие людей к своему руководству или недовольство им*** (выделено Алексеевым.— **А. Г.**). *Просто коллективы лучше организаторов выборной кампании разобрались в различии функций СТК и полномочий администрации».*

Что же дальше? Профсоюзные лидеры спохватились и стали принимать все меры к тому, чтоб на общезаводской конференции не повторились «неожиданности» цеховых собраний. Четыре часа шли дебаты, и... все-таки проголосовали списком! Как говорится, шаг вперед — два шага назад. Но ведь «уроками демократии» могут служить не только завоевания ее, но и поражения.

Жму руку! А. А.».

Рассказывали мне, что в Ленинграде ходит по рукам ксерокопированный плакат. На нем двое рабочих держат в руках лозунг: «Вся власть Советам...» — это крупно, а ниже чуть помельче: «...трудовых коллективов!». «Ростки демократического сознания» упорно пробивают себе дорогу к свету сквозь толщу бюрократического бетона. Есть чего бояться во время революции тем, кто, не желая участвовать в переменах, видит себя в роли сторожа в будке и торопливо «просчитывает»: пущать дальше гласность и демократию или не пущать, а если пущать, то до каких пределов? Привычных-то инструкций на сей счет нынче не поступает!

«Проходя Аллеей славы»
(«Трибуна машиностроителя»
от 10 февраля 1988 г.)

«Каждый день мы дважды проходим по Аллее славы на работу и с работы и обычно не смотрим по сторонам. А там снимки лучших людей нашего предприятия. Но вот мы посмотрели и удивились. Дело в том, что из 32 портретов на заводской Доске почета два принадлежат нашему, третьему цеху. Это фотографии К. Х. Кутуева, председателя цехового комитета, и В. Н. Курсова, секретаря цехового партбюро. Возникает вопрос: как подбираются кандидатуры для Доски почета?

...Какой бы вопрос ни возник, рабочие знают — к предцехкома лучше не обращаться. Он только собрания открывать умеет. А мнение у него всегда совпадает с мнением начальника... Мы считаем, что председатель нашего цехового комитета не место на заводской Доске почета. Коллектив цеха его туда не выдвигал...

А. Алексеев, слесарь, член СТК цеха. Е. Рыжов, слесарь, член совета бригады, С. Русинов, слесарь, член совета бригады, В. Косульников, слесарь».

Ответ партбюро цеха № 3 на письмо
«Проходя Аллеей славы»
(«Трибуна машиностроителя»
от 23 марта 1988 г.)

«...Партбюро цеха считает предложение авторов письма обсуждать кандидатуры, представляемые на Аллею славы, на цеховом собрании, неприемлемым, ***потому что не у всякого хватит сил выдержать такое, это будет похоже на разбор проступка нарушителя.*** *У нас вызывает удивление, что редакция газеты дала непроверенный материал, направленный не на объединение коллектива, а на противопоставление одной части другой. Надеемся, что партийный комитет объединения разберется во всей этой истории и даст принципиальную оценку.*

Партийное бюро цеха № 3».

Партком безмолвствует. А его глава М. К. Михайлов во время последней нашей встречи заметил: «У нас много инициативных людей, небезразличных, думающих... А вот Андрей Николаевич, мне кажется, больше ученый, чем полиграфмашевец...» «А восемь лет работы?» — спросил я. «Отчасти это вынужденные восемь лет. Когда тебя лишают званий, что остается, если ты социологом быть не можешь?»

Между тем «непатриот» Алексеев — автор шести рацпредложений, ударник комтруда, полтора года назад — абсолютный победитель соцсоревнования на заводе. И это, скрепя сердце, даже его недруги вынуждены признать. Компетентность Алексеева постоянно сталкивается с некомпетентностью администраторов. Вот и побаиваются его, норовят подловить на мелочах. А когда Андрей Николаевич выбирает нормальный с правовой точки зрения способ защиты, обвиняют в сутяжничестве.

22 января прошлого года начальник цеха объявил ему выговор «за опоздание с обеда на 10 минут». Как поступил бы на его месте обыкновенный рабочий? Ну, подождал бы, пока снимут взыскание. Алексеев же обратился с иском на «Ленполиграфмаш» в районный суд. Отчего бы на самом деле не проследить механизм восстановления социальной справедливости на собственном примере? И было несколько судебных заседаний. Был и протест в президиум Ленинградского городского суда прокурора г. Ленинграда, государственного советника юстиции III класса А. Д. Васильева. И что же?

Выписка из решения
Петроградского районного нарсуда
от 25 марта 1988 г.

«Снять с Алексеева Андрея Николаевича дисциплинарное взыскание — выговор, объявленный распоряжением начальника цеха № 3 ПО «Ленполиграфмаш» от 22.01.1987 г. Решение может быть обжаловано в Ленгорсуде в 10 дней».

Слух об этом немедленно облетел завод. Начальство справляло невольную «тризну». Алексеев получал поздравления от товарищей по цеху.

Этот урок, преподанный Алексеевым, имеет одну важную особенность. Проще всего было бы представить сегодня Андрея Николаевича только как «жертву произвола», чье поведение не устраивает «консервативно настроенных чиновников». Однако сам-то он отнюдь себя жертвой не считает. Напротив, как бы вынуждает окружающих определять позицию, делать жесткий выбор: и рабочих в своей бригаде, и ученых, и администраторов, и партийных работников, и личных друзей,— вот еще какой парадоксальной гранью обернулся его эксперимент! А все формы противодействия, которые оказывают ему и по сей день, в сущности, сводятся к одному: упорному нежеланию понять, что социолог А. Н. Алексеев поставил опыт не на ком-то, а на самом себе; двигает им не тщеславие, не корысть, а глубокий интерес ученого докопаться до истины, правдиво разобраться в том или ином явлении, не уступая догмам.

Андрей Николаевич не скользит по времени, но вторгается в него со всей энергией, на которую способен; и оно, время, в разные периоды жизни не лечит — глубоко ранит его. Согревает лишь уверенность, что он не один, не какая-нибудь белая ворона на общем кумачово-благополучном фоне.

В апреле восемьдесят четвертого два коммуниста воздержались при голосовании на цеховом партийном собрании при исключении Алексеева из КПСС. Это бригадиры А. В. Сыцевич и И. В. Виноградов, с которыми Андрей Николаевич непосредственно работал. Беспартийный инженер Б. И. Максимов хотел прийти на заседание парткома, чтобы заявить о своем «особом мнении», когда разбирали персональное дело Алексеева,— не пустили. Но был еще и четвертый...

Из письма А. Н. Алексеева

«21 февраля 1988 г. Ленинград.

...Время от времени я пытаюсь проанализировать прошлое, особенно сейчас, когда встал вопрос о моем восстановлении в КПСС. Недавно мне стало известно вот о чем. Г. А. Богомолов, оказывается, был единственным членом той самой партийной комиссии (заводской, отчего я не сразу об этом узнал!), который возмутился предложением читать мои личные письма в целях политического обвинения. Ему объяснили, что письма — это «статьи». Богомолов взялся читать подряд. «Так ведь это же правда!» — заявил он. Ему сказали: «Ты читай подчеркнутое». «Во-первых,— примерно так возразил Богомолов,— этак и из центральных газет настричь цитаток можно. Во-вторых, где же тут клевета на советскую действительность?!» На заседании партийной комиссии, где мне вменялось в вину нарушение Устава КПСС, то есть среди прочего — «в написании статей политически вредного содержания», Богомолова не было. Его не пригласили. А потом и вовсе исключили из состава комиссии при парткоме.

Я бы не рискнул утверждать, что эпизод этот сыграл значительную роль в эскалации травли, которую развернули против лучшего фрезеровщика Ленинграда, лауреата Государственной премии Г. А. Богомолова. В 1986 году его тоже исключили из партии и восстановили лишь недавно. Но этот эпизод лишний раз высвечивает те человеческие резервы современной перестройки, которые, разумеется, существовали и до апреля 1985 года. И еще одно: обнаруживается (обнаружилось еще до личного знакомства) то общее, что объединяет нас с Богомоловым. Что позволило нам при личной встрече в конце 1986 года (Богомолов был только что исключен из партии, а Алексеев получил отказ на апелляцию, посланную в адрес XXVII съезда КПСС) просто обняться... Мы не «товарищи по несчастью». Мы — побратимы и соратники!. Как тебе лучше назвать это общее? Это нравственно-политическая позиция.

Тебе, видимо, тоже приходится видеть, что дифференциация позиций происходит сейчас в каждом социальном слое. А вот мой личный опыт позволяет сделать и другое наблюдение. Не всякий управляющий — бюрократ, но бюрократы, как правило, так или иначе принадлежат к управленческой сфере. Тем более не каждый рядовой труженик (рабочий, инженер, ученый и т. д.) — борец за перестройку. Но встретить их пока что чаще всего можно среди рядовых. Говоря фигурально,

Окончание на стр. 31.

Семен ГУРЕВИЧ,
доктор исторических наук

ПРОШУ СЛОВА!

НУЖДАЕТСЯ ЛИ МАРКС В РЕАБИЛИТАЦИИ?

Этого я уже не забуду. Когда я закончил очередную лекцию, ко мне подошли двое студентов. «Вы ссылались сегодня на Маркса,— начал один из них,— так у нас возник вопрос: почему собрание его сочинений не называется полным? Полсотни томов все-таки... Вот у Ленина все ясно: на обложке каждого тома указано: полное собрание сочинений, издание пятое... А у Маркса и Энгельса просто: сочинения. Значит — неполные?» Ну, разумеется, я стал объяснять им, что все сколько-нибудь значительные произведения основоположников марксизма опубликованы во втором русском издании их сочинений — в основных томах и в дополнительных. Что фактически это издание является почти — ну, за некоторыми исключениями — полным, вполне достаточным для того, чтобы получить цельное представление о всем научном и публицистическом творчестве Маркса и Энгельса. Не забыл упомянуть и о томах Архива Маркса и Энгельса...

Ребята молча кивали, затем, когда я прервал свой монолог, один из них тихо сказал: «Да, это мы, конечно, знаем. Почему же «голоса» говорят, что на русском языке нельзя найти некоторых трудов Маркса, что от нас их скрывают? И даже называют их, например, какую-то «Тайную дипломатическую историю восемнадцатого века». Это же о России?» И, раскрыв портфель, потянул оттуда том с портретом Маркса на обложке и названием — «Биография».

О хитрецы! Они весьма основательно подготовились ко встрече со мной. Ведь, услышав, о чем идет речь, я уже собирался отослать их именно к этой книге — к биографии Маркса, вышедшей в свет в 1968 году. Там, я знал, несколько страниц были посвящены упомянутой работе, там давалась высокая оценка проницательности Маркса в его наблюдениях ряда сторон исторического развития России, там цитировались его яркие характеристики некоторых русских государственных деятелей. Но когда я начал бодро воспроизводить по памяти содержание этих страниц, мои собеседники раскрыли том с биографией Маркса (заранее закладку заложили!) и, безжалостно ткнув пальцем в сноски, с улыбками на лицах спросили: почему, цитируя Маркса, авторы биографии ссылаются на английскую газету «Free press» от 1856 года? И вообще, где они могут прочитать эту самую работу на русском языке?

Все. Я был приперт к стенке. И когда, услышав мой мрачный ответ: «К сожалению, пока нигде»,— студенты, естественно, потребовали объяснить, почему работа Маркса, связанная с историей России, осталась не переведенной на русский язык, я честно сказал: «Не знаю». И добавил: «Думаю, это ошибка. И ее надо исправить...» Но это уже было слабым утешением — и для моих собеседников, и для меня...

Нет, отвечая им, я не лукавил. Тогда я действительно не знал, чем объяснить факт, который стал предметом нашего разговора. Многого не знаю и сейчас. И лишь в последнее время, размышляя над происшедшим, встречаясь с марксоведами, вспоминая, как долго и тяжело шли к массовому читателю некоторые из последних ленинских документов, начал кое о чем догадываться.

Факт остается фактом: уже более ста лет одно из крупных произведений Маркса, непосредственно связанное с историей России, остается неизвестным русскому читателю. Речь идет не о небольшой газетной или журнальной статье, а об исследовании объемом более пяти печатных листов, которое Маркс напечатал в 1856—1857 годах. В виде серии публикаций в английских газетах под названием «Разоблачения дипломатической истории XVIII века». После смерти Маркса его дочь Элеонора опубликовала эту работу отдельным изданием, дав ей заглавие «Тайная дипломатическая история XVIII века». Затем ее неоднократно переводили с английского на ряд других языков. Кроме русского.

Не буду рассказывать о возникновении у Маркса замысла этой работы — желающие могут познакомиться с этим на тех же страницах его «Биографии». Скажу лишь, что он рассматривал ее как введение к большой книге, посвященной истории русско-английских отношений и закулисным сторонам английской и русской дипломатии XVIII века. Замысел свой Маркс так и не реализовал, оставив читателям лишь опубликованную им вводную часть.

Стремясь разоблачить реакционный характер внешней политики английского правительства, контрреволюционный союз английской буржуазной олигархии с русским царизмом, Маркс включил в свою работу тексты ряда дипломатических документов — писем английских посланников и резидентов, находившихся в XVIII веке при петербургском дворе, а также английских памфлетов.

Уже сами эти документы — а их текст составляет добрую половину всей работы Маркса — сообщают немало нового, и не только для специалистов-историков. Но главное в труде Маркса для современного читателя заключается в авторском комментарии к этим документам. Отталкиваясь от них, Маркс, по существу, дал в своей работе сжатый обзор истории России — от возникновения Киевской Руси до конца XVIII века. Останавливаясь лишь на самом важном — событиях, процессах и их результатах, он выяснял исторические предпосылки завоевательной внешней политики самодержавного царского правительства. Несмотря на некоторую эскизность этого обзора, Маркс пришел в ряде случаев к масштабным выводам, и сейчас помогающим понять характер исторического процесса формирования российского государства, факторов, влиявших на судьбы русского народа.

Какую, например, великолепную характеристику Маркс дал Петру I, в политике которого он увидел не только желание укрепить самодержавную власть, но и поразительную смелость выдающегося государственного деятеля, решившего перенести столицу из континентального центра к морской окраине, его роль как великого преобразователя, стремившегося цивилизовать Россию, боровшегося с косностью и азиатчиной в стране. Разумеется, в исторических заметках Маркса, в его оценках и характеристиках есть и пробелы, и отдельные положения, которые сейчас кажутся нам спорными или даже ошибочными. Но ведь Маркс исходил в своих представлениях о русской истории из уровня тех знаний, которые могла тогда предоставить ему историческая наука. И знания эти он мог почерпнуть прежде всего в доступных ему сочинениях западноевропейских исследователей, далеко не всегда настроенных дружелюбно по отношению к России. Тем крупнее заслуга автора «Разоблачений», сумевшего, несмотря на эти отрицательные факторы, провести содержательный анализ многих важных этапов истории России. И справедливо авторы «Биографии» Маркса подчеркивают значение этого его «первого экскурса» в историческое прошлое России. Маркс заложил здесь фундамент для своего исследования истории этой страны в XIX веке, значения и перспектив русского революционного движения.

Уже современники Маркса с уважением отнеслись к публикации этой работы. Одним из них был Энгельс. Напечатав в 1892 году краткую биографию Маркса, он указал в списке его крупнейших произведений и «Разоблачения дипломатической истории XVIII века». Знал об этой работе и Ленин. Написав в 1913 году для энциклопедического словаря Гранат свою известную статью «Карл Маркс», он также включил «Разоблачения» в список литературы, рекомендованной читателям.

...Да, студенты, затеявшие со мной разговор о неизвестной им работе Маркса, имели все основания задавать вопросы, на которые у меня не было ответа. И в самом деле, как объяснить, почему «Разоблачения» так и не были переведены на русский язык, не включены ни в первое, ни во второе издание сочинений основоположников марксизма? Почему фактически никто, кроме узких специалистов, и представления не имел об этой Марксовой версии — интерпретации ряда событий на важнейших этапах истории России? Кто и почему так прочно «закрыл» работу Маркса от русскоязычного читателя? Ведь были люди, знакомые с ней и понимавшие всю нелепость создавшегося положения.

Да, такие люди были. Не раз и не два сотрудники Института Маркса – Энгельса – Ленина, затем Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ставили вопрос о необходимости перевода и издания работы Маркса. Стучались во многие двери, поднимались по чиновным ступеням все выше и выше, чтобы снова услышать непреклонное «Нет!». Повторяли свои попытки, писали докладные записки, объясняли и уговаривали... Все оказывалось безрезультатным. Однажды едва не добились успеха: перевод Марксовых «Разоблачений» чуть было не включили в состав одного из дополнительных томов сочинений основоположников научного коммунизма. Так не включили же: в последний момент помешало то же раздавшееся сверху решительное «Нет!»...

Что же лежало в основе этих отказов, запретов, несогласия? Должна же быть в конце концов какая-то серьезная, весомая причина столь постоянного и неизменно отрицательного отношения к работе Маркса лиц, определявших ее судьбу? Мне кажется, я понял, в чем тут было дело.

Эти люди руководствовались чувством патриотизма. Да-да, патриотизма, как они его понимали. Того патриотизма, который на самом деле смыкался с национализмом и был весьма далек от социалистического интернационализма. Это было в действительности чувство лжепатриотизма, при котором малейшая критика недостатков в современном устройстве — столь незыблемом и привычном — воспринималась как покушение на устои социализма.

Так могли ли эти люди, познакомившись с работой Маркса, дать «добро» на ее публикацию? Маркс не стеснялся в выражении своих взглядов. И в его «Разоблачениях» мы найдем наряду с высокой оценкой роли Петра I также и острые, резкие, порой беспощадные характеристики личностей не только английских министров, но и первых московских князей и царей. Представляю себе реакцию некоторых сановных читателей, столкнувшихся в работе Маркса с утверждением, что московские цари вынуждены были татаризировать Москву. Или с полной едкого сарказма характеристикой Ивана Калиты, игравшего, по мнению Маркса, отвратительную роль орудия татарского хана, узурпировавшего в свою пользу его власть.

Так сформировалось «мнение». И чтобы преодолеть его, есть только одно-единственное средство — открытое обсуждение.

Впрочем, в данном случае ни о какой дискуссии пока не может быть и речи: дискутировать все еще не о чем. Теперь, если студенты снова зададут мне вопрос, как им прочитать Марксовы «Разоблачения», я первым делом осведомлюсь, знают ли они английский язык. Если знают, порекомендую найти в какой-нибудь из центральных библиотек 15-й том английского издания сочинений Маркса и Энгельса, которое выпускают Институт марксизма-ленинизма и английские коммунисты. Там опубликовали и «Разоблачения».

Неправда ли, интересная и во многом поучительная история? Доколе она, однако, будет продолжаться? Что же сейчас-то мешает издать работу Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века»? В любом виде — включив в очередной том Архива Маркса и Энгельса, в научный сборник — с предисловием, комментариями и примечаниями, рассказав о ее создании, о месте, которое она занимала в занятиях Маркса «русской темой», подчеркнув достоинства, отметив неточности и объяснив, с чем они связаны. Дав, наконец, читателям возможность самим разобраться в достоинствах и недостатках работы.

...Слежу за прессой, с удовлетворением узнаю о том, что после реабилитации Н. И. Бухарина планируют переиздать его труды, о том, что работает комиссия, решающая вопрос о передаче сотен научных трудов, закрытых прежде в спецхранах, в открытый доступ библиотек, и задаю себе вопрос: не создать ли в самом деле какую-нибудь комиссию для реабилитации «крамольной» работы Маркса? И том с этой работой появится в книжных магазинах... Тем паче, что, наверное, перевод давно готов. И ученые Института марксизма-ленинизма получат возможность познакомить наших читателей с Марксовой версией ранней истории России.

НА ТРИБУНУ XIX ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ ● УКАЗАНИЕ ПО ТЕЛЕТАЙПУ? ● ОТЗОВИТЕСЬ НА «SOS!» РАЙОННОЙ БОЛЬНИЦЫ ●

■

Мне известно, что в Кировском районе Москвы проживает около 600 тысяч человек и на всех — один райком партии, один райком комсомола, один райисполком. У нас в Чите, где население в два раза меньше (свыше 300 тысяч), кроме горкома партии и горисполкома, есть еще соответственно пять райкомов партии, комсомола, райисполкомов, ДОСААФ и т. д. К тому же в каждом районе свои ремонтно-строительные и коммунальные службы, тресты благоустройства... Если сейчас, в период перестройки, мы говорим «нет» командно-нажимным методам руководства, то, вероятно, становятся излишними некоторые передаточные механизмы управления с их отчетами, проверками, сбором справок. И потому не правильным ли было в таком городе, как Чита, усилив горком партии, горисполком, другие общегородские организации, упразднить районное звено управления? К такому выводу приходишь не только из соображений материального порядка (освобождаются здания, автомобили, объединяются ресурсы маломощных служб, сокращаются расходы на содержание аппарата), но и по политическим мотивам: излишнее звено управления не просто обременительно для государства, оно становится защитником старых порядков и норм, там застревают многие идеи перестройки, игнорируется инициатива масс, ибо оно, это звено, делает все, чтобы сохранить свой статус и привилегии.

Предлагая упразднить районное звено управления, я не считаю это мероприятие обязательным для всех городов. В Чите — да! В крупнейших городах эта система, уверен, оправданна. Все зависит от конкретных условий, в том числе компактности территории, особенностей производства, численности населения...

Думаю, что на предстоящей партийной конференции нужно поднять и эти вопросы.

Г. КОЧЕРГИН,
рабочий
Чита

■

Передо мной газета Калининского обкома ВЛКСМ «Смена», статья «SOS!» — спасите наши души. Узнаю, что за последние 11 лет в Краснохолмской центральной районной больнице сменилось семь главных врачей, обеспеченность там врачами в три раза ниже, чем по области. Вчитайтесь и вы в эти слова: «В детском отделении на первом этаже — крысы», «дети называют их «кисками» — привыкли», «есть крысы и в родильном отделении», «в палатах плесень, сырость, удушливые запахи испарений», «в палате для участников Великой Отечественной войны в холодную погоду больные лежат в валенках, фуфайках».

Можно продолжать до бесконечности, но, думаю, достаточно. Знают ли о бедах районной больницы зав. областным отделом здравоохранения Ш. Н. Хондкарян и секретарь Краснохолмского райкома партии А. Н. Кондратьев? Знают, но почти ничего не предпринимают. Говорю «почти», ибо их оправдательный диалог с корреспондентом «Смены» Валерием Широковым — по сути своей стандартная бюрократическая отговорка, к которым они привыкли.

Задумаемся: почему это стало возможным? Секрет прост. Хондкарян и другие руководители, их чада и домочадцы лечатся не там, где крысы бегают, а лежат в палатах, в которых рдеют свежие гвоздики.

«SOS!» областной комсомольской газеты только чуть слышен в Калинине, пусть о нем узнает вся страна. Ибо пришла пора принимать решение: в районной больнице должны лечиться и уборщица тетя Маня, и комбайнер, и руководители. Тогда и «SOS!» не надо будет посылать в эфир.

А. С. ОСИПОВ,
член КПСС, участник Великой Отечественной войны
Калинин

■

До того я привык к негативным, а порой и необъективным публикациям в печати всего, касающегося церкви и религии, что беседа Андрея Чернова с академиком Д. С. Лихачевым «Предварительные итоги тысячелетнего опыта» («Огонек» № 10) потрясла меня своей честностью и глубоким пониманием темы, затронутой в беседе. Очень жду того времени, когда атеисты перестанут бояться диалога. Мы к нему готовы давно.

Священник Николай АГАФОНОВ
Волгоград

■

Сегодня, когда страна празднует День Победы, мы считаем своим святым долгом вспомнить тех, кто девятьсот дней и ночей жил, работал, умирал в блокадном Ленинграде,— сотни тысяч мужчин, женщин, стариков, детей. Но все ли сделали для них мы, живущие сегодня? Достаточно ли одних мемориалов и возложенных раз в году венков? Думаем, что нет. Больше, значительно больше могли бы сделать и те, кто руководит городом, и те, кто в нем живет.

Да, они воевали эти девятьсот дней и ночей, но можем ли мы подтвердить, что документально каждый из них считается участником Великой Отечественной? Да, они до предела были измотаны голодом, холодом, болезнями, но есть ли у них документы, а значит, и права инвалидов войны? Сколько их в каждом доме, предприятии, районе, городе? Какая организация или союз, созданный ими, ведет в нашем городе работу? А они должны иметь свой союз, например, «Общество блокадников», которое может войти в Советский комитет защиты мира или Комитет ветеранов войны, действуя как самостоятельная организация. Какова их роль в международном антивоенном движении? Где представители блокадников в партийных, советских, профсоюзных органах? Наконец, в каких условиях они живут? И кто и когда отчитывается в заботе об этих людях? Где больницы и санатории, в которых лечатся именно они, перенесшие ужасы блокадной жизни? Как обеспечена их старость? Словом, вопросов много и главное — они разрешимы.

Думаем, что ленинградцы сами подскажут, какие шаги и акции необходимо сегодня сделать. Пусть в день начала блокады, 8 сентября, наш город замрет на миг — минута молчания, и все мы, ленинградцы, мысленно будем с теми, чье величие и достоинство — пример для нас, ныне здравствующих. Мог бы быть этот день и днем благодарной благотворительной деятельности ленинградцев, а средства, полученные от нее, пошли бы в Фонд помощи блокадникам. Но сначала нужно создать этот Фонд.

Через газету «Вечерний Ленинград» мы обратились к своим землякам. Однако сотни тысяч ленинградцев в дни блокады были эвакуированы из города, и многие из них сюда не вернулись. Мы хотим, чтобы и они знали о делах и заботах города и, может быть, высказали свое мнение о проблемах, поднятых в нашем письме. Пусть каждый, где бы он ни жил, задумается, что мы все вместе можем сделать, сделать пока еще не поздно — век блокадников истекает. И мы должны успеть, не упустить, избавиться от бесчувственного беспамятства. Должны, если считаем себя людьми, если у нас есть совесть, если хотим называться ленинградцами.

О. БАСИЛАШВИЛИ,
народный артист СССР,
П. КАДОЧНИКОВ,
Герой Социалистического Труда, народный артист СССР,
М. АНИКУШИН,
Герой Социалистического Труда, народный художник СССР,
А. НЕСТЕРОВ,
редактор киностудии «Ленфильм»,
В. СОКОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

■

Ни гласность, ни усиление демократии не отменяют обязанность мастеров слова писать талантливо. Увы, сейчас, когда многие из них взялись за тему сталинизма, нередко в творениях писателей и поэтов проглядывают спешка, небрежность и суесловие. Хотя у нас есть достойные образцы того, как можно создавать произведения на данную тему. Достаточно упомянуть прекрасные поэмы «По праву памяти» А. Твардовского и «Реквием» А. Ахматовой. К сожалению, этого не скажешь об опубликованной в №№ 2—3 журнала «Москва» стихотворной работе Николая Доризо «Яков Джугашвили». Начать с того, что она имеет броский и вычурный подзаголовок: «Быль и легенда. Трагедия». Сразу же хочется спросить автора: а не смешивает ли он три совершенно разных литературных жанра или делает это намеренно, дабы придать своему «труду» больший вес. Ну, да это куда ни шло. Но как написана эта вещь! Язык ее беден и банален, отсутствует какая-либо образность. Наспех слепленными, напоминающими газетные передовицы выглядят, к примеру, следующие изречения:

Пусть Сталин был и знаменем
для них,
И божеством в их думах
сокровенных,
Мы к культу личности
не причисляем их.
Их, свято неповинных
ни в каких
Тех черных злодеяньях
довоенных.

А есть места в этой «драме», где Н. Доризо пытается с пафосом разоблачить обстановку подозрительности тридцатых годов, но вместо трагедийного звучания они приобретают опять же из-за поэтической небрежности лишь сатирический оттенок:

У вас опасная болезнь — шпиономания.

Есть предложение: закрыть собрание.

Вполне понятно, что поэт спешил внести свою посильную лепту в разоблачение сталинизма. Может, потому и забыл старую народную мудрость: «Поспешишь — народ насмешишь».

М. С. ЛИОЗНОВ,
филолог
Брянск

■

Очень удивило опубликованное в № 7 письмо московского научного работника Блоха, где он протестует против указания на ту грязную роль, которую сыграли в развитии лысенковщины Презент и Деборин, мотивируя тем, что это задевает евреев. Если следовать этой логике, грузины должны протестовать против указаний на преступную роль Берия, украинцы — запретить упоминать фамилию Лысенко, а русские — Ежова... И что останется в таком случае от исторической правды?!

А правда заключается в следующем, если говорить о хорошо известных мне Лысенко и Презенте (Деборина я не знал). Общеобразовательная подготовка академика Лысенко ограничивалась четырьмя классами дореволюционной сельской школы. И всякий, кто видел его в жизни, знает, что в последующие годы он очень мало добавил к этому багажу, хотя природное чувство земли, сельскохозяйственная сметка у него, безусловно, были.

А что представлял собой Презент? Юрист по образованию. Оказался скомпрометированным какими-то связями с троцкистами и прекрасно понимал, что если он «высунется» самостоятельно, то наверняка потеряет голову. При Сталине до таких вещей докапывались и не щадили. Единственным выходом было найти малограмотного выдвиженца вроде Лысенко и, двигая его пред собой как щит, продвигаться вслед за ним. Презент, очень далекий от всего сельского, стал академиком ВАСХНИЛ и на какое-то время фактическим диктатором в советской биологии. Оказавшись у власти и вне критики, он изгнал из Московского университета ряд крупных и честных ученых еврейской национальности, среди них моего друга и учителя Вениамина Иосифовича Цалкина. Сделано это было в порядке «борьбы с космополитизмом», который в те времена в существенной мере связывался с лицами еврейской национальности (одно из извращений национальной политики Сталина).

И, наконец, еще одна страница в истории того времени. Все ли знают, кто был самой героической личностью в борьбе против лысенковщины? Опять-таки еврей Рапопорт. В условиях, когда всякое открытое противостояние мнению ЦК партии — Сталина грозило человеку неминуемой гибелью, Рапопорт с трибуны сессии ВАСХНИЛ катего-

рически отверг требование изменить научные убеждения, поступиться совестью ради собственного спасения. И чудом уцелел. Замечу при этом, что израненный в боях офицер-десантник Рапопорт был еще и героем Великой Отечественной войны. Словом, человеком во всех отношениях исполинского характера.

Такова истина. И каждый из людей еврейской национальности может сам решить, кто ее лучше олицетворяет, кто ему ближе — герой, гигант духа Рапопорт или антигерой Презент.

Юрий Николаевич КУРАЖСКОВСКИЙ, профессор
Ростов-на-Дону

■

Обращаюсь в редакцию, но прошу считать это письмо направленным в адрес XIX Всесоюзной партийной конференции. Не пора ли увеличить отпуск рабочим и низкооплачиваемым? Согласитесь, что 15 дней отдыха в году — это несерьезно. А с учетом того, в каких масштабах применяются нынче сверхурочные работы, плюс выходы в субботы и воскресенья,— тем более. Поверьте, это очень серьезно. Почему мы упорно делаем вид, что так и положено?

В. С. АНДРЕЕВ, инженер
Кронштадт

■

Ныне стало модным делить наше общество на радетелей перестройки и ее противников. Возьмем, например, журнал «Огонек». Лицо его определилось уже давно. Что же характерно для «выражения» этого лица? К сожалению, не вся правда, а лишь рафинированная правда о прошлом нашего Отечества, особенно о послереволюционном прошлом. Я не буду цитировать, но со страниц этого издания и ему подобных мы все, и в том числе молодое поколение, узнали, что наши отцы и деды, да и мы сами, были подавлены всеобщим страхом, пребывали в политическом раболепии и духовном рабстве, что на рубеже 30-х годов в СССР подняла голову контрреволюция, что коллективизация и индустриализация не объективные процессы, а лишь издержки субъективных решений... О последствиях такого «воспитательного» процесса несколько позже. А пока о некоторых конкретных публикациях «Огонька».

Читаем статью о Ф. Раскольникове: перед нами кристально чистый и порядочный человек. И только после, из других источников узнаем, что в 20-е годы Раскольников был главным редактором журнала, в котором творчество М. Булгакова и А. Платонова оценивалось самым отрицательным образом. Почему же и здесь только выборочная правда? Читаем восторженную статью о Н. И. Бухарине, и только из материалов пленума правления СП узнаем, что именно ему обязано наше поколение незнанием творчества С. Есенина. Примеры такие можно множить, но можно ли полагать радетелями перестройки тех, кто клянется, что говорит ВСЮ правду, а сам по-прежнему ее рафинирует.

А теперь, как обещал, о некоторых последствиях нежелания «ярко показать, как жили, как трудились, во что верили миллионы людей, как соединялись победы и неудачи, открытия и ошибки, светлое и трагическое, революционный энтузиазм масс...» Впрочем, о неудачах, ошибках и трагическом «Огонек» уже постарался. И вот только некоторые первые результаты. Присутствую на заседании ЦК ВЛКСМ, слушаю доклад секретаря комсомольской организации Астраханской области: «...Молодежь отказывается идти в военные училища, изредка туда идут лишь дети офицеров...» Участвую в совещании в военкомате Ленинградского района Москвы: «В 1987 году отказалось от призыва в армию немало молодых москвичей...» Если три года тому назад вслед инвалиду Великой Отечественной войны в очереди шипели: «...и когда они, наконец, повымрут...», то сегодня в лицо бросают: «...не пускать этих сталинистов, не голодное время!..»

Завершая свой малоприятный для редакции «Огонька» разговор, я хочу спросить: «Неужели нынешние работники средств массовой информации не испытывают ни малейшего стыда за действия своих коллег, провоцировавших и оправдывавших все преступления прошлого? А если да, то почему сегодня снова только себя числят они радетелями перестройки?».

Виктор Андреевич ПЕРОВ, лауреат Ленинской премии

■

В «Советской России» 13 марта было опубликовано письмо преподавателя ленинградского вуза Н. Андреевой «Не могу поступаться принципами». Этот материал 31 марта был полностью, слово в слово воспроизведен в «Новгородской правде». Это более чем неожиданно: наша областная газета небесспорных, а тем более столь несомненно спорных материалов не перепечатывает. В состоянии тяжкого недоумения я позвонила в редакцию и от ответственного секретаря узнала о получении телетайпного сообщения ТАСС: в ответ на запрос некоторых областных газет извещалось, что письмо Н. Андреевой по согласованию с местными партийными органами можно воспроизвести.

Письмо под строгим названием «Не могу поступаться принципами» не склоняет к дискуссии. Оно вызвало у меня приятное чувство уверенности в том, что мои друзья автору публикации руки не подадут. Однако при повторении в областной газете материал попал в совершенно иную социально-психологическую атмосферу. Читатели такого рода периодики продолжают считать, что все напечатанное в ней отражает позицию руководства страны, партии, что это своего рода директива, как жить, что думать, как оценивать. Не буду касаться содержания статьи, многие восприняли ее как конец перестройки. Другие надеялись. Сейчас, после выступления «Правды», все стало на свои места. Но в областной ли газете играть в такие игры? В областной ли газете, где все так хорошо и так мирно, где всякий раз читаешь новости, приятные во всех отношениях? Где острые актуальные статьи о состоянии новгородских памятников не перепечатываются, а лишь вскользь упоминаются в рубрике «Центральные газеты о Новгороде»?

Что такое телетайпное сообщение о возможности перепечатки, если не стимулирование? Может быть, это тест, обращенный к областному руководству? Испытание, которого оно не выдержало? Не могу поверить, что этого не понимают люди, профессия которых — идеологическая работа и массовая информация.

С. И. СИВАК, старший искусствовед
Новгород

Наш адрес: Москва, 101456, ГСП, Бумажный проезд, 14.

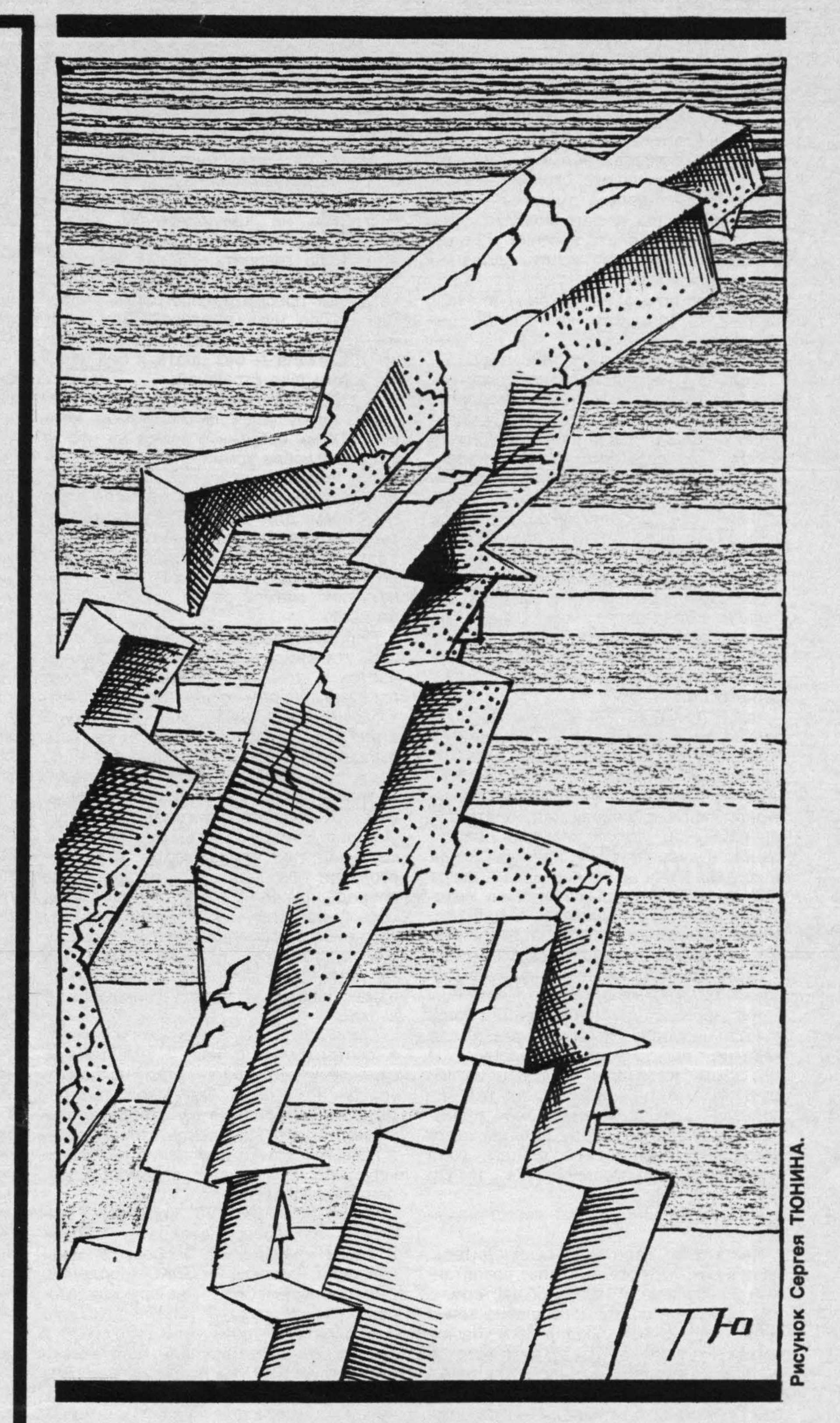


Рисунок Сергея ТЮНИНА.

ПРОШУ СЛОВА!

СТРАХ ПЕРЕД МОРОЗОМ

Я в детстве очень любил вокзалы, и теперь не вспомнишь толком: почему? Наверное, оттого, что жил каждое лето в маленьком тихом городке у бабушки и вокзал был единственным местом, где можно было увидеть новых людей, гордо прогуляться вдоль горячих от заторможенного бега вагонов, прокатиться на багажной тележке — как только зазевается сомлевший от жары водитель,— купить что-нибудь вкусное в вагоне-ресторане столичного экспресса, ходить по путям, собирая твердые кусочки желтой серы, которую если потом потолочь как следует и смешать с секретным количеством древесного угля, то ракета с такой начинкой так бабахнет ввысь — только смотри! Вмиг исчезнет в голубой пропасти высоких небес. Чистых и недостижимых. Как детство.

Потом уже вокзалы я не любил.

Вокзалы — это перекрестки нашей

жизни, место, где мы оставляем накатанную колею, пересекаясь с множеством путей других людей, попадая под влияние суммы условий, составляющих суть этого перекрестка. И перекрестки эти — вокзалы, больницы, магазины, ателье, прачечные, столовые, аэропорты, общественные туалеты — всегда экзамен для нашего порядка, умения думать и делать, умения меняться. Это показатель чистоты дыхания нашего общества.

Придите ночью на вокзал, в аэропорт — вы услышите, как хрипло, натужно мы дышим.

Люди спят на полу в 1988 году.

Люди спят, и они, наверное, счастливы — потому, что заранее выбирали, приглядывали себе место. Кто поудачливей — вдоль стены, кто позже начал искать — поперек прохода. Им и неловко, и комично поначалу, а усталость стирает настроение, выражение лица, осанку, самого человека. Остается один сон на всех. Спят на газетах, мешках, чемоданах, на голом замызганном полу — и все как один лицом вниз. В этом море перемешались дорогие дубленки, солдатские шинели, валенки, сапоги, детские шубки, куртки, шапки всех мастей — это равенство. Казарменное равенство, которого достичь легче всего.

Наши трудности — это горько. Это больно. Но мы сами — еще больней. Мы привыкли все оправдывать — погодой, ошибками руководства, недостатком стройматериалов, дефицитом сырья, низкой квалификацией исполнителей. Мы привыкли терпеть. История приучила нас к дисциплине. Но теперь, когда хлеб давно уже не по карточкам, когда уже не так хрипло дышат в спину классовые враги,— откуда в нас теперь всеобщая покорность, готовно приниженное чувство собственного достоинства?

Если мы не оставляем людям выбора, мы должны заботиться о том, чтобы единственный путь был лучший. А получается наоборот. Вылет и выезд для нас не обыденность — праздник. И при этом, имея как данность всеобщую покорность, возникает соблазн использовать нашу человеческую неразвитость в благих к виду целях — пока достроим, пока выбьем фонды, пока улучшится демографическая ситуация.

Но это «пока» длится десятилетиями!

Как может советский руководитель, начальник того же вокзала, воспитанный и взращенный нашим обществом,— как может он спать, совершенно точно зная, что ночной перекресток нашей жизни — это позор наш. Как может он повесить табличку «Комната для отдыха депутатов»? Советская власть едина. Представители народа — тоже народ. Если корабль наш в беде, зачем мы первым подводим к трапу капитана? Он должен уйти последним. Депутаты отвечают за наши беды, живя с нами. В депутатских комнатах бед не видно.

Вокзал — это пример. Это рентген, после него стыдно.

Беда наша тем опаснее, что мы не чувствуем ее. Когда не ощущаешь невыносимость, боль, болезнь лечить трудно.

Я был в армии. И однажды получил шесть суток на «губе».

Я многое понял там. Когда первую ночь мы стояли по стойке «смирно», шатаясь от усталости, а часовой ласково повторял: «По команде «вольно» я разрешаю ослабить мизинец на левой ноге и опустить нижнюю губу»...

Когда повар в наряде по кухне отвечал пощечиной на каждый мой вопрос и целый день мы не ели...

Когда каждое утро по четыре часа мы выстаивали на плацу в одних «хэбэ», а часовые разок поупражнялись в футбольных ударах мячом по строю...

Когда мы раздевались по четыре раза на плацу и брились одним станком сто человек...

Когда плац чистился сапожной щеткой, а работы были бессмысленны, зато каждый вечер был тревожен — какой приедет караул: злой или нет?

Вот тогда я вдруг подумал и понял, что мне чего-то не хватает, чтобы назвать себя человеком. Я понял, что у меня нет достоинства, что меня очень легко унизить.

Вся система внеуставных отношений построена на каждодневном унижении — физическом и моральном. Об этом надо говорить: правда жестока. Меня первый раз повели бить в туалет, когда на просмотре программы «Время» я сел чуть в стороне от ребят моего призыва. Нравственные потери как радиация — без цвета и без запаха, и тем еще страшней.

Я до армии ненавидел длинные очереди, возмущался формализмом комсомольских собраний, болел за что-то душой — после армии мне стало покойно. Я видел и вижу вокруг себя все родное и знакомое. Как же мало надо нам всем для счастья! Пусть очереди — но ведь купили! Пусть спим на полу — зато поедем. Пусть без места — но все-таки двигаемся! Пусть начальник матерится и хамит — зато не бьет.

Парадоксальный круговорот, не дающий утихомирить «дедовщину», заключается в том, что человек, которого год унижали, сам потом унижает и бьет, и тем сильнее, чем били его. Откуда в нас идет призрачное убеждение: чтобы самому вылезти из проруби, надо наступить рядом тонущему на голову? А ведь это очень старый и традиционный способ продвижения к цели. История складывалась так, а потом мы уже так подлаживали свое настоящее под нее, что продвижение вперед прежде всего обусловливалось сокрушением, уничтожением чего-либо: нэпмана, кулака, оппозиции, морганистов, врачей-отравителей. То есть победа — это обязательно взмах шашки и чья-то головушка в кустах.

Если мы хотим действительно жить в соответствии с новым мышлением, реконструируя достоинство человека, уважая его и любя, надо держать в памяти новую арифметику. Продвижение вперед — это умножение сторонников, а не вычитание и дробление противников. Это совсем не взаимообусловленные процессы.

Меня принимали в комсомол, выстроив в шеренгу двадцать человек и задав каждому по вопросу. У меня спросили, сколько у ВЛКСМ орденов. Комсомольский билет мне вручили, второпях пожав руку,— лишь за то, что я учился без троек. Тем, кто учился с тройками, билет вручили, по-отечески напутствуя: «Ну, ты исправляйся». Все начиналось с шаблонных школьных сочинений, измученных наших учителей, комичных до тоскливости субботников, безделья и праздности. Учеба — ваш главный труд, говорили нам.

Много раз обращаюсь к своим армейским воспоминаниям не потому, что армия — корень всех бед. Уровень человечности в обществе определяется по минимуму — в сферах традиционно ограниченной свободы действий: армии, тюремном заключении.

Жизнь не кончается за забором с колючей проволокой или воротами с красной звездой — в обществе действует неумолимый закон сообщающихся сосудов. Даже в тюрьме надо уважать человеческое достоинство заключенного. Человек — продукт общества. Наивно отрекаться от своих детей. И, выступая за отмену смертной казни, мы щадим не убийц-душегубов. Мы щадим себя.

Первый серьезный шаг — участие в управлении государством, голосование на выборах — миллионы молодых граждан нашей страны делают в армии. Об этом событии с удовольствием вспоминают целый год. Смешная игра в демократию достигает такого размаха, что «Подъем!» уже не кричат в день выборов, а командир части самолично трясет ласково каждую кровать под веселую музыку и еще до рассвета солдаты идут в избирательный пункт — не дай бог строем! — сделать свое дело: проголосовать и уйти, не видя ни одного человека из народа, с которым вообще-то армия едина. Армия на выборах закладывает фундамент дисциплины и организованности, которые почему-то должны проявиться в том, что столько-то человек проголосовало к такому-то часу. Если в этом проявляется организованность и сознание граждан, видимо, мечта бюрократа такова, чтобы вся страна, как армия, поднялась утром и — шагом марш! — на пункты? Повторяю, армия многое обнажает...

Первые недели в армии я содрогался от ужаса в столовой. Мы, люди, выросшие в относительной сытости и достатке, как мы падаем за три-четыре дня — всей толпой набрасывались на котелок с мясом: кто первый, тому хватит. Остальным — сало. Эти дрожащие руки, выпученные глаза — загрести побольше. Взгляд только в свою тарелку, что у товарища — это его дело. Когда мы говорим «стойко переносить тяготы армейской службы», мы должны иметь в виду трудности боевой и политической, физической подготовки. Зачем организовывать эти трудности скудным рационом? Два с половиной года назад я сидел за длинным столом и косился на сержанта вместе с семью соседями по столу: доест он хлеб или нет? Это не уходит из памяти. Это остается на всю жизнь. Армия учит жизни. Какая тогда грустная у нас жизнь!

Первый раз на моих глазах умер человек на том же вокзале тихого, сонного городка, где я гулял свои летние каникулы. Дежурная по вокзалу пару раз перепутала путь, на который принимался поезд. Среди выданных билетов часто встречались «двойники», обрекающие людей действовать по звериному принципу «кто смел — тот и съел». Поэтому пассажиры, и среди них этот человек, бегали через мост от платформы к платформе, встречая свой долгожданный поезд. Человеку повезло — он добежал до вагона первый и, тяжело дыша, стал протискиваться в тамбур, не выпуская из рук двух чемоданов — чемоданы были нужны, чтобы занять сразу два места,— с ним были жена и дочь, он хотел, чтобы они могли хоть посидеть дорогой, если не хватит мест для сна. Сердце у него не выдержало в коридоре вагона. Он упал лицом вперед, а через него, суетливо пыхтя, переступали пассажиры, передавали коробки и сумки. Люди торопились занять места.

На перроне, куда человека, наконец, вынесли, когда все расселись, дочь делала ему искусственное дыхание. Умело делала — у человека было, наверное, часто плохо с сердцем, но он его не берег, он хотел занять места. Жизнь, наша жизнь ему не оставляла выбора. Люди стояли вокруг, проводница оглядывалась — как там семафор, не зеленый? Из окон глядели пассажиры. Человек умер. И на перрон вынесли его чемоданы. И поезд ушел.

Иногда кажется, что экономическую рубашку нашей страны изначально проектировали, учитывая безропотность и покорность. Теснота неувязок, бестолковостей, верхоглядства вынуждает нас расставаться с изначальным человеческим, гордым взглядом на мир, который есть в детях. Но, с другой стороны, кто еще, как не мы, кроил и сшил эту рубашку? Получается, мы сами себя обрекли на то состояние, в котором находимся. Мы достойны того, что сделали.

Недопустимое наше заблуждение, что достоинство — это личное дело каждого. Что-то вроде приусадебного участка. Сам, дескать, береги честь смолоду. Это не так.

Достоинство — не общее одеяло: с одного стащишь — тебе достанется больше. Достоинство — это воздух. Если отнять его у одного — всем станет труднее дышать. Оно не бывает действительным или страдательным. Одно за счет другого. Только всеобщее — тогда мы живы, тогда мы добьемся всего. Потому, что коммунизм — это человек. И не больше. А что может быть больше?

На семидесятом году Советской власти мы столкнулись с диковинным укладом, который расположился над всеми сферами жизни,— укладом натурального обмена человеческих отношений. Множество мелких государств — поликлиники, магазины, ателье, заводы, вокзалы, столовые, конторы — внутри объединены идеей «мы для себя». Атмосфера внутренней взаимной неприязни. Продавщица, промаявшаяся с устройством дочери в детский сад, издевается над очередью, не испытывая ни малейшего интереса к тому, чтобы ее не было; инженер, настоявшийся в этой очереди, тянет с решением насущного для кого-то вопроса; человек, которому позарез нужно решение этого вопроса, никак не может попасть в гостиницу, ищет в столице и не находит дефицитные лекарства для больной матери, хотя знает, что лекарства эти для кого-то — пожалуйста! — этот человек разве сохранит достоинство?

Десятилетиями мы культивировали сознательность. Нам сказали — мы сделали. Но нам нужна сейчас, и всегда была нужна, не сознательность, а сознание. Сознание себя гражданином. Хозяином. Хорошая песня: «Человек проходит как хозяин».

Когда мы перестали понимать, что власть — это наша власть? Что народные комиссары, которых мы, на кого-то спешно равняясь, переименовали в министров — это наши слуги?

Прошлое еще с нами, время и сейчас жестоко, и мало у нас новых людей и средств к движению. В этом драматизм перестройки — надо растить новое на ходу, ни в коем случае не сбавляя темпа. Страну не загонишь, как тепловоз, в депо на ремонт. Нам не на кого равняться — только на свое будущее. Такая выпала нам судьба — идти первыми. Надо быть достойными ее.

Перестройка осуществляется с кровью. Выросло безликое поколение поднятых рук. Нам слишком долго было все равно, кто попадет в президиум. Поэтому там порой оказывались те, кому это было не все равно,— карьеристы, приспособленцы. А теперь этот бумеранг возвращается к нам, стоит поперек горла переменам. Самое тревожное, что в огромном количестве людей на смену личному достоинству пришла психология болельщика: я за команду не играю — я за нее болею. Перестройка? Ну что ж, давайте посмотрим, как у вас получится. Сами встанем, если только скажут и покажут.

Пока лишь верхушку качает ветер перемен — мы пока здесь, внизу, в корнях. Надо расти.

А. ТЕРЕХОВ,
студент МГУ,
рядовой запаса.

Партизан Николай ОБРЫНЬБА. 1943 год.

ВЕЧНАЯ ТЕМА

Произведения Николая Обрыньбы я впервые увидела в Музее народной славы небольшого белорусского поселка Ушачи: на обшитых деревом стенах — живописные полотна, плакаты, рисунки. Под стеклом крошечной витрины — несколько засохших тюбиков с масляными красками, кисти, выцветшая солдатская пилотка, кобура от пистолета. Назывался зал «Партизанская картинная галерея».

Николай Обрыньба добровольцем ушел с последнего курса суриковского художественного института на фронт. Первые бои, окружение и... концлагерь. Под Полоцком, в фашистском аду, он упрямо продолжал рисовать. Вот те наброски: стегают плеткой изможденных людей, узники тянут волокушу, груженную трупами,— это был единственный «свободный выход» за проволоку.

Вскоре лагерное начальство прослышало о пленнике-«кунстмалере». Николая и нескольких товарищей перевезли в Боровку, где размещался штаб управления оккупированными территориями Белоруссии. Узнику оказывалась великая «честь» — он должен запечатлеть на холсте начальника штаба, немецкого генерала.

План побега продумали до мелочей, подобрали удачный предлог: «сюрприз» генералу — акварель с «русским ландшафтом».

После трехдневных скитаний по лесам выбрались к своим. В конце августа сорок второго двое бывших военнопленных Николай Обрыньба и Николай Гутиев стали бойцами партизанской бригады «Дубова».

Приближались октябрьские праздники — двадцать пятая годовщина революции. Хотелось отметить ее по-особому, торжественно, как до войны.

Пасмурным утром седьмого ноября осенний лес расцветили красочные плакаты и лозунги. Но более всего в этом праздничном убранстве выделялись два больших живописных полотна, натянутые между сосен. На одном из них, с надписью «1917 год», мчались чапаевцы, на втором — «Год 1942» — недавний жаркий бой под Боровкой, где разгромили немецкий гарнизон и убили того самого генерала, начальника штаба, портрет которого был заказан.

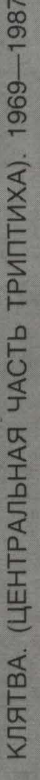
Шла народная война, летели под откос вражеские эшелоны, взрывались мосты, склады, устраивались засады на дорогах. И все это находило отражение на полотнах художника: «Бой за Пышно», «Засада», «Бой на большаке», «В оккупированном городе». Героем полотна мог стать только настоящий герой; «попасть» в картину приравнивалось к высокой боевой награде, имена достойных утверждались партизанским командованием и зачитывались перед строем.

Осенью сорок третьего, когда отборные немецкие части пытались блокадным кольцом задушить партизанскую республику, картину «Выход бригады «Дубова» на операцию» в числе других работ Обрыньбы переправили в Москву в Центральный штаб партизанского движения. Там она произвела впечатление огромное: держатся партизаны, воюют, даже картины пишут! Кстати, на этом холсте художник получил право изобразить и себя — за смелость в бою.

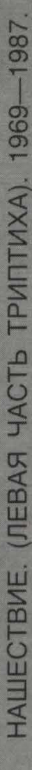
Недавно Николай Обрыньба закончил работу над триптихом «Народная война». В трех живописных полотнах сконцентрированы боль и раздумья художника. Это его кредо и его исповедь. Он размышляет в них о силе и чистоте народного характера, противостоявшего злу и насилию. Общечеловеческие понятия — любовь, память, вера воплотились здесь в зримых, земных образах.

Полотна и зарисовки заслуженного художника РСФСР Николая Ипполитовича Обрыньбы хранятся в Третьяковской галерее, в музеях Минска, Львова, Брянска, Лепеля, Полоцка, в школьных музеях страны. Более двухсот работ он подарил музеям.

Лариса ЧЕРКАШИНА



КЛЯТВА. (ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ТРИПТИХА). 1969—1987.



НАШЕСТВИЕ. (ЛЕВАЯ ЧАСТЬ ТРИПТИХА). 1969—1987.

РЕКВИЕМ. ПО МОЦАРТУ. ЧАСТЬ VIII. СЛЕЗНЫЙ ДЕНЬ ЭТОТ. 1979.

Е. Д. СИМКИН. Род. 1915.

СНЫ СОЛДАТА

— Художник должен сказать людям то, чего они еще не знают. Он открывает им свою философию, свой мир. Самое сокровенное... Если нет сокровенного, нет тайны, то нет и настоящего искусства. Может быть мастерство, ловкость, выдумка — все, что угодно, но не искусство. И еще одно обязательное условие — внутренняя правда.

Так считает Ефим Симкин — мастер необычный. Впрочем, обычных художников не бывает. Обычны посредственность, ремесленничество.

Вот названия некоторых картин Ефима Симкина: «По мотивам музыки Баха», «Реквием. По Моцарту. Часть I. Покой вечный», «Реквием. По Моцарту. Часть VIII. Слезный день этот». «Вариации на тему «Рококо» Чайковского». Уже сами названия полотен говорят об органичной связи музыки и цвета. Эта связь явственно ощущается во всех работах живописца, видим ли мы светлый весенний пейзаж или зимнюю ночь в старой Москве, монументальную композицию «Миру — мир» или законченный недавно портрет Пушкина...

И еще одна особенность искусства Ефима Симкина: он всегда пишет остро пережитое. То, что отозвалось в душе радостью или болью, что озарило, потрясло, пронзило.

— Я ничего не выдумываю,— говорит он.— Пишу автобиографическое. Иногда мне снятся мои будущие картины. Утром спешу в мастерскую.

До сих пор ему часто снится война. Война, разделившая жизнь его поколения на «до» и «после». Ефим Симкин родился в 1915 году в Киеве, в бедной многодетной семье. Рано осиротел. Воспитывался в детском доме. Затем окончил железнодорожное профтехучилище. Стал слесарем, ремонтировал в депо паровозы. И рисовал, рисовал... Одни считали его чудаком, другие советовали учиться. Приехав в Москву, он показал свои работы знаменитому И. Грабарю. «Вы должны поступить в художественный институт,— сказал тот.— Попробуйте. Я думаю, даже уверен, что вас примут».

Вступительный экзамен Ефим Симкин сдал на «отлично». Но проучился всего два года — началась война.

Он стал бойцом-артиллеристом. В одном из боев, единственный уцелевший из расчета, стреляя почти в упор из своей сорокапятки, уничтожил фашистский танк. За это рядовой Симкин награжден орденом Славы.

Его ранило под Сталинградом, когда он был в разведке на вражеской территории. Истекая кровью, переполз линию фронта. Проезжавшие на лошадях бойцы, поначалу приняли его за убитого. Но послышался стон...

— Так было. Врачи не смогли спасти мою руку, пришлось ее ампутировать. К счастью, левую.

Да, он так и считает — к счастью. Ведь с правой рукой можно продолжать учебу. В 1949 году студент Симкин, занимавшийся в мастерской профессора А. Осмеркина, получил отличную оценку за дипломную картину «В землянке».

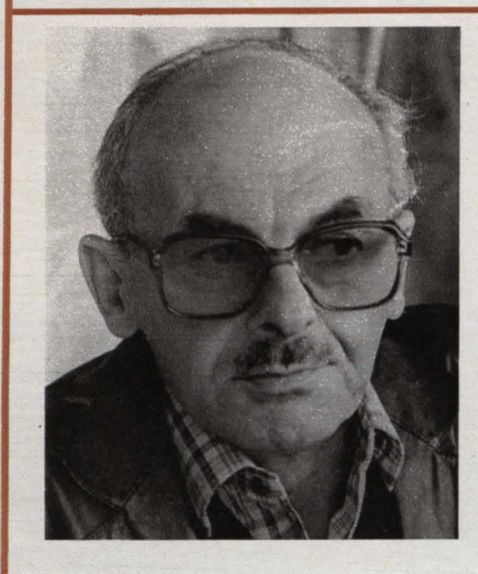
Война стала ведущей темой его творчества. Но он не баталист. На его полотнах не увидишь охваченных пламенем танков. Он изображает человека на войне, его внутреннее состояние. Он вспоминает тех, с кем довелось шагать боевыми дорогами.

Александр ПУТКО

Ефим СИМКИН в 1941 году.

БАБИЙ ЯР. ПЕРЕД РАССТРЕЛОМ. 1980.

НЕ БУДЕТ ВОЗВРАТА



Булат ОКУДЖАВА

БУЛАТ ОКУДЖАВА ПОБЕДИТЕЛЬ. ОН И РОДИЛСЯ 9 МАЯ, И С ВОЙНЫ ВЕРНУЛСЯ С ПОБЕДОЙ, И, УСЛЫШАВ В РАЗНЫЕ ВРЕМЕНА НЕМАЛО ЧИНОВНЫХ ОКРИКОВ И ХОРОШО ОРГАНИЗОВАННЫХ УЛЮЛЮКАНИЙ, ДОЖИЛ ДО САМОЙ НАСТОЯЩЕЙ СЛАВЫ. ИМЕННО СЛАВЫ — НЕ ПРОСТО ПОПУЛЯРНОСТИ. ПОТОМУ ЧТО, КОГДА ТЕБЯ ЗНАЮТ, ЛЮБЯТ И ПОЮТ НЕ ТОЛЬКО ПО «ВСЕЙ МОСКВЕ», НО И В ДАЛЕКИХ УРАЛЬСКИХ И СИБИРСКИХ ДЕРЕВНЯХ, ТО ЭТО УЖЕ СЛАВА. НЕ ГОВОРЯ УЖ О ПАРИЖЕ, ГДЕ ТОЖЕ, ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ (ОКУДЖАВСКОЕ СЛОВЦО), ПРИ УПОМИНАНИИ ЕГО ИМЕНИ У ЛЮДЕЙ СВЕТЛЕЮТ ЛИЦА.

КОНЕЧНО, ПОЭТУ ЗДОРОВО ПОМОГЛИ — НО ОТНЮДЬ НЕ СИЛЬНЫЕ МИРА СЕГО И ВООБЩЕ, СОБСТВЕННО, НЕ ЛЮДИ. ПОМОГЛИ ЕМУ ДВЕ ВЕЩИ: ГИТАРА И ТВЕРДАЯ, НЕ ПРЕТЕРПЕВАЮЩАЯ СВОЕВРЕМЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ.

ИМЯ ОКУДЖАВЫ ЕЩЕ В 60-е ГОДЫ СТАЛО ПАРОЛЕМ. МНОГИЕ И МНОГИЕ ДРУЖБЫ, ПРИЯТЕЛЬСТВА, РАЗМЕЖЕВАНИЯ ПО ПРИНЦИПУ «СВОЙ — НЕ СВОЙ» ПРОВЕРЯЛИСЬ И ПРОВЕРЯЮТСЯ ОТНОШЕНИЕМ К ЕГО ПЕСНЯМ.

БУЛАТ ОКУДЖАВА БЫЛ ПЕРВЫМ, БЫТЬ МОЖЕТ, ПОСЛЕ ВЕРТИНСКОГО (А ОТНОШЕНИЕ К ЕГО ТВОРЧЕСТВУ ДОЛГИЙ И СЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР) «ЗАПЕВШИМ ПОЭТОМ» — УЖЕ ПОТОМ ПОЯВИЛИСЬ ДРУГИЕ. И ЕСЛИ ИНЫХ БАРДОВ В ОСНОВНОМ СЛУШАЮТ, ТО ОКУДЖАВУ ПОЮТ. ЧТО ЖЕ ТАК ПРИВЛЕКАЕТ В ЕГО СТИХАХ, ИСПОЛНЯЮЩИХСЯ ПОД ГИТАРУ? ПРЕЖДЕ ВСЕГО, КОНЕЧНО, ТАЛАНТ. НО, КАК НАПИСАЛ АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ, «ТОЛЬКО ЭТОГО МАЛО». В НИХ ВСЕГДА ЕСТЬ ЯРКОЕ, ПОЧТИ УЛЕТУЧИВШЕЕСЯ ИЗ НАШЕЙ ПЕЧАТНОЙ ПОЭЗИИ В ПРЕСЛОВУТЫЕ ГОДЫ ЗАСТОЯ НАСТРОЕНИЕ. В НИХ ЕСТЬ ОСОЗНАННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ СВОБОДЫ, ЧЕТКАЯ НРАВСТВЕННАЯ ПОЗИЦИЯ, ИНТОНАЦИЯ ИСКРЕННЕГО И СУЩЕСТВЕННОГО РАЗГОВОРА. А ЕЩЕ КАКОЕ-ТО КАТЕГОРИЧЕСКОЕ НЕЖЕЛАНИЕ ЗНАТЬ, «КАК ПИСАТЬ СТИХИ».

СЕГОДНЯ МЫ ПУБЛИКУЕМ НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Б. ОКУДЖАВЫ.

ПРОВОДЫ У ВОЕНКОМАТА

Вот оркестр духовой. Звук медовый.
И пронзителен он так, что — ах...
Вот и я, молодой и бедовый,
с черным чубчиком, с болью в глазах.

Машут ручки нелепо и споро,
крики скорбные тянутся вслед,
и безумцем из черного хора
нарисован грядущий сюжет.

Жизнь музыкой бравурной объята —
все о том, что судьба пополам,
и о том, что не будет возврата
ни к любви и ни к прочим делам.

Раскаляются медные трубы,
превращаются в пламя и дым.
И в улыбке растянуты губы,
чтоб запомнился я молодым.

* * *

От войны войны не ищут.
У войны слепой расчет:
там чужие пули рыщут,
там родная кровь течет.

Пулька в золотой сорочке
со свинцовым животом...
Нет на свете злей примочки,
да кого спросить о том?

Всем даруется победа
не взаправду — так в душе.
Каждый смотрит на соседа,
а соседа нет уже.

Нас ведь создал бог для счастья
каждого в своем краю.
Отчего ж глухие страсти
злобно сводят нас в бою?

Вот и прерван век недолгий,
и летят со всех сторон
письма, словно треуголки
бонапартовых времен.

ПЕРЕД ТЕЛЕВИЗОРОМ

Слишком много всяких пушек, всяких танков и гранат,
и военные оркестры слишком яростно гремят,
и седые генералы хоть не сами пули льют,
но за скорые победы ледяную водку пьют.

Я один, а их так много, и они горды собой,
и военные оркестры заглушают голос мой.

* * *

В Женеве установлен памятник генералу Дюфуру, который никогда не воевал.

Все утрясается мало-помалу,
чтобы ожить в поминанье людском.
Невоевавшему генералу
памятник ставят в саду городском.

О, генерал, не видны твои козни,
бранные крики твои не слышны.
Что-то таится в любви этой поздней
к невоевавшему богу войны.

В прошлое бронзовым глазом уставясь
сквозь пепелища, проклятья и дым,
как ты презрел эту тайную зависть
к многим кровавым собратьям своим?

Или клинки в поединках ослабли?
Или душой генерал занемог?
Крови солдатской не пролил ни капли.
Скольких кормильцев от смерти сберег!

Как ты, дитя кровожадного века,
бросив перчатку железной войне,
ангелом пекся за жизнь человека,
если и нынче она не в цене?

Может быть, в беге столетий усталых
тоже захочется праведней жить,
может, и мы о своих генералах,
о, генерал, будем так же судить.

ЗВЕЗДОЧЕТ

Что в подзорные трубы я вижу,
поднимаясь на башню во мгле?
Почему так печально завишу
от чего-то былого во мне?

И, смотря с высоты виновато
на уснувшую пропасть Арбата,
отчего так поспешно и вдруг
инструмент выпускаю из рук?

Спят в постелях своих горожане,
спят с авоськами, спят с гаражами,
спят тревожно на правом боку...
Изготовилось тело к прыжку.

Вон из пятен ночного тумана
появляется вдруг вдалеке
моя стройная старая мама —
чемоданчик тюремный в руке.

Он, пожалуй, минувшая мода,
но внутри, словно в дебрях комода,
что давно развалиться готов,
фотографии прежних годов.

Память, словно ребенок, ранима
и куда-то зовет и зовет...
Все печально, что катится мимо,
все банально, что вечно живет.

И живу я вот с этой виною
на двадцатом ее этаже
между тою и этой войною,
не умея спуститься уже.

* * *

Хочу воскресить своих предков,
хоть что-нибудь в сердце сберечь.
Они словно птицы на ветках,
и мне непонятна их речь.

Живут в небесах мои бабки
и ангелов кормят с руки.
На райское пение падки,
на доброе слово легки.

Не слышно им шума и грома,
и это уже на века.
И нет у них отчего дома,
а только одни облака.

Они в кринолины одеты,
и льется божественный свет
от бабушки Елизаветы
к прабабушке Элисабет.

* * *

Б. Сарнову

С последней каланчи, в Сокольниках стоящей,
никто не смотрит вдаль на горизонт горящий,
никто не смотрит вдаль, все опускают взор.
На пенсии давно усатый брандмайор.

Я плачу не о том, что прошлое исчезло:
ведь плакать о былом смешно и бесполезно.
Я плачу не о том, что кануло во мгле,
как будто нет услад и ныне на земле.

Я плачу о другом — оно покуда с нами,
оно у нас в душе, оно перед глазами,
еще горяч и свеж его прекрасный след —
его не скроет ночь и не проявит свет.

О чем бы там перо красуясь ни скрипело —
душа полна утрат, она не отскорбела.
И как бы ни лились счастливые слова —
душа полна потерь, хоть, кажется, жива.

Ведь вот еще вчера, крылаты и бывалы,
сидели мы рядком, и красные бокалы
у каждого из нас — в изогнутой руке...
Как будто бы пожар — в прекрасном далеке.

И на пиру на том, на празднестве тягучем
я, видно, был один как рекрут не обучен,
как будто бы не мы метались в том огне,
как будто тот огонь был неизвестен мне.

ПЕСЕНКА

Совесть, Благородство и Достоинство —
вот оно, святое наше воинство.
Протяни ему свою ладонь,
за него не страшно и в огонь.

Лик его высок и удивителен.
Посвяти ему свой краткий век.
Может, и не станешь победителем,
но зато умрешь как человек.

* * *

Сестра моя, прекрасная Натела,
прошли года, а ты помолодела —
так чист и ясен пламень глаз твоих...
Возьми родную речь, горбушку хлеба,
и эти облака, и это небо
и раздели на нас, на шестерых.

Вот заповедь ушедшего поэта,
чья песня до конца еще не спета.
Сестра моя, все — только впереди!

Пускай завистникам пока неймется...
Галактион когда-нибудь вернется,
он просто задержался по пути.

Средь океана слов и фраз напрасных,
не столь прекрасных, сколько безопасных,
как острова, лежат его слова,
спешит перо, как будто пред грозою...
Его глаза подернуты слезою:
поэты плачут — нация жива.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.
7 НОЯБРЯ 1941 ГОДА.

ПЛЕНКА ДЛ

ФОТОВЕРНИСАЖ

АЛЕКСАНДР УСТИНОВ

Репортер вернулся с задания, а оно — непроявленная тайна в черной кассете. Не в щелчке фокус, а в фокусе, композиции, пойманном моменте. Впрочем, для фотомастера это дело техники и опыта. И все же есть пик беспокойства — когда «оживает» пленка в бачке и подсыхают «контрольки».

И не счесть, сколько раз такое испытывал Александр Васильевич Устинов. Ведь первые карточки он напечатал в начале тридцатых. Тогда его, студента-кинематографиста, мобилизовали на коллективизацию, и он, конечно, не упускал случая «запечатлеть». Вот и сохранился с тех пор кадр, в котором время отразилось как в зеркале. На снимке члены избранного правления. Руки цепко держат портфели — символика власти. А ноги — босые. Многозначительная деталь эпохи.

Пожалуй, с этой поездки и потянулась для начинающего газетчика пленка длиною в жизнь. Дома у фотокорреспондента, кроме архива негативов, есть девять массивных альбомов, которые иначе как фолианты не назовешь. Только на их составление мастеру потребовалось чистых три года, а вошло дале-

ИНОЮ В ЖИЗНЬ

ВОЙНА — ЭТО НЕ ТОЛЬКО ВЫСТРЕЛЫ.

ко не все. Но и каждый из снимков — факт истории страны, ее вехи. Самые трудные, как считает Александр Васильевич, были годы Великой Отечественной. С первых дней войны он стал военным корреспондентом газеты «Правда» и отправился на Волховский фронт.

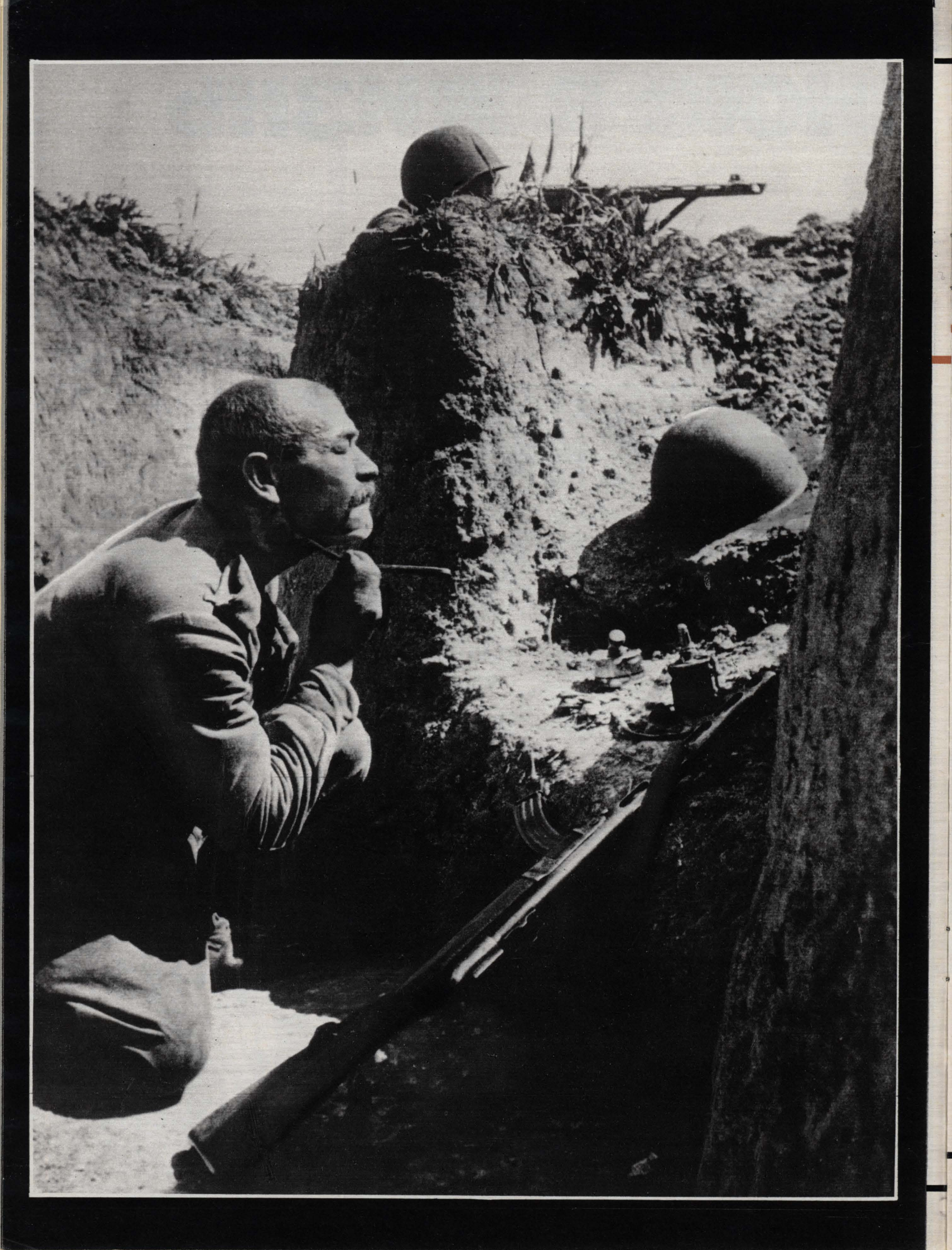
Военкор учился у солдат ходить в атаку, маскироваться, спать в брошенных погребах ближнего Подмосковья. От редакции «Правды» до передовой было совсем близко. Газету регулярно выпускали шестнадцать человек, тут же и ночевали. Частенько пустовали три койки: на фронт уезжали фотокорреспонденты Михаил Калашников, Сергей Струнников, Александр Устинов.

Темы для съемок были вокруг, повсюду. Меняла облик сама столица, щетинилась «ежами», возводила баррикады, ковала оружие на заводах. На близких подступах москвичи строили оборонительные сооружения, копали противотанковые рвы. По железным дорогам уходили к линии фронта бронепоезда. Все это есть в альбомах Александра Васильевича. А вот всемирно известные кадры — парад на Красной площади 7 ноября 1941 года, танки на виадуке возле Белорусского вокзала в марше на передовую.

Именно с передовой как раз и больше всего снимков. Такие кадры не отрепетируешь, не поставишь: огонь из винтовок и «максимов» и потрепанные шинели на бойцах, ноги в обмотках, и близкие взрывы, присыпающие объектив снегом. Так и видится, как репортер аккуратно продувает его, очищая от мел-

ПЕРВЫЕ НОВОБРАНЦЫ.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ.



ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПОСЛЕДНЕГО НАСТУПЛЕНИЯ.

ВСТРЕЧА НА ЭЛЬБЕ.

ПАМЯТЬ.

кой снежной пыльцы. До следующего взрыва, до фонтанчика, взбитого близкой пулей.

Декабрь сорок первого — врага погнали от Москвы. Первые освобожденные деревни и города, порушенные, разбитые, сожженные, и чужая битая техника по обочинам. Повешенный полицай, дорожные указатели на немецком и объявление на русском языке: «Стоп! Проезд закрыт. Фронт».

Конечно, находилось на пленке место и для показа трудностей своей работы, ведь нужно было не только отснять, но и доставить «горячие» кадры. На одной из карточек две лощади натужно вытаскивают из глубокой колеи машину.

— Не та ли это «эмка», Александр Васильевич?

— Для меня та самая, из песни фронтовых журналистов. На которой «с «лейкой» и блокнотом» да с одним наганом... Как видите, первыми врываться в города не всегда удавалось. Да и ехали мы в тыл.

Хлебнул из военной чаши Устинов досыта. Пули, правда, обходили, но от контузии не уберегся. А легко ли было уберечься, если снимал из того же окопа, откуда стреляли. И наползался, и наголодался, и боевых коллег терял.

Менялись пейзажи, все больше пленных и трофеев на военных дорогах. Фронт неотвратимо двигался на запад. Появились в альбомах Чехословакия, Германия, Австрия. Рассказать о всех картинах войны, подсмотренных фотоаппаратом, невозможно. Да и о тех, что напечатаны в журнале сегодня, не пытался: они говорят сами. И все же две из них поясню.

Концентрационный лагерь в Польше — лагерь смерти для советских военнопленных. «Хозяева», видимо, загодя сбежали. Но преступления фашисты все-таки не скрыли...

Другой кадр застал рядового Савву Леонтьевича Шевколута за утренним туалетом. Сохранилась дата: 16 апреля 1945 года. Называется снимок «Первый день последнего наступления».

А потом послевоенная вахта на страницах «Правды», считай, на всех широтах и меридианах. Александр Васильевич и сегодня сотрудник флагмана советской печати. Конечно, он не столь оперативен, как во фронтовые годы, но работает по мере сил. А ведь и прожито немало. Автору сегодняшнего вернисажа без одного восемьдесят лет.

Борис РЯЗАНЦЕВ

ГОРШКОВ
КОНСТАНТИН
ШОФЕР
ТОКАРЕВКА

КАКОГО РОСТА БЫЛ МАЯКОВСКИЙ

Помню удивительную картину, открывшуюся мне однажды. Дело было лет двадцать — тридцать тому назад. Шел я по улице Горького и, подойдя к площади Маяковского, увидал ДВУХ МАЯКОВСКИХ. Один был совсем огромный, чуть не до облаков, другой — поменьше. Сделаны они были из фанеры, на ногах держались не очень прочно, слегка раскачиваясь на ветру. Очевидно, шла прикидка размеров будущего памятника.

Такая прикидка идет все время. Окончательные масштабы явления не установлены до сих пор, хотя памятник уже давно стоит, и не из фанеры, а из бронзы. Да и можем ли мы с уверенностью утверждать, что есть на свете явления, окончательный масштаб которых нам известен?

Бенедикт САРНОВ

1.

Сейчас у многих возникло желание слегка укоротить Маяковского, уменьшить в размере его гигантскую фигуру, заслонившую в свое время весь горизонт. Желание, в общем-то, понятное и до некоторой степени даже закономерное. В былые времена, благодаря известной сталинской формуле, создалось впечатление, что Маяковский один возвышался над всей русской поэзией XX века. Что фигур такого масштаба, как он, во всяком случае в русской поэзии советского периода, просто не было. Впоследствии, когда выяснилось, что, помимо Маяковского, были еще Блок, Ахматова, Пастернак, Мандельштам, Цветаева, Хлебников, Ходасевич, вплотную встал вопрос о его росте. Не только, так сказать, моральном, поэтическом, но даже и просто физическом росте.

В одной книге, вышедшей несколько лет назад на Западе, вопрос о росте Маяковского пересматривался самым решительным образом:

«В его облике было что-то невсамделишное, какая-то принудительность формы, как бы раздутость... Физически он был... не сильнее среднего мужчины с нормальным ростом... Да и рост его — 189 см — не был сам по себе фантастическим. Вероятно, он был не выше Третьякова, не намного выше Бориса Пильняка».

Это желание слегка уменьшить Маяковского, в сущности, довольно скромно. В особенности, если сравнить эту попытку с куда более серьезными поползновениями, выплеснувшимися недавно на страницы газеты «Московский художник».

Но это — особая тема. Проблемы, затронутые в статьях, опубликованных на страницах «Московского художника», требуют отдельного разговора; разговор этот отчасти уже ведется, и его интонация однозначна. Я же хочу отметить только одно: в своем стремлении принизить Маяковского авторы всех этих статей пошли гораздо дальше автора книги, скромно утверждавшего, что Маяковский вовсе не был таким гигантом, как это принято думать.

Пушкин говорил, что толпа «в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего». Это темное чувство в статьях московских художников тоже присутствует. Но — не только оно. В каком-то смысле Маяковский все-таки заслужил, чтобы о нем были написаны подобные статьи.

«...Все теории стоят одна другой. Есть среди них и такая, согласно которой каждому будет дано по его вере»,— говорит булгаковский Воланд.

Статьи московских художников (если отбросить совсем уж непристойные крайности) воздают Маяковскому по его вере.

«Поставивший свое перо в услужение... сегодняшнему часу», он всегда презирал посмертную славу. Не раз высказывал пренебрежительное, наплевательское отношение к памятникам:

Умри, мой стих...

Это о том памятнике, который Пушкин называл нерукотворным. О «рукотворных» он отзывался с еще большим презрением:

Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь...
Заложил бы
динамиту
— ну-ка,
дрызнь!

Как говорится, ты этого хотел, Жорж Данден!

Применять такое грубое средство, как динамит, конечно, не обязательно. В других странах... Вот, например, в Париже, говорят (точно не знаю, никогда там не был), есть памятник Людовику, и памятник Робеспьеру, и памятник Наполеону... Улица Коммунаров — и улица генерала Галифе...

Но мы живем в другой стране. У нас, если уж кто приходит к убеждению, что памятник ставить не стоило, без динамита дело не обходится.

2.

Без динамита не обходилось даже и в тех случаях, когда дело касалось не бронзовых, чугунных или гранитных, а нерукотворных памятников.

Особенно неиствовствовали деятели рапповского толка. От великой русской литературы они не оставили камня на камне.

Когда-то поэт-сатирик Сергей Швецов сочинил по этому поводу такой стихотворный фельетон:

Пушкин, Лермонтов, Некрасов —
Трубадуры чуждых классов...
Грибоедов — примиренец!
Гончаров — приспособленец!
Гоголь — рупор мистицизма!
Салтыков — продукт царизма!
Глеб Успенский, Помяловский,
Короленко, А. Островский —
Фаталисты, шовинисты,
Уклонисты, монархисты.
Крепостник Иван Тургенев
Сочинял не ради денег,
Все же этот феодал
Политграмоты не знал... и т. д.

Но с тех пор утекло много воды. Времена переменились. И если б сегодня какой-нибудь поэт-сатирик пожелал высмеять в стихотворном фельетоне типичные литературоведческие штампы, ему пришлось бы сочинить что-нибудь прямо противоположное тому, что написал когда-то Сергей Швецов. Что-нибудь примерно в таком духе:

Пушкин, Лермонтов, Некрасов —
Барды угнетенных классов.
Тютчев — ярый враг царизма
И противник мистицизма.
Всем хорош был Чернышевский.
Но не плох и Достоевский.
Тоже — правильный старик,
Беспартийный большевик...
и т. п.

Тех, кто выдвинул в свое время этот «новаторский» взгляд на историю нашей литературы, понять можно. Борясь с вульгарными искажениями исторической правды, можно было в запале и перегнуть палку. Но вот что странно! Высказывания «проработчиков», доказывавших, что Пушкин, Тютчев и Тургенев «чужды пролетариату», давно и прочно забыты. Сегодня они известны лишь узким специалистам. А иные литературоведы до сих пор рьяно продолжают никому уже не нужный спор с мертвецами, изо всех сил стараясь доказать (кому?!), что Пушкин, Тютчев, Лермонтов и Некрасов не были «трубадурами чуждых классов».

Вот сравнительно недавно Вадим Кожинов вновь накинулся на деятелей рапповских времен, с неослабевающей страстью защищая от них Тютчева.

«Но ведь хорошо известно,— ломится он в настежь распахнутую дверь,— что в личной библиотеке В. И. Ленина были две тютчевские книги и что одна из них, по свидетельству ближайшего его помощника В. Д. Бонч-Бруевича, постоянно находилась на этажерке у письменного стола, а «нередко и на самом столе», ибо В. И. Ленин ее «часто перелистывал», «вновь и вновь перечитывал». И Бонч-Бруевич со всей определенностью свидетельствовал: «Мы всегда могли видеть у Владимира Ильича и Пушкина, и Лермонтова, но особенно кого он ценил — это был Ф. Тютчев. Он восторгался его поэзией»...

Напомню также, что еще во время гражданской войны Ленин подписал постановление Совета Народных Комиссаров о необходимости воздвигнуть Тютчеву (в числе других крупнейших русских писателей и поэтов) памятник и поддержал решение об открытии Музея-усадьбы имени Ф. И. Тютчева в Мураново... Многозначителен и тот факт, что свою речь на торжественном заседании по случаю 50-летия В. И. Ленина в апреле 1920 года Валерий Брюсов начал тютчевскими стихами:

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...»
(«Наш современник» № 10, 1987).

Вряд ли Тютчев сегодня нуждается в том, чтобы ценность его поэзии подкреплять авторитетом В. Я. Брюсова. И уж тем более нет необходимости защищать «доброе имя» Тютчева, опираясь на авторитет В. И. Ленина. Тютчев вполне может нынче и сам за себя постоять.

В. Кожинов — человек живой, активный, постоянно «ввязывающийся в драку». Он не похож на замшелого литературоведа, оградившегося от современности пыльными вырезками из старых журналов и газет. Он, как Пугачев в «Капитанской дочке», всегда предпочитает напиться «живой крови», а не «клевать мертвечину». И если уж он решил вдруг в 1987 году кинуться на защиту Тютчева, потрясая цитатами из давних воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича, так уж наверняка должна была его тут возбудить какая-нибудь свежатинка.

Свежатинка эта обнаруживается сразу, на первых же страницах статьи. Речь идет о каком-то неведомом нам «деятеле С.», мысли которого о Тютчеве, в частности о знаменитом тютчевском четверостишии «Умом Россию не понять...», перекликаются, как пишет В. Кожинов, «с возмутительной по смыслу и тону бухаринской статьей «Злые заметки» (1927)».

Дело, таким образом, прояснилось. Не какой-то там неведомый нам «деятель С.» привлек к себе внимание В. Кожинова, а именно Бухарин, давняя бухаринская статья. Именно она-то и есть та «свежатинка», которая, по мысли Кожинова, делает весь этот разговор о Тютчеве сейчас как нельзя более актуальным. Ко всем многочисленным идеологическим ошибкам и промахам Бухарина добавляется еще один: он, оказывается, неправильно трактовал четверостишие Тютчева.

Статья Бухарина «Злые заметки» хоть и была напечатана в 1927 году, но имя Бухарина стало упоминаемым (после перерыва в полвека) только сейчас. Имя это сегодня каждому читателю внятно говорит о тех переменах, которые происходят (уже произошли) в общественном сознании именно сейчас, в 1987 — 1988 гг.

Стремление В. Кожинова припомнить сегодня давнюю (шестидесятилетней давности) бухаринскую статью, и не просто припомнить, а задним числом «дorазоблачить» ее, вызвано, таким образом, не просто тривиальным желанием лишний раз лягнуть мертвого льва. Заряд этот нацелен не в прошлое, а в нынешний наш день. В наше настоящее. Возможно, даже и в будущее.

Воскрешение Бухарина не дает покоя не только В. Кожинову. Вот что говорит о нем другой литературовед — Д. Урнов. Он, пожалуй, высказался на эту тему даже еще более определенно, чем В. Кожинов:

«Если в результате нравственной, политической реабилитации Бухарин окажется великим теоретиком, это будет неправдой, потому что таковым он никогда не был». («Литературная газета», 27 января 1988 года).

Хотелось бы знать, откуда Д. Урнову так досконально известно, каков истинный масштаб Бухарина-теоретика. Вряд ли ведь он изучал все теоретические труды этого автора, чтобы иметь возможность составить о них серьезное, компетентное мнение. Книги Бухарина труднодоступны (чтобы не сказать больше).

Да хоть бы даже он их и читал. Мы-то с вами ведь пока не читали! Так вновь возникает старая, печально знакомая ситуация: «Я Пастернака не читал, но меня, как и каждого советского человека, глубоко возмущает...» и т. д., и т. п. С тою только разницей, что на сей раз в этой неблаговидной роли выступает человек ученый, доктор филологических наук.

Вот, бог даст, издадут хотя бы основные бухаринские труды, мы их прочтем, и тогда уж, может быть, даже без помощи Д. Урнова решим, кто был более крупным теоретиком — Н. И. Бухарин или, скажем, М. А. Суслов, в теоретической ценности работ которого Д. Урнов, кажется, никогда не сомневался. Во всяком случае, вслух таких сомнений не выражал.

Д. Урнов высказался недвусмысленно, но как-то уж очень кратко. Тема явно требовала развития, и получила его. В «Литературной газете» от 6 апреля появилась пространная статья Юрия Максимова «Ретушь трагедии?», однозначно осужденная в многочисленных откликах печати, а в конечном счете и самой «Литгазетой».

Есть что-то морально нечистое во всей этой возне. Полвека назад злодейски убили блестящего человека. Полвека самое имя его было под запретом. Наконец мы дожили до того, что о нем стало можно говорить вслух.

Я понимаю, что не всех это обстоятельство радует. Но простое чувство приличия могло бы им подсказать, что в момент, когда возлагаются цветы, не худо бы выдержать хоть традиционную «минуту молчания», а не подбегать к гробу с рулетками и сантиметрами, стремясь как можно скорее определить, какого роста был покойник.

Вы только подумайте! Какое это будет несчастье, если мы чересчур поспешно объявим, что Бухарин был более высокого роста, чем это имело место в действительности!

На той же полосе «Литературной газеты», где выступил со своим заявлением о Бухарине Д. Урнов (она озаглавлена «Критика-87: мнения и сомнения») еще с большей откровенностью высказывается в этом же смысле С. Селиванова.

«— Формула «Пусть все печатается, а разбираться будем потом»,— говорит она,— на мой взгляд, довольно опасна. А что, если потом разобраться так и не сможем — будет поздно?».

Мысль эта прямо-таки ошарашивает. Почему, собственно, потом будет поздно?

С. Селиванова объясняет:

«— Потому что, сами того не желая, мы вот этим «покаянным» поведением создадим новые мифы, антимифы...».

В самом деле, какой ужас! Даже страшно представить себе, что может произойти! Чего доброго, преувеличим значение кого-нибудь из «воскресших» (Ахматовой, Зощенко, Платонова, Мандельштама, Набокова, Гумилева, Клюева), создадим «антимиф» — и что же потом? Глядишь, в ажиотаже еще и памятник кому-нибудь из них поставим...

На самом деле положение не представляется мне таким уж катастрофическим. Даже если случится самое ужасное, даже если памятник (маловероятно, конечно) поставят А. Рыбакову или В. Дудинцеву, то и в этом случае процесс создания «антимифов», который так пугает С. Селиванову, никакими особыми бедами нам не грозит. Понадобится, так и памятники взорвем. Нам не привыкать.

3.

Было время, когда Ахматову, Пастернака, Цветаеву, Гумилева, Клюева, Волошина, Булгакова, Зощенко, Бабеля, Платонова отлучали от советской литературы. Потом времена переменились, и о них заговорили как о советских писателях, чье творчество имеет даже известную ценность, но все-таки лежит на периферии советской литературы. Да, мол, писатели талантливые. Но нельзя же ставить их в один ряд с Серафимовичем, Гладковым, Николаем Островским и другими «колонновожатыми».

Теперь уже и этого вслух не скажешь. Вот даже М. Синельников, не старающийся особенно маскироваться, не скрывающий, что одержим он сугубо «охранительным» пафосом,— даже он вынужден высказываться на эту тему в крайне осторожной форме. Посмотрите, как деликатно он говорит о «Котловане» Андрея Платонова («ЛГ», 30 марта 1988 г.):

«...Есть в повести А. Платонова нечто, чего я не могу принять: метафора, расширяющая границы и смысл изображаемого, воплощенная в самом названии. Не могу принять оттого, что знаю другие котлованы, другие стройки. Знаю по таким замечательным романам, как «Соть» Л. Леонова и «Люди из захолустья» А. Малышкина, по книгам М. Шагинян и Ф. Гладкова, В. Катаева и И. Эренбурга, Н. Кочина, других писателей, по продолжению темы в прозе наших дней («Истоки» Г. Коновалова, «Судьба» П. Проскурина)».

Казалось бы, после этого только и остается объявить, что «Котлован» решительно уступает книгам всех поименованных в этом списке авторов. Даже не ставя под сомнение художественных достоинств повести А. Платонова, заметить что-нибудь вроде того, что она стоит гораздо ниже их «в идейном отношении».

Но — времена не те. И даже на это у М. Синельникова не хватает духу. На это он только намекает. А противопоставление свое заканчивает вдруг таким умиротворяющим пассажем:

«Нет оснований сомневаться в искренности самых разных художников, создававших, создающих многозвучную, многокрасочную летопись народной жизни. Каждому из читателей остается выбирать в этой летописи то, что по душе...».

Вон какая широта! Гуляй, читатель! Нынче тебе уже ничего не предписывают. Выбирай «в этой маленькой корзинке» «что угодно для души». Хочешь — отдавай предпочтение «Котловану» Платонова, а хочешь — «Истокам» Г. Коновалова или «Судьбе» П. Проскурина. Хочешь — восторгайся стихами Пастернака и Ахматовой, а хочешь — Станислава Куняева или Татьяны Глушковой.

М. Синельников выразил свою мысль несколько импрессионистично, по-журналистски. Но иногда этот «охранительный пафос» выражается в более серьезных, я бы даже сказал, академических тонах.

Вот, скажем, Ф. Ф. Кузнецов в своем докладе «Максим Горький и современность» («Советская культура», 31 марта 1988 г.) приводит фразу литературоведа Н. Анастасьева, попавшую на страницы «Крисчен сайенс монитор» и перепечатанную оттуда газетой «За рубежом».

«Вскоре нам придется,— сказал Н. Анастасьев,— полностью пересмотреть наше представление о советской литературе».

Казалось бы, ну что в этой фразе ужасного? И не такое сейчас пересматриваем!

Но Ф. Ф. Кузнецов так комментирует это невинное и даже само собой разумеющееся утверждение:

«Новый взгляд на историю советской литературы и на Горького необходим. Однако «полный пересмотр» исторически сложившихся истин и оценок ведет к субъективизму, к кощунственному искажению исторической правды, к замене розового на черное».

Помилуй бог! Почему же предложение пересмотреть наши представления о советской литературе непременно следует трактовать как призыв к «кощунственному искажению исторической правды»? Насколько я понимаю, речь идет как раз о восстановлении исторической правды. Например, о необходимости сказать наконец вслух, что роман «Мать» вовсе не является высшим художественным достижением А. М. Горького, как это вбивалось в головы школьников на протяжении десятилетий.

— Я не против того, чтобы пересмотреть,— дает нам понять Ф. Ф. Кузнецов.— Что-то пересмотреть, конечно, придется. Но чтобы полностью!.. Нет, товарищи, это уже слишком!

А почему, собственно, это злосчастное словечко («полностью») должно нас так пугать? Ведь мы же не зря называем революционные процессы, идущие в нашем обществе, не достройкой, не пристройкой, не надстройкой, а перестройкой. Точно так же обстоит дело и с историей нашей литературы. Речь должна идти не о том, чтобы к старому зданию пристроить один-другой флигель или надстроить один-два этажа, а о том, чтобы пересмотреть весь чертеж, весь архитектурный проект, на основе которого возводилось это самое здание.

4.

С. Селиванова, А. Ланщиков, Д. Урнов и другие участники упоминавшейся мною «дискуссии» делают вид, что спор у них идет о том, «какого роста» А. Рыбаков, а какого — В. Дудинцев. Но на самом деле спорят они, конечно, не об авторах, а об их героях. И опасения С. Селивановой по поводу того, что, глядишь, создадутся некие «антимифы», менее всего связаны с проблемами изящной словесности.

На самом деле спор идет о том, какого роста были Сталин, Бухарин, Киров, Жданов, Орджоникидзе, Лысенко...

Некоторые пытаются сделать при этом хорошую мину. Они старательно прикидываются, что их волнуют сугубо эстетические проблемы. Вот, скажем, А. Марченко высказывает свое мнение о статье Ю. Буртина в 8-м номере «Октября». Статье, которая вызвала (и не зря) бурную общественную реакцию. Не рискуя вступать с автором в спор по существу дела, А. Марченко морщится:

«Статья Ю. Буртина несколько догматична, точнее, старомодна и по типу мышления, и по способу аргументации, да и взгляду широты не хватает».

В связи с этой глубокомысленной репликой мне припомнился такой случай. Дело было лет тридцать назад. В Союзе писателей (кажется, на секции прозы) обсуждался рассказ Александра Яшина «Рычаги». От выступающих шел пар. От некоторых из них летели клочья. Немудрено: спор шел о самом главном в нашей жизни. И вот встал один писатель и раздумчиво, словно решая для самого себя какой-то очень мучивший его вопрос, сказал:

— Лично я разделяю понятия «рассказ» и «новелла»...

И тут из дальнего угла раздался шумный вздох и иронически завистливая реплика Бориса Бедного:

— Счастливый человек!

Вот так же и я, читая замечание А. Марченко о том, что статья Ю. Буртина «старомодна по типу мышления», или глубокомысленную фразу С. Селивановой, что судить искусство надо по законам искусства, невольно думаю: «Счастливые люди!».

Справедливости ради следует отметить, что А. Марченко не всегда высказывается так туманно. Вот, скажем, о статье Юрия Карякина «Стоит ли наступать на грабли?» («Знамя» № 9 за прошлый год) она высказалась с гораздо большей определенностью:

«В ярости, с какой тот же Ю. Карякин избивает (другого слова не нахожу) обобщенного врага, есть что-то ненатуральное, унизительное для общего нашего достоинства, а может быть, и безнравственное, как во всякой холостой пальбе по настоящей цели из настоящего — нешутейного — оружия» («Дружба народов» № 1, 1988 г.).

Тем, кто не читал или плохо помнит статью Ю. Карякина, о которой идет речь, напомню, что, помимо «обобщенного» врага, есть у ее автора и вполне конкретный противник, которому в статье уделено довольно много места,— А. А. Жданов. Об этом А. Марченко предпочитает умолчать.

Но не все ее коллеги так стыдливы. Иные, как мы это уже видели на примере Д. Урнова, прямо говорят о том, что их волнует.

А вот другой пример: А. Ланщиков рассуждает о романе А. Рыбакова «Дети Арбата»:

«...У Рыбакова Киров думает: как бы устранить Сталина, какую ошибку допустили, что избрали Сталина генсеком, и т. д. Но вы прочитайте статьи Кирова начиная с 1930 года, где он призывает расправиться и с Бухариным, и с Рыковым, и с Томским...»

У тех, кто плохо знает обстановку тех лет, не понимает, какая пропасть отделяет начало 30-х годов от ситуации, возникшей после убийства Кирова, может создаться впечатление, что Киров призывал расправиться с Бухариным, Рыковым и Томским теми же методами, какими это сделал Сталин.

А вот еще одна реплика А. Ланщикова о тех же «Детях Арбата»:

«Орджоникидзе показан как рождественский дедушка. В то же время Ленин писал о рукоприкладстве Орджоникидзе. Сталина опять хотят сделать каким-то идолом, только с обратным знаком — злодеем всемогущим».

Орджоникидзе, конечно, не был ангелом. И Киров, вероятно, тоже. Но ведь важно, кому противопоставлены они в романе Рыбакова. А в том, что тот, кому они противопоставлены, действительно был злодеем, и, если не всемогущим, то довольно-таки могущественным, вряд ли могут быть какие-то сомнения.

Еще откровеннее высказывает свои взгляды Вадим Кожинов (в том же номере «Дружбы народов», где А. Марченко упрекает Ю. Карякина в безнравственности).

«Правду о прошлом,— говорит он,— придется добывать буквально по крупицам. Много, например, говорили о страшной роли Лысенко, губившего биологическую науку, но Д. Гранин в «Зубре» со всей убедительностью сказал, что Лысенко был, в сущности, тупым орудием в руках таких «теоретиков», как Деборин и Презент».

Надо сказать, что В. Кожинов — человек последовательный. В № 4 «Нашего современника» он высказался уже более развернуто и, пожалуй, даже более откровенно. Надеюсь, и эта его статья не останется без ответа.

Презент, конечно, был ничуть не лучше, чем Лысенко. Но говорить, что Лысенко был тупым орудием в его руках,— все равно, что утверждать, будто Сталин был марионеткой в руках Кагановича или, положим, Мехлиса.

И Вадим Кожинов, и Алла Марченко, и Дмитрий Урнов, и Анатолий Ланщиков (не говоря уже о С. Селивановой) изо всех сил стараются делать вид, что речь идет об искусстве, что книги, о которых они говорят, не устраивают их своим низким художественным уровнем. «Дети Арбата» — это нужно, это горячо и интересно. «Белые одежды» — тоже,— поговаривают теперь.— А как быть с художественным уровнем?»

Но вот статья, в которой тема «художественного уровня» даже и не затрагивается. Она вся, целиком, от первого до последнего слова, посвящена проблемам историческим и политическим («Советская Россия», 28 января 1988 г.). Немудрено: авторы ее — историки, доктор исторических наук В. В. Горбунов и доктор исторических наук, профессор В. В. Журавлев. Речь идет о пьесе М. Шатрова «Дальше... дальше... дальше...», опубликованной в первом номере журнала «Знамя».

Любой ученый — историк, экономист, политолог — вправе, конечно, рассматривать любое художественное произведение под своим углом зрения. (В особенности если произведение это в той или иной мере затрагивает проблемы, связанные с его профессией.) Но хорошо бы при этом все-таки отдавать себе отчет в том, что художественное произведение — не ученый трактат, оно имеет свою специфику, свою, только ему присущую художественную логику.

Авторы статьи о пьесе М. Шатрова эту художественную логику игнорируют начисто. Вот, например, они пишут:

«...В пьесе проводится идея, что развитие нашей страны шло под знаком постоянного разрушения демократизма: от разгона Учредилки до гонений на Твардовского (это заявление вложено в уста Керенского, но характерно, что в ответ Свердлов по существу не возразил...)».

Драматургический прием, на котором основана пьеса М. Шатрова, состоит в том, что в действии принимают участие исторические лица, умершие в разное время. И каждый из них, естественно, обладает лишь той информацией, какой он мог обладать при жизни. Лишь по ходу пьесы он узнает, что было потом. Тут есть известная условность, но, как и каждая условность, она имеет свои строгие границы. Керенский мог бросить свою реплику о Твардовском, поскольку бывший премьер Временного правительства скончался в 1970 году. А Свердлов, умерший в 1919-м, разумеется, понятия не имел ни о «Новом мире», ни о Твардовском, а потому возразить Керенскому, естественно, не мог.

Само собой, тот драматургический прием, на котором построил свою пьесу М. Шатров, может вызывать возражения и даже решительное неприятие. Но, чтобы судить о пьесе, надо по меньшей мере понимать, как она построена.

Не мешает также понимать, как вообще строится произведение драматического жанра, какими возможностями располагает автор. При этом отдавать себе отчет в том, что возможности эти отнюдь не безграничны.

«Хотелось бы отметить и то,— пишут доктора исторических наук,— что в пьесе, в общем-то посвященной истории нашей партии, не показана историческая роль этой партии как руководящей силы революции и строительства социализма, коллективная работа руководимого Лениным Центрального Комитета... Вся позитивная деятельность авангарда трудящихся, обеспечившего всемирно-историческую победу в Октябрьской революции и на фронтах гражданской войны, построение социализма и его беспримерную защиту в Великой Отечественной войне, а затем возрождение страны из руин и пепла,— все это выпало из поля зрения автора».

Ну как тут не вспомнить знаменитый фельетон И. Ильфа и Е. Петрова «Как создавался Робинзон». Там редактор предлагает писателю сочинить книгу, наподобие великого «Робинзона Крузо». Но, предупреждает он, это должен быть наш, советский Робинзон. Писатель на все соглашается. Соглашается, когда редактор требует, чтобы на необитаемом острове оказался местком: хотя бы председатель месткома и два освобожденных члена. Соглашается добавить к ним еще одну активистку и сборщицу членских взносов. Соглашается, чтобы на необитаемом острове оказался несгораемый шкаф, поскольку членские взносы полагается хранить только в таком шкафу и нигде больше. Соглашается даже, чтобы волна выбросила на необитаемый остров и лавочную комиссию, не говоря уже о графине с водой, колокольчике и скатерти (для заседаний). Но когда редактор потребовал, чтобы в романе была показана масса, широкие слои трудящихся, даже этот на редкость уступчивый писатель воспротивился.

— Волна не может выбросить массу! — заупрямился он.

Не напоминают ли этого редактора ученые-историки, требующие, чтобы в пьесе М. Шатрова, основное действие которой происходит 24 октября 1917 года, было отражено «построение социализма и его беспримерная защита в Великой Отечественной войне, а затем возрождение страны из руин и пепла»?

Но вот их упрек М. Шатрову совсем другого рода. На этот раз куда более серьезный:

«Теперь об общей исторической перспективе социалистического строительства, о путях продвижения нашей страны к социализму, как это показано в пьесе. Автор разбирает здесь две существенно различные точки зрения в этом вопросе, и это в общем-то соответствует исторической истине. Первую представлял Бухарин, вторую — Сталин. Первый отстаивал необходимость длительного (на протяжении десятилетий) периода перехода к социализму, постепенного врастания крестьянства в социализм и сохранения нэпа на весь этот период. Второй настаивал на необходимости ускоренных темпов развития, форсированной индустриализации страны и коллективизации деревни. Эту вторую линию автор устами своих героев объявляет порочной и сетует на то, что страна не стала развиваться по Бухарину... Зыбкая позиция: что было бы, если бы... Однако суть здесь не в упущенных возможностях, а в ясном понимании того реального факта, подтвержденного ходом истории, что у партии не было иного выбора, другой альтернативы...»

В контексте статьи В. В. Горбунова и В. В. Журавлева последняя фраза означает, что у партии не было никакой альтернативы сталинизму.

В действительности такая альтернатива была. И предложена она была не Бухариным, а Лениным. Именно Ленин отстаивал «необходимость длительного (на протяжении десятилетий) периода перехода к социализму... и сохранения нэпа на весь этот период». Когда вводили нэп и вплотную встал вопрос о построении социалистического фундамента народного хозяйства, Ленин говорил:

«Замена разверстки налогом, ее принципиальное значение: от «военного» коммунизма к правильному социалистическому фундаменту».

А вот что он говорил о необходимости длительного (на протяжении десятилетий) периода перехода к социализму:

«10—20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспеченная победа в всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут)...»

Пролетарских революций на Западе не последовало. Напротив, последовало то, что было названо «частичной стабилизацией капитализма». А «правильные соотношения с крестьянством», о которых Ленин говорил как о единственном реальном выходе из этой сложной ситуации, были нарушены. И нарушены не кем иным, как Сталиным.

Бухарин последовательно отстаивал ленинские взгляды по этому вопросу, и до 1928 года Сталин был с ним солидарен. Сам при этом ссылался на приведенные мною цитаты из Ленина. Но в январе 1929 года он вдруг решительно изменил свою позицию, и взгляды Бухарина, которые он недавно полностью разделял, были объявлены «ревизией и извращением важнейших принципов ленинизма».

Так было в действительности. А схема, развернутая в статье В. В. Горбунова и В. В. Журавлева, представляет собой слегка подновленный вариант той, что была изложена в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)».

В уже упоминавшейся мною статье В. Кожинова («Наш современник» № 4) эта «линия» отстаивается так же твердо. Да и не только в ней...

Вернемся, однако, к пьесе М. Шатрова.

Она, быть может, далека от совершенства. Так же, как далеки от совершенства романы А. Рыбакова и В. Дудинцева. Все эти произведения, само собой, можно и даже нужно критиковать. И, само собой, можно высказывать по отношению к этим произведениям не только эстетические, но и исторические, и политические претензии.

Но претензии критиков, о которых идет речь в этой моей статье, особого рода. В основе этих претензий — не стремление к художественному совершенству и даже не стремление к исторической правде, а охранительный пафос.

И Рыбаков, и Дудинцев, и Шатров — все они, каждый по-своему, пытаются взглянуть на прошлое с позиций сегодняшнего дня, порою часто опережая нашу историческую науку. Дело это, естественно, не может обойтись без каких-то просчетов и даже ошибок. И было бы прекрасно, если бы критики и историки, стремясь к той же цели, к какой стремятся критикуемые ими авторы, помогали им, а не одергивали*.

Но цель критиков, с которыми я спорю, судя по всему, совсем другая. Они хотят любыми средствами, хоть окриком, остановить тех, кто хочет двигаться дальше... дальше... дальше...

5.

Некоторое время тому назад один известный писатель сравнил новую ситуацию в нашей литературе, возникшую с развитием гласности, с нашествием фашистских «цивилизованных варваров», несущих угрозу самому существованию нашей национальной культуры. Недавно, говорят, он снова повторил это полюбившееся ему сравнение, добавив, что до Волги осталось всего триста метров, а мы, дескать, даже еще не заняли оборону.

Как видите, он зря впал в такую панику. Оборона занята. И даже — круговая оборона.

Повторим вкратце, какие опасения высказывают критики, о которых шла речь в этой статье:

С. Селиванова боится, как бы не создались новые мифы, «антимифы».

Ф. Ф. Кузнецов боится полного пересмотра сложившихся представлений о советской литературе.

М. Синельников боится, что «Котлован» Платонова вытеснит из сознания читателя книги Л. Леонова, М. Шагинян, Ф. Гладкова, В. Катаева, И. Эренбурга, Н. Кочина, Г. Коновалова, П. Проскурина.

Д. Урнов боится, как бы не преувеличили роль Бухарина-теоретика.

А. Марченко боится, что несправедливо обидят А. А. Жданова и его единомышленников.

В. Кожинов боится, что, не дай бог, оклевещут беднягу Лысенко.

А. Ланщиков боится, как бы Сталина не изобразили чересчур большим и всемогущим злодеем...

По этому поводу мне вспоминается блестящая острота Маяковского, которую приводит в своей книге «О Маяковском» Виктор Шкловский.

В. Брюсов озабоченно сказал однажды: «Боюсь, что из Маяковского ничего не выйдет».

«Владимир Владимирович,— вспоминает по этому поводу Шкловский,— очень забавно показывал, как Брюсов спит и просыпается ночью с воплем:

— Боюсь, боюсь.

— Ты чего боишься?

— Боюсь, что из Маяковского ничего не выйдет».

Приведя этот забавный рассказ, Шкловский говорит:

«В этой остроте обычный метод Маяковского: перестановка ударения на второстепенное слово, переосмысливание этого слова и разрушение обычного значения.

Получается правда. Брюсов боится».

В полной мере, мне кажется, это относится и ко всем названным мною критикам, с которыми я здесь полемизировал.

Получается — правда. Они боятся!

* Именно это, к слову сказать, делают критики пьесы М. Шатрова Л. Овруцкий и доктор философских наук, профессор МГУ А. Бутенко («Советская культура», 4 февраля 1988 г.). Авторы этих статей относятся к пьесе по-разному. А. Бутенко — положительно. Л. Овруцкий резко ее критикует. Однако и он, во многом не соглашаясь с М. Шатровым и споря с ним, не старается удержать его в пределах старых исторических догм. Это критика не с охранительных позиций, а с позиций еще более глубокого постижения исторической правды.

«ЩЕЛКУНЧИК».
АИДА ИСХАНОВА —
КОРОЛЕВА МЫШЕЙ.

СЛУХИ О РЕМОНТЕ В ОПЕРНОМ ТЕАТРЕ НАПОЛЗАЛИ ОДИН НА ДРУГОЙ. МОИ ЛЬВОВСКИЕ ЗНАКОМЫЕ ПРЕДУПРЕДИЛИ: «В ОПЕРНОМ НЕ ВСЕ ЛАДНО! ВО ВРЕМЯ РЕКОНСТРУКЦИИ СТРОИТЕЛИ ОБНАРУЖИЛИ ВМУРОВАННУЮ ПОД СЦЕНОЙ ЛАДЬЮ... ВЫКИНУЛИ, КОНЕЧНО. В ОРКЕСТРОВОЙ ЯМЕ НАШЛИ БУТЫЛКИ. НЕТ, НЕ КАКИЕ-НИБУДЬ, А ТО ЕЩЕ ПОДУМАЕТЕ... ДЛЯ РЕЗОНАНСА! ИХ ТОЖЕ ЛИКВИДИРОВАЛИ. НО КОГДА СТАЛИ СДАВАТЬ ТЕАТР — ПРОПАЛО ЗВУЧАНИЕ! НЕ ИДЕТ ЗВУК В ЗАЛ!»

— А ПРО ЗАНАВЕС СЕМИРАДСКОГО, КОТОРЫЙ ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ БЫЛ, ОКАЗЫВАЕТСЯ, «БЕЗНАДЕЖНО ИСПОРЧЕН», НЕ СЛЫШАЛИ ЕЩЕ? — СПРОСИЛ МЕНЯ ДИРЕКТОР ЛЬВОВСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕАТРА ОПЕРЫ И БАЛЕТА ИМЕНИ ИВАНА ФРАНКО М. В. МОЦЬО.— ЭТО ОДИН ИЗ САМЫХ УСТОЙЧИВЫХ СЛУХОВ ПРО ТО, КАК НАПОРТАЧИЛИ ЯКОБЫ РЕСТАВРАТОРЫ. КОГДА ТАКОМУ РАССКАЗЧИКУ ГОВОРИШЬ, ЧТО ОН НЕ ПРАВ, ЧТО ЗАНАВЕС МОЖНО УВИДЕТЬ ВО ВСЕМ ЕГО БЛЕСКЕ ХОТЬ СЕГОДНЯ,— ОБИЖАЕТСЯ: «ДА Я СВОИМИ УШАМИ СЛЫШАЛ ОТ ЭКСКУРСОВОДА!»

ТРУДНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЗАНАВЕС «МУЗЫ НА ПАРНАСЕ», СОЗДАННЫЙ ХУДОЖНИКОМ ГЕНРИХОМ СЕМИРАДСКИМ В 1900 ГОДУ.

ФИНАЛ ОПЕРЫ «СЕВИЛЬСКИЙ ЦИРЮЛЬНИК».

ЗА КУЛИСАМИ.

Станислав КАЛИНИЧЕВ,
Николай КОЗЛОВСКИЙ
(фото).

Львов — большой музей. Здесь сохранились целые кварталы старинных улиц. Зимою и летом тут полно туристов. А здание оперного театра в самом центре, с ним связаны многие исторические события. В нем впервые в городе засветились электрические огни. Осенью 1939 года тут состоялось Народное собрание Западной Украины, провозгласившее Советскую власть на западноукраинских землях. Это один из перекрестков Истории.

Оперный — предмет гордости львовян. О необходимости капитального ремонта в нем говорили еще четверть века назад. Готовая документация пролежала больше десяти лет, да и сама реконструкция была непомерно затянута... А когда здание предъявили к сдаче, то его хозяева насчитали больше трехсот недоделок. Из-за этого на три месяца задержалось открытие сезона. Всякие байки... Они ведь тоже рождаются не на пустом месте.

Оркестровую яму строители сделали настолько глубокой, что дирижер не мог видеть сцену, а зрители — дирижера. Пришлось переделывать. А звучание, акустика вопреки молве — все осталось

Окончание см. на стр. 31.

НАРОДНЫЙ ХУДОЖНИК УКРАИНЫ, ГЛАВНЫЙ ХУДОЖНИК ТЕАТРА Е. Н. ЛЫСЫК.

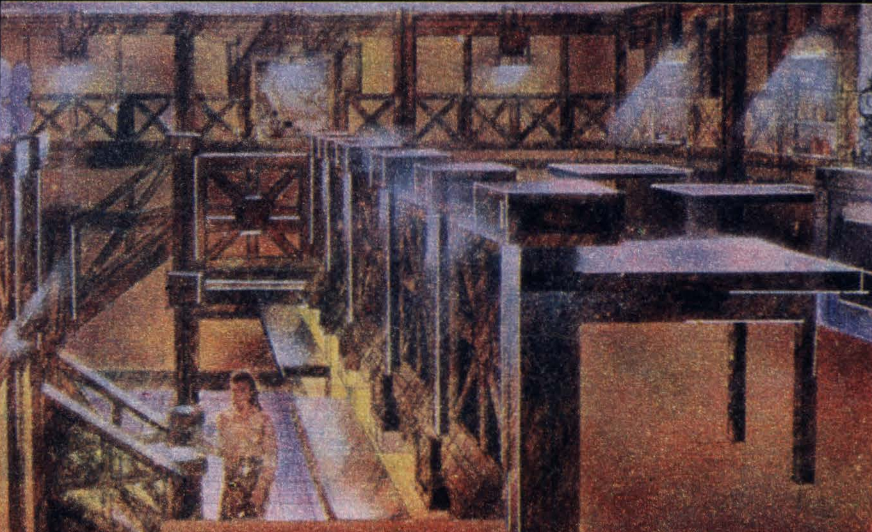
СТОЛЕШНИКИ, ДАЛЕЕ—ВЕЗДЕ!

Юрий ОСИПОВ,
Эдуард ЭТТИНГЕР (фото).

...Респектабельный и немолодой уже человек в распахнутом плаще бежал по переулку за самосвалом, увозившим со стройки «на мусор» извлеченные из земли литографские камни «Будильника». Да, да, того самого, где печатались Гиляровский, Влас Дорошевич, Антоша Чехонте... Пройдет время, и камни эти украсят интерьер «Репортерского» зала знаменитого ныне кафе «Столешники» («У дяди Гиляя»). А Анатолий Михайлович Крапивицкий смущенно будет вспоминать, как по колено в цементном крошеве перетаскивал их через борт кузова и обтирал полой плаща зеркальную поверхность с затейливыми знаками.

— Можно сказать, за мечтой гнался,— чуть грустно усмехается он.

...В институте торгового машиностроения девятнадцатилетний слесарь впервые увлекся конструированием торговых автоматов по продаже газированной воды, пива, бутербродов. Одним из немногих угадал Анатолий Михайлович их перспективу и, узнав, что в «Автоматторге» открывают первые мага-



зины-автоматы, попросился туда механиком.

Тихий, деликатный, с виду даже робкий, молодой специалист оказался поистине дерзким изобретателем — первое же его рацпредложение дало весомую прибавку в товарообороте (а всего на счету Крапивицкого за двадцать пять лет работы в отрасли их около тридцати). Неудивительно, что именно ему, ставшему опытным механиком, предложили вскоре пост директора магазина-автомата.

Сокровенная мечта зародилась у Анатолия Михайловича давним зимним вечером перед заброшенным и полузатопленным подвалом в старинном столешниковском дворике поблизости от дома № 9, где в начале века проживал «король московских репортеров», талантливый писатель Владимир Гиляровский. Был, правда, прежде еще один подвал — прокуренный, сотрясаемый матом зал хорошо известного в недавнем прошлом москвичам пивного бара на углу Пушкинской улицы и Столешникова переулка, красноречиво прозванного «Ямой». Равнодушный к пиву Крапивицкий как-то заглянул сюда и загорелся идеей создать в подвале современный пивной бар-автомат, новшество по тем временам необычайное. Коллеги пожимали плечами: чего ему не сидится спокойно в кресле директора лучшего в торге магазина-автомата, тем более что и солидное повышение на носу?.. А вот не сиделось.

Почти десять лет назад сомнительная «Яма» уступила место бару-автомату «Ладья». Уже на следующий год специалисты подсчитали, что экономический эффект от реконструкции составил более ста тысяч рублей, почти в четыре раза возрос и товарооборот предприятия, не говоря о чистоте, порядке, культуре и честности обслуживания. Ну, а Крапивицкого, по закону наказуемой инициативы, назначили заведовать возрожденным предприятием и заодно — еще целым «кустом» соседних столовых, буфетов, закусочных.

Тогда-то он подступился ко второму подвалу.

И в очередной раз мало кто верил в его затею создать там прекрасное этнографическое кафе. Дренажная система, некогда существовавшая под стоящими на холме зданиями Столешникова переулка, была напрочь забита илом. Исследовавшие ее специалисты в один голос заявили: прокачать невозможно. «Лучше засыпьте этот подвал и забудьте о нем»,— посоветовали они. Крапивицкий не внял совету, самолично взявшись за расчеты. Как-никак он окончил в свое время Плехановский институт с дипломом инженера-механика. А посему нашел-таки оригинальное решение. Девятиметровый тоннель под мостовой соединил подвал с действующим водостоком, и вода ушла по наклону с холма в подземную речку Неглинку. Теперь дело стало за помощниками.

Рабочий столовой Виктор Бургонов в лютые морозы копал тоннель. Конструкторы проектно-сметного бюро Главобщепита подготовили технический проект предстоящих работ. Энтузиасты-строители выполнили их. Руководители Фрунзенского треста столовых обеспечили необходимое содействие. Наконец, архитекторы Валерий Русаков и Андрей Болотов придумали неповторимый облик фасада и залов будущего кафе — «Репортерского», «Москва и москвичи», «Конюшенного», «Мельничного».

Зато те, кто не помогал, постарались, как могли, помешать. Недругов у самодеятельной затеи хватало с избытком. И прежде всего среди чиновников, привыкших из года в год плодить стеклянные «забегаловки». Восемь раз собирался в подвале выездной худсовет! Но первоначальный проект все же удалось спасти.

На торжественном открытии кафе, перед кино- и фотокамерами, в ярком свете софитов, стояли руководители городских служб, они выступали, давали интервью. Анатолий Михайлович держался в сторонке и был счастлив.

Нет, он не лишен своеобразного тщеславия. Ему нравится заведовать лучшим в городе кафе, у дверей которого всегда очередь, в котором, кроме исторического колорита, вас окружают уют и приветливость, а на столиках дымятся бесподобные пельмени в горшочке. Нравится, что отсюда вели репортажи Центральное телевидение и телевидение зарубежных стран, что в подвале «У дяди Гиляя» традиционно встречаются журналисты, что здесь им вручают премию имени В. А. Гиляровского.

Крапивицкий хочет. Высокая рентабельность «Столешников» дает Крапивицкому право добиваться того, чтобы его кафе не осталось на столичных просторах единственным в своем роде. Есть у Анатолия Михайловича на сей счет и конкретные предложения. Вернее, не предложения, а детально проработанный план.

Столешников переулок, без преувеличений, один из самых живописных уголков старой Москвы. Сравнительно небольшой по протяженности, он является связующей артерией между главной магистралью столицы — улицей Горького — и сетью торговых предприятий в районе Петровки. Придите сюда в воскресенье, когда магазины закрыты, и вы убедитесь, что не только они манят в Столешники людей. Заповедная тропа эта очаровывает их почти полной первозданностью своего вида, ароматом прошлого, заставляющим задуматься о старине, истории. Такова, по сути, основная причина создания тут мемориально-этнографического кафе.

Ну, а дальше? Старый торговый центр Москвы обретает все большую значимость. Не ослабевает на его улицах людской поток. Между тем предприятий общепита, где можно вкусно и недорого поесть, отдохнуть, в здешних окрестностях явно не хватает. Немым укором «отцам города» коченеют на ветру длинные очереди у «Арфы», «Зеленого огонька», диетической столовой — даже таких вроде бы непритязательных и утилитарных заведений!

И все это при том, что на столе в кабинете Крапивицкого уже не первый год пылится диорамный макет комплекса из 12 предприятий общественного питания «Гостиный двор «Столешники», разместить который предполагается в пяти строениях дома № 6, прямо за кафе «У дяди Гиляя». Место выбрано идеальное. Сбоку — церковь XVIII века. Главное здание в глубине тихого дворика — до пожарной постройки, по некоторым сведениям, в нем находился штаб Мюрата, и как раз из него, возможно, был дан сигнал наполеоновской армии покинуть Москву. Вот вам историческая атмосфера!

А теперь представьте, как преобразятся и засияют свежей побелкой потемневшие от времени стены, как зажгутся старинные фонари у гостеприимно распахнутых дубовых резных дверей «Трактира», «Постоялого двора», «Лавки древностей» (сувенирного магазинчика)... На первом этаже в соответствии с проектом намечено оборудовать пельменную и оформить ее в стиле мастеров Палеха, Гжели, Богородска. На втором этаже в кафе «Молодежное» посетителям предложат кофе, пирожные, соки.

— Наш «Гостиный двор «Столешники»,— говорит Анатолий Михайлович,— задуман именно как комплекс, с торговыми рядами, магазинами, наподобие тех, что уцелели еще кое-где в старинных русских городах.

Думаете, все? Ошибаетесь. Справа на косогоре решено построить русскую трапезную (кафе-автомат, закусочная), а в правом флигеле особняка — кафе «Русская масленица». Ее интерьеры включат элементы оформлений ярмарочных и масленичных гуляний прошлого века. Ну, и, разумеется, там предусмотрены блины с различными наполнителями. Не забыты также дети. У них будет свое особое кафе под балюстрадой, рядом с косогором, оформленное по мотивам русских народных сказок.

Одним словом, москвичи и гости столицы получат полный набор предприятий общепита на любой вкус.

Весь вопрос — когда?

— Сроки воплощения наших замыслов,— сетует Анатолий Михайлович,— никак не приобретут четких очертаний, конкретных дат и цифр. Абсолютное большинство учреждений, так или иначе заинтересованных в возведении комплекса, с нами согласно, однако самые влиятельные инстанции отказываются визировать проект решения исполкома Моссовета. Скажем, отдел нежилых помещений не желает возиться с переселением 18 мелких организаций, которые разместились в этом дворе. Вполне понятно, что им жаль расставаться с центром города, но интересы общества требуют этого немедленно.

Причем комплекс необходимо возвести до начала осуществления обсуждающегося сейчас проекта создания пешеходной зоны Столешников, когда и без того малочисленные кафе и столовые в этой зоне неизбежно закроются на капремонт (богатый профессиональный опыт Крапивицкого тому порука). Финны на основе совместного предприятия, предварительное соглашение о котором уже подписано «Союзвнешстройимпортом» и реконструирующей ныне «Метрополь» известной фирмой «Сайо-Пенттиля», берутся построить весь комплекс за год, если заранее будут подведены технические коммуникации.

Их заинтересованность неудивительна. Анатолий Михайлович показывал мне свои экономические выкладки. Затраты на строительство (исходя из стоимости кафе «Столешники») составят от 6 до 10 миллионов рублей, прибыль же — до 3 миллионов рублей в год. Следовательно, за три года комплекс полностью окупится и будет давать чистый доход. Любой капиталист ухватился бы за такую возможность.

И еще. За день «Гостиный двор «Столешники» сможет принять столько посетителей, сколько все общепитовские заведения Калининского проспекта.

А разве уникальное историческое здание не сохранится благодаря «Гостиному двору» с его предполагаемыми сменными экспозициями предметов быта эпохи из фондов Музея истории и реконструкции Москвы? Сейчас этот архитектурный памятник неотвратимо разрушается, крыша местами провалилась. Но, судя по всему, Министерство культуры это волнует меньше, нежели директора кафе, с дотошностью краеведа изучившего судьбу окрестных домов. Ему больно видеть, как обосновавшаяся в столешниковской церкви Косьмы и Дамиана (некогда переулок назывался Космодамианским) типография Министерства культуры вибрацией своих станков расшатывает горделивый храм, к которому обращали последний взгляд схваченные французскими патрулями «поджигатели». Современные исследователи приводят свидетельства, что их расстреливали во дворе штаба Мюрата.

Анатолий Михайлович Крапивицкий рассказал мне об этом во время очередной нашей встречи, по обыкновению немного стесняясь собственных знаний. И я неожиданно поймал себя на мысли, что всякий раз узнаю от него нечто новое, важное о моем родном городе. И его тоже, который он мечтает сделать для всех нас краше, теплее, приятнее. На своем месте, без громких фраз — мечтатель и человек дела, не устающий нести беспокойное бремя мечты. ●

НИКОЛАЙ ЕФИМОВ — ЖУРНАЛИСТ, «ИЗВЕСТИНЕЦ». А ЕЩЕ ОН ПИШЕТ СТИХИ. СЕГОДНЯ МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ НЕСКОЛЬКО ЕГО СТИХОТВОРЕНИЙ.

* * *

С головой ушел в дела,
В мир проблем и непорядка.
За день выгорел дотла,
За день выжат без остатка.

Спорил, взвешивал, вершил,
Только главного не понял:
Всех проблем не разрешил,
Счастье, видно, проворонил.

* * *

Взаимные упреки,
Как сорная трава.
Недобрые намеки,
Недобрые слова.

Они куда больнее
Чужих речей и фраз.
А думал, нет умнее
И справедливей нас.

* * *

Взглянуть на нее — паутинка
В просторе лесов и травы.
Но всем этим рыжим кувшинкам
Хватает ее синевы.

Не смерить ее водомеркам,
Она океан для ельца.
По нашим коротеньким меркам
Начала ей нет и конца.

Как небо, такого же цвета
Ее омутá и луга.
Растают за ней неприметно
И снова воскреснут стога.

Туман ли вечерний садится
На царство ее ивняка,
Слетают ли белые птицы
На краткий ночлег — облака?

Понять ее жизни не хватит.
Что жизнь? На бегу, на ходу...
А время лишь катит да катит
Песчинки в Ильинском броду.

* * *

Вдруг оказаться в вековой глуши,
В заснеженной промерзшей глухомани,
И слушать, как потрескивают в печке
Сосновые смолистые дрова.

Вдруг отрешиться от своих проблем
И знать одну счастливую заботу —
Покоя твоего не потревожить
И не спугнуть твоих беспечных снов.

Но объявляют — «Пристегнуть ремни».
Спускаемся. И под крылом машины
Совсем не глушь, а залитый огнями
Аэропорт и весь клубок проблем.

* * *

Верю в предопределенье,
Если встретиться смогли
Две песчинки, два мгновенья
На бескрайностях земли.

Две песчинки, две на свете
В этом мире без границ,
В бесконечности столетий,
В нескончаемости лиц.

МАРШАЛ ПИШЕТ КНИГУ

Анна МИРКИНА

8

К подготовке второго издания маршал Жуков приступил летом 1969 года. Уже шел поток писем — откликов читателей. Их надо было подготовить для работы — выбрать самое главное, выписать предложения, замечания, добавления. Отобранный материал мы распределяли на всю ширину листа по графам: кто предлагает (фамилия, адрес), что напечатано в первом издании, какие предложены замены или добавления, примечания.

Георгий Константинович просматривал эти «схемы» и слева писал свое решение — принять или отклонить. Часто предложения авторов письма требовали доработки текста, включения дополнительного архивного документа. В этот период вставки и добавления в текст Жуков направлял в издательство постоянно.

На первый взгляд второе издание книги «Воспоминания и размышления» мало чем отличается от первого. Но на самом деле текст подвергся значительным изменениям и дополнениям. Прежде всего автор написал три новые главы: «Ставка Верховного Главнокомандования», «Ликвидация Ельнинского выступа противника», «Борьба за Ленинград» и значительно переработал «Заключение». Помимо этого, во все главы книги были введены новые данные, документы, переработанные и расширенные автором описания различных периодов Великой Отечественной войны. Книга увеличилась в объеме, стала двухтомной.

Передо мной лежат небольшие тетрадочки, обернутые в синие обложки.

Окончание. См. «Огонек» №№ 16—18.

Это разрозненные главы книги первого издания. В них аккуратным почерком Жукова почти на каждой странице внесены исправления и добавления, сюда же вложены большие вставки, перепечатанные на машинке.

По снятой с этих тетрадок ксероксной копии мы и вели работу над вторым изданием.

Главное внимание сосредоточили на главе о Ставке.

Теперь у нас уже был квалифицированный консультант, специальный редактор, кандидат исторических наук полковник Е. Н. Цветаев. Ситуация несколько изменилась — сам факт выхода в свет мемуаров Жукова как бы свидетельствовал о его реабилитации, во всяком случае, снял запрет с его имени; и потому опасаться личных неприятностей для того, кто возьмет на себя функции специального редактора, уже не надо было.

Георгий Константинович не знал Цветаева, никогда с ним не встречался, но слышал, что он помогал генералу армии С. М. Штеменко в работе над его книгой «Генеральный штаб в годы войны», о которой Жуков отзывался положительно.

Он понимал, что нам нужна была помощь, так как сам он из-за плохого самочувствия работать интенсивно уже не мог. Однако принять Цветаева отказался — все замечания спецредактора поступали через издательство. 31 октября 1972 года маршал Жуков представил в издательство материал для второго издания, куда вошли три новые главы и многочисленные дополнения общим объемом в триста машинописных страниц.

Началась работа. Ознакомившись с главой о Ставке, 8 февраля 1973 года Е. Н. Цветаев обратился к автору с рядом конкретных предложений по улучшению материала и задал ему четырнадцать конкретных вопросов. 21 февраля мы получили от маршала ответ. Ввиду принципиального значения этого документа привожу его полностью:

«Анна Давыдовна!

Ознакомившись с предложениями, считаю уместным сделать некоторые замечания.

1. Моя книга «Воспоминания и размышления» написана в плане личных воспоминаний и размышлений над ними. Рассчитана она на широкого читателя. В проекте главы **«Ставка ВГК» я также придерживался этой же цели.**

Раскрывать работу Ставки ВГК в большем объеме считаю нецелесообразным. Предложение собрать с других глав материал об отдельных элементах работы Ставки ВГК, безусловно, заманчиво, и оно обогатит главу, но в то же время серьезно обеднит остальные главы. Поэтому делать этого не следует.

2. В пункте втором: предлагается шире раскрыть вопросы работы Ставки в их исторической последовательности. Этого делать в моей книге не следует. Как работала Ставка в начале войны, когда председателем ее был С. К. Тимошенко, вполне достаточно сказано в главе «Начало войны». Критика принятых и непринятых решений также дана в этой главе. Специального решения Ставки на стратегическую оборону не было. Она сложилась в результате неблагоприятной для нас обстановки на всех оперативно-стратегических направлениях. Процесс принятия решений Ставки одинаковым не был. Каждое ее решение вытекало из сложившейся обстановки и наших возможностей.

Я не возражаю, если это будет дано дополнительно с приведением интересных исторических документов.

В третьем пункте предлагается разработать вопрос о **предвидении.**

Я лично по состоянию здоровья разработать более детально, чем это дано в книге, сейчас не могу.

21.II—73 г. Жуков».

Кроме этого, Жуков ответил на все заданные ему вопросы, написав слева на полях свои соображения. Так, на предложение в п. 4 «шире осветить проблему научного предвидения» он отметил:

«Я не пишу научный трактат».

А на, казалось бы, справедливое замечание редактора о том, что было бы рационально раскрыть вопрос о решениях Ставки в их исторической последовательности (это дало бы возможность отобразить военно-политические и стратегические особенности того момента, когда решение принималось, и, как писал спецредактор, «в этом случае можно было бы избежать неизбежной сухости текста»), Жуков, подчеркнув двумя чертами слово **«сухость»,** заметил: **«Народу книга нравится».** Но согласился, что **«хотелось бы дополнить ее интересными документами и формулировками».**

И хотя, по существу, он никаких предложений спецредактора не принял, но они заставили его думать. Буквально через десять дней он прислал новый чрезвычайно важный материал, увеличив объем этой главы в окончательном варианте почти вдвое. В частности, большой интерес представляет обширная вставка о гитлеровском вермахте и ошибках немецкой военной науки. В подробном письме в издательство по поводу предложенных им дополнений Жуков остановился на ряде принципиальных вопросов, освещающих проблему.

Так, перечисляя важнейшие просчеты гитлеровской стратегии, Жуков пишет:

«Если рассматривать гитлеровский план "Барбаросса" с военной точки зрения, надо сказать, что он построен на шаблоне без учета тех трудностей, с которыми пришлось столкнуться немецко-фашистским войскам, вследствие чего с первых дней война пошла иначе, чем рассчитывало германское командование.

В результате в 1941 году, понеся трудновосполнимые потери, немецко-фашистские войска не достигли ни одной стратегической цели, а в 1942 году гитлеровское командование по своим силам не могло уже вести крупные операции на всех стратегически важных направлениях. Пришлось ограничиться наступлением на юге нашей страны, с целью выйти на Волгу и отрезать от страны Кавказ и Закавказье».

Книга «Воспоминания и размышления», включившая в себя множество разнохарактерного материала, естественно, потребовала тщательного редактирования. Но большой работы книга потребовала и от художников-оформителей.

Пришлось просмотреть не менее пяти тысяч фотодокументов. Помимо личного архива маршала Г. К. Жукова, были использованы материалы из Государственного архива кинофотодокументов, Центрального музея Вооруженных Сил СССР, фототеки АПН и ТАСС, народного музея на родине маршала (ныне Музей Маршала Советского Союза Г. К. Жукова), фотографии военных корреспондентов.

К подбору иллюстраций Г. К. Жуков относился так же взыскательно и вдумчиво, как и к работе над текстом. Представленные ему макеты обоих изданий утверждались далеко не сразу — иллюстрации заменялись, перемещались с полосы на полосу, менялся их формат.

Фоторедактор издательства Зоя Матвеевна Микоша приезжала по приглашению Георгия Константиновича к нему в больницу, и он, лежа под прессом в тридцать килограммов, спокойно давал ей указания по подбору иллюстраций для второго издания. Железная воля и выдержка никогда и ни при каких обстоятельствах ему не изменяли.

23 апреля 1974 года маршал Жуков подписал верстку и макет иллюстраций второго издания, в тот день он в последний раз держал в руках свой многолетний труд.

Но вернемся несколько назад.

9

В марте 1971 года открылся XXIV съезд КПСС. Маршал Жуков — делегат от Московской области. Собрался ехать. Сшили новый мундир. Волновался, ведь это первое публичное его появление на партийном съезде после долгих лет забвения. Но случилось непредвиденное. Галине Александровне отказали в гостевом билете. Тогда, не долго думая, она позвонила Л. И. Брежневу.

После взаимных приветствий между ними состоялся такой разговор:

— Неужели маршал собирается на съезд?

— Но он избран делегатом!

— Я знаю об этом. Но ведь такая нагрузка при его состоянии! Четыре часа подряд вставать и садиться. Сам не пошел бы,— пошутил Л. И. Брежнев,— да необходимо. Вот горло болит — вчера ездил к медицине, не знаю, как доклад сделаю. *Я бы не советовал.*

— Но Георгий Константинович так хочет быть на съезде — для него это последний долг перед партией. Наконец, сам факт присутствия на съезде он рассматривает, как свою реабилитацию.

— То, что он избран делегатом,— делая акцент на слово «избран», внушительно сказал Брежнев,— это и есть признание и реабилитация.

— Не успела повесить трубку,— рассказывала Галина Александровна,— как буквально началось паломничество. Примчались лечащие врачи, маршал Баграмян, разные должностные лица — все наперебой стали уговаривать Георгия Константиновича поберечь здоровье. Он не возражал. Он все понял.

В день съезда в 12 часов Галина Александровна вызвала меня на московскую квартиру.

Оказывается, накануне они приехали с дачи в Москву. Все приготовили. Волновался, собирал силы на завтрашний нелегкий день.

После телефонного разговора с Л. И. Брежневым был страшно расстроен, долго не мог прийти в себя.

В доме застала такую картину. На диване в столовой лежал новенький

Г. К. Жуков и Н. С. Хрущев на приеме в посольстве Финляндской Республики. **Фото Алексея ГОСТЕВА.**

мундир со всеми регалиями, сиротливо выглядывали из-под кресла новые легкие полуботинки, лежали какие-то вещи. Маршал в синем домашнем сюртуке с депутатским значком в петлице сидел в кресле и грустно смотрел прямо перед собой в окно, вдаль. Он както сразу осунулся, постарел.

— Вот хотел поехать на съезд. Это ведь в последний раз в жизни. Не пришлось.— Губы его дрогнули — по лицу медленно прокатилась единственная слеза. (Никогда больше я не видела на глазах его слезы. Даже в самый страшный час прощания с любимой женой!)

Долго, как могла, успокаивала. Говорила о том, что его заслуги известны всему миру, что настанет день и история все расставит по своим местам. Вдвоем с Галиной Александровной в два голоса говорили, что это действительно немыслимая нагрузка — выдержать для него такое длительное заседание, что вся масса людей хлынет на него в перерыве и не будет сил выдержать поток эмоций. В общем, еле успокоили. Но трансляцию доклада по телевизору он смотреть не стал — «завтра прочту в газетах».

Спокойно расспрашивал о наших делах. Уже шла вовсю работа над вторым изданием, и мы готовили для него очередную таблицу с замечаниями и предложениями читателей — наших добровольных рецензентов. Высоко оценили они труд маршала, взволнованно, как свое личное дело, рассматривая эту книгу о войне, выражали глубокое признание его великих заслуг перед Родиной.

Об этом я говорила в тот день, и это в конце концов привело его в нормальное состояние духа. Сами того не ведая, читатели его книги оказали громадную поддержку Жукову в тяжелую минуту!

10

И еще один день, звонкий, полный весеннего гомона птиц, дурманящего аромата цветущей сирени вспоминается мне. В Сосновку к Жукову приехали врачи: созвали большой консилиум, который должен был наметить курс дальнейшего лечения маршала. Приглашены самые крупные специалисты — академик АН СССР и АМН Е. И. Чазов, академики АМН СССР А. И. Арутюнов и Е. В. Шмидт, а также два известных профессора — нейрохирург и невропатолог из Франции.

Накануне позвонила Галина Александровна, в голосе волнение:

— Георгий Константинович просит завтра обязательно приехать. Будет большой консилиум. Приглашены французские невропатологи. Послушайте, что они скажут.

— Переводчик будет?

— Да, конечно!

На следующий день в одиннадцать часов за мной заехала мать Галины Александровны Клавдия Евгеньевна. По дороге зашли в гастроном, купили несколько бутылок сухого вина (французы!) и фруктов. Приехали на дачу. Георгий Константинович сидел в столовой в своем кресле у рабочего стола, прямо у входа, где он обычно принимал в последние годы посетителей, вокруг многочисленная группа — человек двадцать. Несколько поодаль, слегка растерянные — французы.

— Займите гостей,— шепчет Галина Александровна.

— Бонжур, месье!

— О, мадам! — облегченный возглас.

Е. И. Чазов представляет врачей Жукову, начиная, по закону гостеприимства, с французов. Неожиданно профессор Гийо, стремительно приблизившись к маршалу, преклонил колено и, почтительно опустив голову, сказал:

— Приветствую освободителя Европы от фашизма!

Перевела. По лицу Георгия Константиновича прошла тень волнения, и он крепче сжал губы.

Все рассаживаются, начинается консилиум.

И тут выясняется, что переводчика нет. Присутствующий здесь сотрудник иностранного отдела Министерства здравоохранения, на которого, очевидно, рассчитывали в этом плане, два года работал во Вьетнаме, но то ли растерялся, то ли действительно не знал разговорной речи, упорно молчал.

— Ну, как-нибудь общими усилиями,— говорит Чазов.

Галина Александровна смотрит на меня умоляюще — я холодею. Одно дело «послушать», а совсем другое — переводить, да еще медицинский консилиум! Четыре часа — с 12 до 16 часов мы в поте лица с академиком Шмидтом (интеллигент, умница) и сотрудником иностранного отдела, спотыкаясь и подыскивая слова, с огромным напряжением вели перевод. Конечно, выручила латынь — международный язык всех медиков мира.

Георгий Константинович был очень взволнован.

Лечащий врач — женщина, тоже волнуясь, бестолково докладывает историю болезни. Галина Александровна сердится.

Врач: — Сон хороший.

Галина Александровна: — Ничего подобного! Сон плохой, часто просыпается, подолгу не может заснуть.

Легкая перепалка. Чазов сердится. Начинается все сначала. Потом осмотр — долгий, тщательный, подробный.

Профессор Гийо предложил Георгию Константиновичу несколько тестов. Он спокойно отвечал, однако не на все тесты смог сразу ответить — это его очень огорчило. Лицо его стало напряженным, он весь покрылся пятнами, его успокаивали, но он вновь и вновь принимался за решение задачи, пока не выполнил то, что от него требовалось. Только тогда успокоился.

После короткого обмена мнениями в другой комнате, без пациента, консилиум принял решение, что операция тройничного нерва, которую предлагали некоторые нейрохирурги, учитывая специфику заболевания, возраст и состояние больного, нецелесообразна.

Был предложен новый курс терапевтического лечения. Георгию Константиновичу решили дать отдохнуть.

Вышли в сад. Деревья все в розово-белом цвету.

— Чеков! Чеков! — воскликнули в один голос французы.

Галина Александровна рассказывала о даче и саде.

Сотрудница министерства настойчиво мне шептала:

— Скажите, что это государственная дача!

— Скажите, что это государственный сад!

Перевела. Пряча улыбки, французы в один голос, хором:

— Мы так и думали.

Жуков произвел на них очень сильное впечатление.

— Он мудрый, остроумный, у него прекрасная память.

— Он великий человек!

Во время кофе профессор Гийо спросил, есть ли в доме фортепьяно, и, получив утвердительный ответ, прошел в гостиную и прекрасно сыграл кантату собственного сочинения. Он посвятил ее разгрому гитлеровской Германии и победе над фашизмом.

11

Последние полтора года жизни Георгия Константиновича Жукова были крайне тяжелыми. Он чувствовал себя плохо. Все хуже и хуже было состояние Галины Александровны. Работа проходила нервно. Георгий Константинович видел, что сроки выхода книги задерживаются, часто раздражался, был вспыльчив, нетерпелив, иногда несправедлив.

Все это, естественно, обрушивалось на нас. Как могла, старалась сглаживать углы, торопила все наши внутренние издательские службы, переживала по-страшному.

Видимо, этим объясняется письмо, которое написала Георгию Константиновичу.

«3 октября 1973 г.

Глубокоуважаемый Георгий Константинович!

В чрезвычайно тяжелой обстановке, которая сейчас сложилась и которую я с Вами разделяю всем сердцем, есть только один выход — работать спокойно... И сейчас говорю Вам со всей ответственностью: никто не чинит препятствия книге, наоборот, все делается для того, чтобы она скорее вышла. Но книги делаются не просто... Рукопись автора всегда нуждается в редакционной и литературной правке, как бы хорошо она ни была написана... А на это необходимо время. Требуется и большая техническая работа...

Книга делается для человечества, для будущих поколений, выходит она миллионным тиражом. Все это слишком серьезно, чтобы спешить за счет качества. Кроме того, ежедневно я работаю с художниками по подбору фотоматериалов.

Я Вас очень прошу это все понять и помочь нам в работе.

Желаю Вам, Георгий Константинович, всего самого доброго! Ради Машеньки Вы должны жить и беречь себя.

Могу ли я к Вам приехать с вопросами, которые все же возникают?

С глубоким уважением! А. Миркина»

Ответ получила немедленно: «Приезжайте!»

Галина Александровна в тот день должна была лечь в больницу. Она очень изменилась — глубоко запали глаза. Такая безысходная, глубокая в них тоска! Пока Георгий Константинович отдыхал после очередной процедуры, я долго сидела у ее постели.

Она посмотрела грустно, сказала:

— Не оставьте Машу! Вот ложусь в больницу — обратно уже не вернусь.

— Что вы, Галина Александровна! Все будет хорошо, вы поправитесь, и мы еще вместе поедем в Кисловодск.

— Нет,— сказала она твердо.— Теперь уже никогда... Как же Георгий без меня? Как Маша?

Это была наша последняя встреча. 13 ноября ее не стало. Она умерла молодой, сорока шести лет.

Похоронили ее на Новодевичьем с воинскими почестями, как подполковника медицинской службы.

Георгий Константинович смог присутствовать только на гражданской панихиде в загородной Кунцевской больнице. Мы стояли у входа. Подъехала «Чайка». Георгий Константинович, поддерживаемый с двух сторон И. Х. Баграмяном и И. И. Федюнинским, с огромным трудом вышел из машины. Смотреть на его лицо было страшно...

Потеря горячо любимой жены явилась для него непереносимым ударом и ускорила развязку — он пережил ее только на полгода.

Но на следующий день после похорон адъютант привез очередной материал от Георгия Константиновича — все эти страшные дни он работал!

Помню, весна в тот год была поздняя. В середине апреля в Подмосковье еще лежал снег. По утрам стояли заморозки, небо низкое и серое. В один из таких неуютных, холодных дней я в последний раз приехала в Сосновку. Дом казался пустым, было нестерпимо грустно. Вышли в сад. Георгий Константинович неторопливо и спокойно давал указания по новым главам книги. Помнится, его особенно беспокоил материал о Ставке. Вдруг пронзительно прокричала какая-то птица, медленно кружа над сосной. Он поднял голову, прислушался, сказал:

— Вот и птицы прилетели!

Распрощались. На повороте аллеи оглянулась. Он сидел на скамейке, держась, как всегда, удивительно прямо, чеканные черты лица, словно высеченные резцом скульптора, плотно сжатые губы, в упрямом повороте головы прежняя несокрушимая сила — Полководец!

Валерий ВЫЖУТОВИЧ

ЕСТЬ СТАРИННОЕ РЕЧЕНИЕ: «ВОИНСКИЕ ПОДВИГИ ШУМЯТ И БЛЕСТЯТ, ГРАЖДАНСКИЕ ТЕМНЫ И ГЛУХИ». МОЖЕТ, ТУТ ПЕРЕНОС ЭПИТЕТА? МОЖЕТ, ТЕМНЫ И ГЛУХИ МЫ САМИ: УПРЯМО НЕ ВИДИМ И НЕ СЛЫШИМ ТОГО ПОДВИГА, КОТОРОМУ «В ЖИЗНИ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО»? ГРАЖДАНСКОГО, ВОИНСКИЕ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ ОЧЕВИДНЫ. ЭПОХА ЗАСТОЯ СОЗДАЛА, ПОМИМО ЭКОНОМИЧЕСКИХ, НЕМАЛО ДЕФИЦИТОВ И СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННОГО СВОЙСТВА. ДЕФИЦИТ СМЕЛОСТИ, ПОЖАЛУЙ, ОДИН ИЗ НАИБОЛЕЕ ОСТРО ОЩУТИМЫХ В ЭТОМ ПЕЧАЛЬНОМ РЯДУ. СУЩЕСТВУЕТ ЗАКОН ПЕРЕПРАВЫ: ПЕРЕБИРАЯСЬ В ЛОДКЕ ЧЕРЕЗ РЕКУ, ПРАВИТЬ СЛЕДУЕТ ВЫШЕ ТОГО МЕСТА, КУДА ТЕБЕ НАДО, ИНАЧЕ СНЕСЕТ. ТАК И В ЖИЗНИ: ЧТОБЫ НЕ СНЕСЛО, ДЕЛАЙ ПОПРАВКУ НА СМЕЛОСТЬ. ДВА ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЯ МЫ ОПАСНО ПРЕНЕБРЕГАЛИ ЭТИМ ПРАВИЛОМ ОБЩЕСТВЕННОЙ «НАВИГАЦИИ». ЗАСТОЙНЫЕ ВОДЫ НЕ СНОСЯТ? СНОСЯТ, ДА, САМИ ВИДИМ, ЕЩЕ КАК!

едоставало смелости — значит, была в избытке... трусость, она всему виной? Но чрезмерная осторожность и даже страх еще не объясняют поступков, поскольку сами нуждаются в объяснении. Выходит, надо исследовать условия жизни, формирующие в людях либо черты героев и подвижников, либо боязнь и привычку к бескрылому исполнительству.

Обратимся к некоторым фактам истории и наших дней.

УРОК ДЕМОКРАТИИ: ГЛАСНОСТЬ ГАРАНТИРУЕТСЯ, ИЛИ СМЕЛОСТЬ ПОЗНАВШИХ СТРАХ

Известна сказка про рожок. Стояли лютые холода, рожок замерз, в него дули, дули, но звука так и не выдули. А потом пришла весна, оттаяло — и рожок заиграл сам собой, и играл, играл, играл все, что за зиму накопилось...

Обретаемая гласность — как этот оттаявший рожок. А накопилось, накопилось...

Как и когда возник в нашем обществе стойкий дефицит смелости? Откуда опасливое топтание на пороге самостоятельных решений? В чем истоки трусливой психологии тех, кого поэт не очень складно, но весьма метко окрестил «какбычегоневышлистами»?

За ответами на «проклятые» эти во-

ЗАКОН ПЕРЕПРАВЫ

ЗАМЕТКИ О СМЕЛОСТИ

просы далеко ходить не надо, достаточно спуститься на несколько десятилетий в историю. А куда же еще, ведь умонастроения, социальное и душевное самочувствие, если и передаются по наследству, то с генами эпохи. У Н. Эйдельмана в книге о Лунине есть любопытное наблюдение: понадобилось два поколения русских людей, которых не парализовало бы одно упоминание о татарине, для того, чтобы третье поколение смогло разгромить Орду. В двух поколениях забывается страх, только в третьем являются и независимость мысли, и душевная отвага.

Общественная немота без малого трех сталинских десятилетий, прорвавшись после 1956-го бурным оттепельным многоголосием, спустя некоторое время снова, как хроническая болезнь, тяжело дала о себе знать. И вот читатель пытается понять и разобраться: что мы за люди? Отчего даже теперь, обретя голос, часто не смеем возвысить его, когда надо? «Людей учит жизнь, учат обстоятельства, учит молва, учит и горе,— пишет В. Ищук, рабочий львовской автобазы.— У каждой судьбы свой набор учителей. Очень многие из тех, кого я знаю, в те недавние годы, переступив боязнь, почти открыто говорили то, о чем разумнее было молчать. Теперь же, когда сама действительность идет навстречу их желаниям, кое-кто вдруг замолчал. А ведь я видел слезы радости в их глазах, когда были опубликованы материалы апрельского Пленума. И хочется крикнуть: «Что ж вы? Вы ведь ждали этого!» И вдруг осознаю, что крикнуть я могу, а вот сделать, совершить поступок иной раз не готов, не научен. Где-то там, глубоко, сидит безотчетный страх. С чем он передался мне, живущему в более благополучное время? С генами? С памятью? Что-то подобное я испытал в детстве, когда мы, раздевшись, стояли на берегу пруда и, подталкивая друг друга, говорили: «Давай ты первый, а мы за тобой». Теперь я начинаю понимать, что мгновенная перестройка невозможна. Нужно какое-то время, чтобы освободиться от боязни поступка».

Кто долгие годы послушно, притом безболезненно, выдавливал из себя независимость взглядов, личное мнение, вольный творческий дух — и преуспел в этом славном занятии, тому «хирургия» перестройки, боюсь, уже не поможет. Но кто сегодня не страшится признаться в своем страхе, тот, сдается мне, сделал первый верный шаг к обретению смелости. Вот ведь какая штука: выдавливая из себя раба, ты тем самым выдавливаешь господина из того чиновника от экономики ли, культуры, кто до сих пор сладострастно упражняется в своем праве запрещать, диктовать и командовать.

Первые прививки против лжи, исторической и современной, кажется, сделали свое дело: мы не то, чтобы прозрели, нет, просто ощутили вкус неведомой нам прежде смелости — знать и говорить о себе правду. Оказалось, это не только больно, но и небезопасно. «В компании с Гитлером и белофиннами» — это о Б. Можаеве, чьи «Мужики и бабы» обжигают горькой истиной о времени коллективизации. «Огульное охаивание», «отступничество от социализма», «скатился в антисоветское болото» — это о В. Дудинцеве с его «Белыми одеждами». «Вы, Иван, не помнящий родства», «злобный очернитель истории» — это о Ю. Буртине, авторе политического эссе по поводу публикации поэмы А. Твардовского «По праву памяти».

Читательских «рецензий» такого рода полны не только редакционные архивы, как прежде бывало, но уже и страницы печатной периодики — на дворе распогодилось, а потому крой, Ванька, бога нет!

Этот «неопролеткульт», искренний и дремучий, достоин высокой печали, не насмешки. Реагируют так, как приучены, ибо эхо иных времен еще стоит в ушах: «мещанин и пошляк», «литературный подонок», «выворачивает наизнанку свою пошлую и низкую душонку» — о М. Зощенко; «литературный сорняк» «собачий нрав», «паршивая овца», «озлобленная шавка», «свинья не сделает того, что он сделал», «он нагадил там, где ел» — о Б. Пастернаке.

Не в том лишь печаль, что многих из нас не образовали ни литература, ни сама жизнь с ее жестокими историческими трагедиями и столь же суровыми современными драмами, к коим каждый причастен судьбой своей или своих близких. Худо и другое. Налепив по команде «ату!» черный ярлык на лоб кому бы то ни было раз, другой, третий, ревнитель устоев входит в азарт сродни охотничьему и скоро сам начинает яростно верить в неправедность затравленного писателя, ученого, режиссера... А ведь еще Маркс предупреждал: идеологические этикетки опасны тем, что обманывают не только покупателя, но и продавца.

Ладно, как бы там ни было, правда выходит на свет куда увереннее и смелее, все реже озираясь на строгих своих «конвоиров», все меньше боясь кому-то не понравиться.

А где гарантии, что и впредь будет не иначе? — слышу голос читателя. Гарантии? А они в тебе самом, в твоей собственной смелости, выдержке, стойкости, особом душеустройстве, позволяющем всегда и всюду исповедовать правду, сколь бы горькой она ни была! Ответь я так — клеймо трескучего демагога или, того хуже, гапоновца мне обеспечено. И поделом: не трезвонь того, во что и сам не веришь. Какая личная отвага?! Какой еще душевный подъем?! Этого, что ли, недоставало Н. Вавилову или Зубру, чтобы одолеть лысенковщину и не позволить срамить нацию ветвистой пшеницей? Этим ли дефицитом страдали затравленный А. Макаренко или посаженный С. Королев? Воздуха и света — вот чего недоставало! Не было благодатной общественной атмосферы, без которой задыхается свежая мысль, чахнет и засыхает на корню смелое дело.

Какие гарантии?.. Да государственные, государственные, какие же еще! Ни отдельные подвижники «внизу» и ни отборные смельчаки «наверху» — никто и ничто, кроме всех механизмов государственной власти, не гарантирует нам правды как повседневной нормы общественной жизни, а не как редких вспышек, подчас смертельных, чьего-либо геройства. Последуем совету Достоевского: «Что правда для человека, как лица, то пусть останется правдой и для всей нации».

Сказав все это, но не раньше, мы неминуемо приблизимся к коварному вопросу: если смелые поступки обеспечиваются всем достоянием государства, то что же это за смелость и какова ей цена? Говорить и делать то, что вчера было непозволительно, а сегодня, напротив, можно и даже необходимо,— это взлет духа? В таком случае нынешняя гласность есть смелость, опоздавшая на несколько десятилетий. А главной отвагой XXI века, до которого, кстати, совсем недалеко, возможно, станут изжитые страхи сегодняшнего дня. Но и тогда наметится новая неодолимая дистанция между эпохой и мыслями или деяниями, обгоняющими ее. Ничего не поделаешь, истинная смелость всегда сокрушает обиходные нормы своего времени или по крайней мере сильно корректирует их. Иначе — приказной героизм: «Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой!»

Разрешенная смелость? Это что-то диковинное, вроде безградусного пива: «Пей! — Не хочу»... Хотя чего ж не пить — и нехмельное, и дозволено. Ныне ведь даже репортер «районки» не отказывает себе в «мужестве» пройтись иронической усмешкой по нагрудному «иконостасу» автора «Целины», «Малой земли», «Возрождения». Спрашивать коллегу, где он был, когда в его районе на каждой ферме и скотном дворе шло «всенародное обсуждение», и что себе думали все остальные, хотя бы те, кто принимал творца трилогии в Союз писателей, и те, кто при этом разрешал свои аплодисменты считать за единодушное одобрение,— спрашивать об этом, конфузить добрых людей, я понимаю, бестактно. Все, все понимаю, ибо и сам был там же. Но сочинять приправленные сарказмом филиппики в адрес почившего вождя, проявлять санкционированное «вольнодумство» велика ли доблесть?

Конъюнктура — это состарившаяся смелость.

УРОК ПОЛИТИКИ: «...НЕ СМЕТЬ КОМАНДОВАТЬ!», ИЛИ СМЕЛОСТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ

Институтом социологических исследований Академии наук СССР был проведен опрос об отношении людей к перестройке и ее результатам. Изучали мнение работников восьми московских научно-производственных объединений, пяти межотраслевых научно-технических комплексов и пятисот предприятий. И что же? Большинство научных сотрудников и специалистов невысоко оценили достигнутое в своих коллективах. На вопрос: «Насколько, по вашему мнению, успешно идет перестройка?» — ученые отозвались следующим образом:

«перестройка идет достаточно успешно» — 16 процентов;

«медленно, с большими трудностями» — 31,4;

«не ощущается» — 32,3;

«затрудняюсь ответить» — 20,3.

Каждые восемь из десяти отметили, что часто приходится сталкиваться с фактами волокиты, формализма. В чем причина того и другого? По мнению опрошенных, в нежелании брать на себя ответственность (57 процентов), в равнодушии и пассивности должностных лиц (47), в безнаказанности бюрократов и волокитчиков (42). К числу серьезных причин, тормозящих перестройку, общественное мнение отнесло также просчеты в расстановке кадров (35 процентов) и недостаточный уровень профессионализма и компетентности руководителей (34).

А теперь спросим себя: эти служебные пороки, очевидные уже не только ученым-исследователям, но и всякому школьнику, они — причина длительного общественного застоя или закономерное следствие его? И велики ли ресурсы смелости, залегающие в исторических пластах нашей хозяйственной жизни?

Когда грянула революция, мало кто из ее теоретиков представлял себе сколько-нибудь отчетливо экономическую модель социализма. Прогнозы, догадки, мечтания... «Военный коммунизм» — вот с чего вынужденно началась советская экономика, и не в теории, а практически. Волевой нажим, революционный диктат, жесткие команды и предписания... Всякий самостоятельный шаг, мысль или дело, рожденные в «буче, боевой, кипучей», а не декретом Совнаркома, расценивались

как анархия и контрреволюция. Со всеми вытекающими отсюда суровыми последствиями. В какой-то момент многие в горячке борьбы, похоже, поверили: да, вот он, грядущий путь социалистической экономики. Кронштадтский мятеж, нищета и разруха не оставили от этой веры камня на камне. Нэп вошел в жизнь как единственно грамотная, созидательная политика. От «административного» социализма к «хозрасчетному» — через товарно-денежные отношения, самоокупаемость и самофинансирование, вовлекая в работу прибыль, налоги и кредиты, полновесный золотой рубль... То есть к такому хозяйственному механизму, который бы поощрял смелость, а не подавлял. Будил бы социальную фантазию, а не усыплял. Открывал бы простор поиску, инициативе, предприимчивости, а не опускал перед ними шлагбаум.

Нравственные обретения великой той поры, мне кажется, еще не оценены по достоинству, куда охотнее и чаще живописался «угар» нэпа с его спекуляцией, проституцией, купеческим пьяным разгулом... Вся эта накипь к концу 20-х предстала в руководящих речах и докладах как знак грозящей реставрации старого мира (пугать капитализмом — любимое занятие бдительных начетчиков и по сей день). Страна вновь круто повернула к административной экономике. Что сие значит, хорошо поняли и могут растолковать, если живы, те, кто собственной судьбой оплатил «головокружение от успехов». Кто высланный с донских ли, кубанских хуторов, в каком-нибудь забытом богом и людьми колымском поселении не классовым сознанием, а выбитыми цингой зубами раскусил преимущества сплошной коллективизации.

Страх выжигал в умах не то что смелость — всякий намек на нее. Спрос на доносчиков не испытывал затруднений с предложением. Я не только о тех, кто «стучал» на коммунальных соседей и вскорости «законно» занимал высвобождавшуюся жилплощадь. Я и о тех, кто проворным «стуком» освобождал для себя высокие кабинеты, откуда грозил, метал молнии, смещал или разоблачал любого неугодного. Дерзать, рисковать, проявлять незапланированную инициативу в таких условиях мог только умалишенный.

Командная экономика, успешно похоронив ленинский завет «...не сметь командовать!», требовала «винтиков» и отвергала личность. Вообще все личное — мнение, интересы, потребности — не только не поощрялось, но и всячески изгонялось из общественного обихода. Талант и умение ценились в том лишь случае, если знали узду и не взбрыкивали. Система нуждалась в работниках, олицетворяющих только должность и функцию, функцию и должность. И она получала их.

УРОК ЭКОНОМИКИ: ЭКСПЕРИМЕНТ НА СЕБЕ, ИЛИ СМЕЛОСТЬ ОДЕРЖИМЫХ

Заметная попытка вернуться к хозрасчетному социализму, предпринятая в середине 60-х, как известно, отмечена драмами разочарования, крушением надежд. Дело Ивана Снимщикова, дело Ивана Худенко — вот лишь два самых, наверное, нашумевших в то время. Говорю «дело», имея в виду общественно полезное, подвижническое деяние каждого из Иванов, а не тома уголовного расследования... Обе истории обильно растиражированы молвой, прессой, даже театральными постановками, поэтому буду краток.

Иван Андреевич Снимщиков, председатель подмосковного балашихинского колхоза имени Кирова, принял худое, запущенное хозяйство. И поставил на ноги, вывел в передовые. Как? Стал развивать — золотая жила! — подсобные промыслы и ремесла. Однако доходы колхоза и заработки колхозников вскоре превысили суммы, способные умещаться в сознании целомудренных блюстителей «справедливости». «Э-э, тут дело нечисто...» Вот с этим саднящим казенным беспокойством, ничем иным, кроме всегдашней подозрительности к «длинному рублю», не подкрепленным, и стали «копать». Снимщикову «накопали» на три, главному бухгалтеру Осиповой — на один год тюремного заключения. С председателя в пользу колхоза удержано девять с половиной тысяч рублей, с главного бухгалтера — три с половиной. Одно утешительно: отбывать срок им не пришлось — подпали под амнистию.

Второй случай. Иван Никифорович Худенко, экономист-бухгалтер степного совхоза в Казахстане, тоже затеял нечто до дерзости смелое по меркам той поры. Эксперимент в Акчи открывал безнарядно-звеньевую систему организации и оплаты труда. Выручкой от продажи продукции государству возмещали затраты на горючее, удобрения, запчасти. Что оставалось, шло в доход хозяйства. На свои заработанные совхоз покупал технику, строил что хотел. Совет звеньевых — высший орган совхозного управления — имел власть и над дирекцией. Вообще королей инструктажа, учета, нормирования и т. п. — их набиралось там до полутора сот — безнарядно-звеньевая система, как тот андерсеновский мальчик, невольно представила в их классическом виде. И хотя аппаратный люд, воспитанный в гордом сознании чрезвычайной своей необходимости, разоблачился пока лишь на самой низкой ступеньке управления, в республиканских верхах недовольно поморщились: этак скоро и нас... Поэтому ответственные товарищи эксперимент задушили. Как и Снимщикова, Худенко «подвели» заработки — оказались вчетверо выше, чем в соседних хозяйствах. Что производительность труда при этом шестикратно превосходила середняцкую, в уголовном деле не фигурировало...

Иван Никифорович умер в тюрьме. Ни он сам, ни его отбывшие срок единомышленники до сих пор не реабилитированы. (Снимщикову и тут больше повезло: через двадцать с лишним лет снята наконец судимость.)

Из этих тяжких экспериментов «на выживание» можно черпать выводы, как из бездонного колодца. И об опасном столкновении здравых форм хозяйствования с действующим законодательством. И о богатых запасах сильнодействующего бюрократического снадобья от всякой горячей головы. И о преградах, воздвигаемых Административной Системой на пути хозрасчета и самоуправления. Но не менее важен, думаю, и такой вывод: смелому необходимо доверие, как идущему над пропастью по канату — шест. Очень, знаете ли, помогает сохранять равновесие, не гнуть спины, держать голову высоко, смотреть только вперед, пугливо не озираясь...

А витийствовать о воспитании смелости в командирах и рядовых индустрии и агропрома далее просто неприлично. По количеству воззваний — к поиску, ломке отжившего! — на душу населения мы давно на первом месте в мире. Но половинчатость мер, намеченных предыдущими реформами и даже в столь лукавом варианте не осуществленных,— это что, от избытка бесстрашия? «Мы и раньше призывали к самостоятельности, активности, смелости,— публично признался академик А. Аганбегян.— Призывали, ничего не предпринимая против мощного сопротивления некоей бюрократической силы. О какой смелости в решении важных вопросов может идти речь, если у нас одновременно действует до двухсот тысяч инструкций, положений, методик и все такое прочее?! Причем неясно, какие из них устарели, какие действуют. Запутались те, кто учреждает инструкции, запутались хозяйственники. Речь идет о море бумажек. Тут любой пловец утонет. А какое это раздолье для многочисленных проверяющих и контролирующих организаций, которые сегодня под видом перестройки проявляют недюжинную активность! И, конечно, в условиях неопределенности, неясности положений и инструкций всегда можно найти криминал».

Можно. Кто ищет, тот найдет.

И еще. Не знаю, надо ли говорить, что не всякая смелость полезна. Скажем, была такая — смелее некуда — установка: «догнать и перегнать» Америку. Ну, «догнали и перегнали» по производству станков и сельхозмашин (о зерне, мясе, молоке пока скромно помолчим). Теперь наш станочный парк числом превосходит американский в два или три раза. Тракторов производим в шесть с половиной раз больше, чем США. Их у нас на полях уже три миллиона (Ленин мечтал о ста тысячах), но из каждой сотни в Эстонии — 21, в Армении — 17, в Латвии — 13 хронически безработны: некому сесть в кабину. То же и со станками. «Самоедская» экономика вроде искусства для искусства: производство средств производства для... производства средств производства во все возрастающих «от достигнутого» масштабах. Душа населения испытывает космические перегрузки от причитающихся на нее тонн цемента, чугуна, стали, а моя мать днями звонит из Павлодара: достала зубную пасту, готова выслать взятые и на мою долю несколько тюбиков...

Примеров надрывного, самоотверженного, но совершенно бессмысленного «героизма» — тьма-тьмущая. Тот же БАМ. Как теперь оцениваются экономистами его насквозь «героические», но, кажется, пока не очень полезные километры? Да мало ли еще случаев, когда смелостью драпируются элементарная нерасчетливость, тяга к авантюрам, ведомственные амбиции, жажда скорых и незаслуженных наград, стремление во всем переплюнуть («догнать и перегнать») заграницу!..

Чтобы остановить или хотя бы попридержать «смельчаков», бегущих впереди прогресса, тоже — рискуешь ведь угодить в ретрограды — требуется смелость.

ПОСЛЕДНИЙ АРГУМЕНТ

Это письмо пришло из Томска:

«Часто приходится читать и слышать: «смелый директор», «смело взял ответственность на себя» и т. п. Хвалят хозяйственника за то, что он ведет себя не как хозяйственник, а как герой. А я не буду хвалить директора за смелость. Не потому, что я бесчувственный или не понимаю, в каких обстоятельствах ему приходится действовать. Это понимаю. Но я не возьму в толк: почему все умное, здравое, прогрессивное нужно отстаивать с кровью у горла, рисковать здоровьем, должностью, репутацией?

Да, иногда не все способны оценить, какую выгоду сулит та или иная передовая идея. И тогда требуется смелость, чтобы отстоять, защитить, внедрить. Но почему это происходит сплошь и рядом?! Почему мы так упорно, изо дня в день, из года в год поступаем вопреки общественной выгоде?

Смелый директор — это абсурд. Хозяйственный, расчетливый, дальновидный — да. Бережливый, оборотистый, предприимчивый — да. Но, когда, кроме всего прочего, требуется еще и смелость, это грустно. Значит, мы наставили себе рогаток, заслонов, барьеров сверх всякой меры. И бесстрашные люди, рискуя всем и вся, спасают положение, но — на час, на день, на месяц. Образно говоря, вместо того чтобы заменить безнадежно разлаженный двигатель, выбегают из машины и толкают машину плечом. Ладно, на сей раз кое-как одолели очередной ухаб, а завтра? А если придется ехать в гору? По бездорожью?

Давайте называть вещи своими именами: такая смелость вредна. И подобные герои лишь затушевывают реальные проблемы, вместо того чтобы ликвидировать условия, при которых эти проблемы возникают.

Таким образом, смелые, хотя формально и противостоят застою, объективно его продлевают».

Если честно и всерьез (а иначе нельзя), во многом он прав, мой рассудительный заочный собеседник. Объяснять успех дела исключительно лишь наличием у работника смелости (самоотверженности, энтузиазма, доброй воли) сегодня уже нельзя, несерьезно. Нравственность, как и безнравственность, в производственных отношениях питается прежде всего фактами экономической действительности. Истекает пора, когда общественный гнев имел преимущественно персональный адрес и направлялся лишь против «плохих дядей» в лице нерадивого директора, отсталого председателя колхоза или трусливого начальника стройки. Время заставило прозреть: «Видимо, мало выгнать из огорода козла, чтобы сохранить урожай капусты. Видимо, дело не только в людях и в их сознании, но и в обстановке, в которой живут, действуют и работают эти люди. Надо быть слепым, чтобы не видеть удивительное единообразие в поступках самых различных людей, действующих в сходной обстановке».

Это строки из книги авиаконструктора О. К. Антонова. А сказано — еще когда, в 60-х! — для тех, кто успехи выводит лишь из смелости, трудолюбия, старательности, а ошибки и неудачи приписывает только «недостатку сознательности», «непониманию задач», «отсталости» и прочим субъективным причинам.

Да, человек — творец, и комбайн, как бы ни был хорош, а сам не поедет. Но когда, получив с конвейера новую «Ниву», комбайнер кувалдой и смекалкой доводит ее до маломальской кондиции, нам следует не хвалу воздавать изобретательности механизатора, а разбираться, кто и почему оставляет после себя безбрежный простор для подобного «творчества».

Все так, все верно, но как же быть со смелостью? Изъять из общественного обращения? Упразднить за ненадобностью? Думаю, это преждевременно. И не только потому, что наша экономика, как и вся жизнь, полна проблем и противоречий, разрешить которые способны пока лишь смелые люди. И не только потому, что, когда засыпает мысль, буксует работа, кто-то должен будить, подставлять плечо. Нет, смелость обладает и самостоятельной нравственной ценностью так же, как совесть, доброта, бескорыстие. Закон переправы действует. Лучшие из тех, о ком писал, убедили меня в этом. Они исповедуют смелость как норму духа и несут в себе ее силу, энергию, азарт. Не каждый пойдет их путем, но открыт он каждому.

...А письмо рассудительного читателя из Томска (он инженер в одной строительной конторе) заканчивалось так: «Если надумаете печатать мои заметки, на всякий случай не называйте фамилию и точное место работы. Если можно, подпишите инициалами М. А.».

Просьба уважена. Я благодарен за нее здравомыслящему М. А. Отрицая общественную потребность в смелых поступках, он, сам того не подозревая, дал в их пользу еще один аргумент. Последний. Хотя, конечно же, не самый главный.

ПОЛУМИРИЕ

ВОТ УЖЕ БОЛЕЕ ДВЕНАДЦАТИ ЛЕТ, КАК МИР И ВОЙНА НЕПОСТИЖИМЫМ ОБРАЗОМ ПЕРЕПЛЕЛИСЬ В СУДЬБЕ ЛИВАНЦЕВ. ТЫЛ И ФРОНТ ПРИЧУДЛИВЫМ ОБРАЗОМ ПЕРЕМЕШАЛИСЬ ПО СЕКТОРАМ И КВАРТАЛАМ ЛИВАНСКОЙ СТОЛИЦЫ, ДА И ВСЕЙ СТРАНЫ. МИРА НЕТ, НО И ВОЙНА НЕ ПЕРМАНЕНТНА. МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО СКОРЕЕ ЭТО МИР, ТОЧНЕЕ, ПОЛУМИРИЕ, ИЗЛОМАННОЕ ВООРУЖЕННЫМИ КОНФЛИКТАМИ, ЧЕМ ВОЙНА, ПРЕРЫВАЕМАЯ БЕСЧИСЛЕННЫМИ ПРЕКРАЩЕНИЯМИ ОГНЯ.

Сергей СТОКЛИЦКИЙ

Но в любом случае постоянным остается напряженное ожидание новых вспышек конфликта, рожденного как внешней, прежде всего израильской реакцией, так и глубокими внутренними противоречиями. На протяжении многих лет, изо дня в день, никто не знает, когда обстановка взорвется в очередной раз. Во многих семьях, особенно там, где есть дети, наготове стоит сумка с провизией, фонариком, запасом белья. При сигналах тревоги семья хватает этот «НЗ» и спускается в подвал, благо подвалы многоэтажных бейрутских домов, возведенных на малых площадях, глубоки.

С наступлением сумерек в городе, как по команде, одна за другой перед витринами магазинов и лавочек торопливо падают глухие железные шторы. Город погружается в темноту, изредка рассекаемую фарами проносящихся автомобилей. Запоздалые пешеходы ощупывают фонариками дорогу домой. Линии электропередач в ходе боев часто выходили из строя. Несколько лет городские районы поочередно сидели на жестком электропайке. Бывало, что только два, от силы три дня в неделю по вечерам подавался свет.

Правда, ливанцы и к этому приспособились. По мере того как затихала обычная дневная бейрутская какофония, становился различимым уже привычный для уха шум, подобный гудению гигантского потревоженного улья. Это работали электрогенераторы. В магазинах, что посостоятельнее, их не выключали и днем. Словно сторожевые псы, прикованные цепью, разлеглись они на четырех колесах возле дверей, рычали, но дело свое делали: освещали внутренние помещения.

Движки доступны лишь зажиточным ливанцам. Некоторые взяли на «электровооружение» обыкновенные автомобильные аккумуляторы: подпитывали их в те часы, когда в дома подавали ток, а вечером освещали свое жилье с помощью миниатюрных лампочек. Ну а многие довольствуются небольшими газовыми лампами, а то и просто свечками в ожидании лучших времен.

Все эти годы обстоятельства оказывались часто сильнее людей, их радостей и горестей. Перебираю короткие строки газетных объявлений, поразивших меня:

«Военная администрация Бейрута доводит до сведения населения, что в связи с обострением обстановки рождественские фейерверки и массовые гулянья упраздняются».

«Вдова усопшего доктора Хабиба Хаджара, мадам Сари Хаджар, уведомляет родных и близких, что из-за напряженной обстановки соболезнования по покойному будут приниматься позднее, о чем сообщат дополнительно».

«Ввиду закрытия из-за артиллерийского обстрела международного аэропорта в Бейруте (и соответственно национальной метеослужбы при аэропорте.— С. С.) получить прогноз погоды на завтра не представляется возможным».

Да, обстоятельства часто оказывались сильнее людей. Но бизнес, особенно в торговле и сфере услуг, был нередко сильнее обстоятельств. Теряя из-за вооруженных стычек прибыли, предприниматели готовы эксплуатировать любые человеческие эмоции, даже чувство страха.

Под грохот орудий и стрекотанье пулеметов мужской радиоголос с притворным беспокойством спрашивал: «Что, начался обстрел?» А его собеседник отвечал: «Нет, не обстрел. Наступила сезонная распродажа товаров». Вслед за тревожной радиосводкой событий сообщалось о 20-процентной скидке на бюстгальтеры в модном магазине «Моя леди».

Национальное общество по страхованию автомобилей извещало, что, идя навстречу клиентам, оно предлагает новый вид страхования — от «военного риска». За повышенную плату страхуются автомобили и человеческая жизнь. За деньги можно было обеспечить себе загробную компенсацию, но купить безопасность и жизнь на этом свете оказывается не по силам даже тем, у кого есть деньги и власть. О чем мечтать простым смертным, если в обеденный час в столовую тщательно охраняемого президентского дворца в Баабде влетел артиллерийский снаряд, а взрывное устройство, сработавшее на борту военного правительственного вертолета, унесло жизнь выдающегося ливанского государственного деятеля, премьер-министра страны Р. Караме.

За годы кризиса пули и осколки снарядов не один раз превращали витрины крупных магазинов в груду битого стекла. Стекольщики и гробовщики были в числе тех немногих, кто процветал. Между тем для коммерсантов, особенно мелких, вопрос — торговать или нет — стоял так же остро, как для Гамлета «быть или не быть».

Один господь знает, сколько стройматериалов ушло на защиту торговых точек. Обычная картина: мешки с песком, аккуратно уложенные друг на друга. Не видно ни витрины, ни даже входа в магазин, а снаружи, на длинном шнурке, прямоугольная дощечка. На ней надпись: «Открыто ежедневно, кроме воскресенья». Те, кто побогаче, сооружали баррикады посостоятельнее, кирпичной кладки. Появились и фирмы, занятые возведением подобных сооружений. Они предлагали несколько вариантов этих архитектурных сооружений «времен гражданской войны». Только плати.

Стоит лишь переступить порог дома и оказаться на улице, чтобы ощутить ту тяжкую печать, которую наложили на Бейрут и бейрутцев события минувших лет. Здания, как и люди, наверное, будут долго хранить память о военных годах. В ливанской столице с трудом можно найти строение, не отмеченное войной. Рябые от пуль и осколков, с проломанными крышами и нелепо торчащими, погнутыми балками, с провисшими козырьками балконов, с исковерканными оконными переплетами, несут на себе дома следы ливанской трагедии.

О минувших событиях говорят в Бейруте и надписи на стенах зданий и на заборах. Старые и новые, бетонные и деревянные, кирпичные и алюминиевые, свежеокрашенные и совсем облезшие, эти стены и заборы превратились в своеобразные листовки своего времени. Надписи на них — предельно краткое выражение политических страстей. Размашисто выведены яркой краской на стенах домов названия партий, группировок, контролирующих данный квартал, улицу, переулок. По ним, имея некоторый опыт, можно восстановить политическую географию Бейрута, знание которой бывает весьма полезно, когда неожиданно в городе вспыхивают уличные бои между соперничающими группами. Иногда рядом с замаранным названием или прямо по нему выведено другое — значит, улицей, кварталом овладела другая группировка. Так закрывают одну страницу истории и открывают другую.

По соседству с надписями — плакаты с портретами и именами «шухада» — героев-мучеников, погибших в борьбе с израильскими агрессорами. С них смотрят молодые юноши и девушки. Там же приводятся их краткие, в два-три абзаца, биографии. Наряду с портретами местных лидеров на бейрутских улицах часто встречаются изображения видных иностранных политических и государственных деятелей, например:

Хафеза Асада, аятоллы Хомейни, Ясира Арафата. Подтверждая тем самым, что Ливан был и остается региональным перекрестком не только товаров, но и политических влияний и идей. Ближе к «Зеленой линии» чертополох листовок, плакатов, афиш нарастает, чтобы неожиданно оборваться в простреливаемой зоне города.

Морской порт находится в самом центре ливанской столицы. Именно отсюда стал развиваться и черпать животворные силы город. Сразу же за длинными пакгаузами человек еще относительно недавно попадал в оживленные торговые кварталы, или, как их называют ливанцы, «торговый рынок». По улочкам и закоулкам «торгового рынка» были рассыпаны десятки, если не сотни кафе, ресторанов, кинотеатров, гостиниц, увеселительных заведений весьма сомнительного толка — словом, там было все, что полагалось иметь портовой столице Восточного Средиземноморья. Там торговали всем и вся. Даже изображение центра торгового квартала — «Площади Мучеников» с вековыми пальмами и фешенебельными зданиями, с яркими вывесками и броскими рекламами — приносило немалый доход *. Тысячи фотографий этой площади расходились по рукам туристов. Так было до начала событий.

А потом... Из морского порта взяла свое начало «Зеленая линия» — линия фронта. Дома, стоящие на противоположных сторонах узких улочек, по которым машины могут двигаться лишь в один ряд и в одном направлении, оказались по разные стороны баррикад. Враждующие стороны бились стенка на стенку в прямом смысле этого слова.

Торговый центр обезлюдел после гражданской войны. В результате изуверских бомбардировок 1982 года в руины превратились кварталы, где бок о бок жили ливанцы и палестинцы. В конце же 1983 — начале 1984 года американцы подвергли массированному обстрелу многонаселенные южные пригороды Бейрута, где жили преимущественно шииты. Жизнь покинула разрушенные районы ливанской столицы и перебралась в уцелевшие кварталы. Волна беженцев откатила подальше от опасной зоны. Живой Бейрут словно сжался в комок. К сотням тысяч людей, изгнанных оккупантами с Юга страны до 1982 года, прибавились десятки тысяч тех, кто покинул южные пригороды Бейрута и горные районы Ливана, спасаясь от варварских бомбардировок Израиля и американцев. Сейчас трудно сказать, сколько людей в Ливане лишилось крова. Некоторые семьи вынуждены были по нескольку раз искать новое пристанище у родственников, знакомых, в пустых заброшенных домах — где угодно. Словом, ливанцы стали беженцами на собственной родине.

Под жилье в Бейруте пошло решительно все: недостроенные дома, многие общественные учреждения. На скорую руку латались «легкораненые» здания. Пленка защищала окна от ветра, фанерные стенки разделяли комнаты. За одной перегородкой — семья, за другой — еще семья. Бывало, что кому-то доставалось место лишь на балконе. Тогда обживали балкон.

Во время очередного перемирия часто создавалось впечатление, что в городе царит какая-то повышенная деловая активность. Вымершие во время боев улицы оживали. Люди спешили наверстать упущенное, запастись продуктами, товарами.

Особенно сильное оживление царило в такие дни в районе главного проезда «Музей-Бербир», пересекающего фронтовую «Зеленую линию». Некогда это была широкая магистраль. В ходе столкновений ее стиснули до предела земляными валами и превратили в узкий проезд. Сквозь образованную горловину от одного КП до другого пульсировал автопоток, цепочкой растянулись по обочине пешеходы.

Этот проезд бейрутцы окрестили «легкими города». И не без основания. По нему из Восточного сектора в Западный поступают топливо, бензин, многие промышленные и ряд продовольственных товаров. Правохристианские силы нередко использовали зависимость Западного Бейрута от поставок из Восточного сектора столицы и блокировали этот проезд. Кроме того, дорога «Музей-Бербир» была первой (и нередко единственной) через «Зеленую линию», которая открывалась в дни перемирия, и последней, которая закрывалась при ухудшении обстановки в городе.

Как только наступало очередное прекращение огня и возобновлялась связь между секторами, «Музей-Бербир» превращался в гигантский автомобильный улей. Водители, угрожая друг другу клаксонами, с боем добывали место под «контрольно-пропускным солнцем». Обычно, чтобы попасть на КПП, выстраивалась длинная очередь, и проходило немало времени, прежде чем удавалось миновать последнего проверяющего.

В дни затишья возле проезда устраивались деловые встречи. Владелец писчебумажного магазина в Западном секторе мусульманин Мухаммед поджидал «на своей стороне» в условленном месте христианина Антуана. Тот должен был доставить ему партию товара. Сам Мухаммед не рисковал появляться в христианских районах — ведь никто не мог поручиться, что он благополучно вернется домой и не будет, как сотни его сограждан, похищен или задержан при пересечении «Зеленой линии». Собственно, та же угроза существует и для христиан, попадавших в западную, мусульманскую часть города. «Око за око — зуб за зуб», увы, стало неизменным правилом междоусобных религиозных конфликтов, питаемых и «внутренней» почвой, и произраильской агентурой.

В условиях раскола Бейрута на два враждебных лагеря появились посредники. Они занимались тем, что улаживали дела, заключали сделки, перевозили товары между жителями двух зон. Не знаю уж, какими правдами или неправдами они находят общий язык с обеими сторонами, но факт остается фактом: эти лица периодически появляются то в одной, то в другой зоне, вечно озабоченные делами и спешащие.

Многие бейрутцы, оказавшиеся по разную сторону баррикад, так ни разу и не пересекли за эти двенадцать лет «Зеленую линию», не навестили своих родственников, друзей, знакомых. Для них противоположный сектор Бейрута остается заповедной, неведомой территорией. А из «другого Бейрута» бабушки и дедушки справляются о здоровье рожденных за годы кризиса внучек и внуков, так и не увидев их ни разу. Сколько людей признавалось мне, что им легче и безопасней выехать за тридевять земель, куда-нибудь в Венесуэлу, чем пересечь роковую «Зеленую линию».

В мире вряд ли найдется другая такая страна и другая такая столица, где взрывы стали столь чудовищной и трагической повседневностью.

— Только с 1975-го и по конец 1983 года их произошло около 17 тысяч. Они оборвали жизнь около четырех тысяч человек. Если сложить все взрывы вместе, то их суммарный эквивалент достигнет мощности атомной бомбы, сброшенной в августе 1945 года на Хиросиму,— констатировал видный ливанский эксперт Юсеф Битар.

Люди понимают, что роковой случайности исключать нельзя. Повинуясь инстинкту самосохранения, они делают все, чтобы избежать опасности или по крайней мере свести риск к минимуму. Вольно или невольно жители усвоили важное правило: остерегаться взрывов особенно тогда, когда на время стихают открытые междоусобные вооруженные стычки. Автомобили начиняют взрывчаткой, как правило, именно те, кто хочет дестабилизировать обстановку.

Другая заповедь — смотреть в оба за тем, кто ставит автомашину возле твоего жилья. Застав незнакомца выходящим из машины, местные жители настойчиво и с нескрываемой подозрительностью требуют убрать авто от греха. Чем дальше — тем лучше. Если же на незнакомую машину, оставленную возле подъезда дома без ведома проживающих, падает тень подозрения, ее без зазрения совести вскрывают, оттаскивают в сторону и взрывают.

Саперы жаловались на психоз, охвативший население столицы, на резко увеличившееся количество ложных вызовов. Тем не менее всякий раз они спешили к месту происшествия. Иногда опаздывали. И тогда взрывное устройство разносило в клочья отважного сапера.

Зная все это, я, когда оставлял машину в незнакомом месте, не дожидался, пока она попадет под подозрение. Если улица или вход в здание были безлюдны, сам искал коренных жителей, показывал свои документы, а случалось, и открывал багажник, чтобы собеседники могли удостовериться, что тот пуст. Затем сообщал адрес, по которому направляюсь, и сколько времени там пробуду. Для пущей убедительности нередко приходилось предлагать сторожу или консьержу близлежащего дома или учреждения ключи от машины. Если мне разрешали оставить машину, я со спокойной совестью уходил, если нет — искал другое место стоянки.

Своеобразные «динамитные» формы приняла в Бейруте и антиалкогольная кампания. В городе нашлось немало рьяных поборников ислама, которые, руководствуясь положениями шариата, начали кампанию за полный запрет спиртного. И это были не просто лозунги. На воздух взлетели многие увеселительные заведения, бары, рестораны, кафе, где подавали «горячительные напитки». Те же исламские элементы весьма решительно выразили свой протест против валютных спекулянтов. Они взорвали средь бела дня несколько крупных банков, бывших у них на подозрении, и пригрозили расправиться подобным же образом с остальными.

Организаторов этих террористических актов пытались задерживать. В пунктах проверки, устраиваемых как армией, так и разного рода боевиками, принадлежащими к различным милициям, особенно на подступах к городу и при пересечении «Зеленой линии» автомашины останавливали, заставляли водителей поднимать капот и открывать багажник, обшаривали салон, проверяли удостоверения личности. Но взрывы и столкновения не прекращаются и по сей день.

К тому же после стольких лет вооруженных столкновений вся страна была буквально нафаршированна огнестрельным оружием и взрывчатыми веществами. Молодежь, принадлежащая к тем или иным соперничающим группам, носила его до недавнего времени открыто. Автомат с двумя-тремя запасными рожками всегда имелся под рукой и у хозяев небольших лавок. Коммерсанты побогаче просто нанимали охранников, часто из числа боевиков, гласно или негласно контролировавших данный квартал, обеспечивали себе таким образом двойную протекцию. Обилие оружия приучило ливанцев сохранять спокойствие при виде человека с пистолетом или переброшенным через плечо автоматом.

После того как в Ливане разгорелись вооруженные столкновения, закрылся международный морской порт и были перерезаны наземные транспортные магистрали, Бейрутский аэропорт стал играть в жизни ливанцев, всех без исключения, особую роль. Аэропорт расположен так, что к нему в принципе можно подъехать как из Восточного, так и из Западного секторов столицы. Время от времени наступало благодатное для бейрутцев время, когда с молчаливой договоренности враждующих сторон зона аэропорта считалась нейтральной.

Однако с лета 1985 года ливанцы перестали чувствовать себя спокойно даже в воздухе.

Летом 1985 года Бейрут установил пока непревзойденный мрачный «мировой рекорд» по авиационному терроризму. В течение одной недели там были похищены три крупных авиалайнера.

Террор рождал террор. Одних толкнула на подобные акции атмосфера вседозволенности. Других — нужда. Третьих, особенно молодежь,— неграмотность, политическая незрелость, религиозный фанатизм, разжигаемый часто извне. Многие молодые люди не имеют ни работы, ни профессии, ни крыши над головой. В обществе, раздираемом социальными и межобщинными распрями, которые подогреваются израильской агентурой, до них нет никому дела. Все, чему они научились за эти тревожные годы,— это умение владеть оружием. И они часто пускали его в ход.

Окруженные глухой стеной насилия и террора, ливанцы не знают, где их поджидает очередная опасность. К тому же участились похищения людей. Пропадали и христиане, и мусульмане, и взрослые, и дети. Многие выходили из дома и исчезали бесследно.

Доведенные до отчаяния родители и родственники пропавших без вести и похищенных развернули широкую кампанию за их возвращение. Сотни тысяч человек, в основном женщин, подростков и детей из обоих секторов ливанской столицы, приняли участие в акциях протеста. На центральных перекрестках были образованы завалы из мусора и старых покрышек, которые затем поджигались. В результате автомобильное движение на несколько часов, а то и дней прекращалось. Организаторы подобных акций в обоих секторах обращались к властям, руководителям соперничающих группировок. Они призывали помочь в розыске пропавших родных. Но какого-либо ощутимого результата это пока не дало.

Полумирие наложило глубокую печать на психологическое состояние ливанцев. Вспоминая теперь десятки, сотни бесед с людьми разных возрастов, профессий, вероисповеданий, почти физически ощущаешь груз накопленной ими усталости. И вместе с ней нарастающее чувство безысходности, неверия в возможность установления мира в стране.

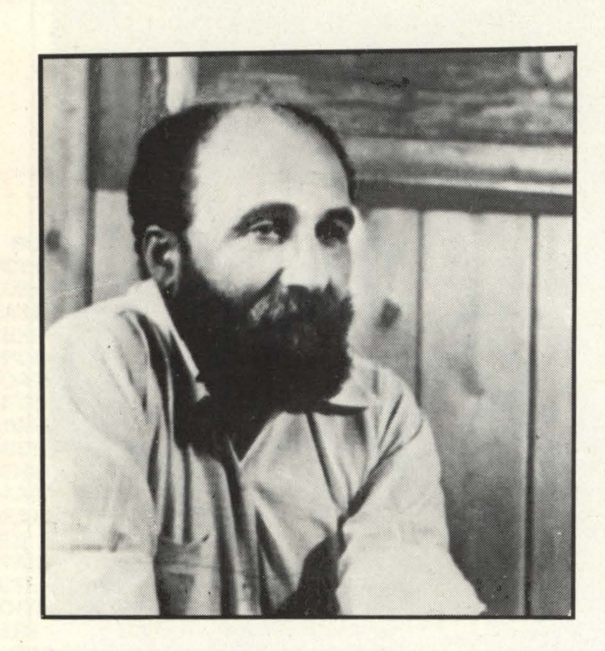
— Похоже, ливанцы, ведущие различный образ жизни, разных возрастов, различной социальной принадлежности, из различных религиозных общин испытывают хроническое состояние траура. Они сожалеют о кончине родственника или товарища. Сейчас вряд ли найдется ливанец, который не потерял бы кого-нибудь из близких или тех, кого он хорошо знал. Вероятно, многих заботит потеря имущества, утраченных возможностей, ушедших понапрасну лет. Но больше всего настораживает то, что начинает исчезать, если уже не исчез, уклад привычной мирной жизни, который крайне трудно восстановить,— к такому выводу пришел известный ливанский социолог, профессор Американского университета в Бейруте Самир Халаф после проведенного им комплексного исследования влияния ливанских событий на социальную психологию. Он продолжает:

— Крайне трудно вывести людей из состояния депрессии, в которую они погружаются день ото дня все глубже и глубже. Мы часто забываем об этом лишь потому, что ежедневно перед нами стоят заботы о выживании. Но стоит нам вернуться к мирной, нормальной жизни, как все запрятанные в глубину души стрессы вылезут на поверхность.

Бейрут

* Площадь названа в честь ливанских патриотов, расстрелянных турками 16 мая 1915 г.

ПО РЕКЕ ВРЕМЕНИ



Эдуард Браговский принадлежит к художникам, чье понимание живописи воспитано традициями древнерусской культуры, творчества Сурикова, Коровина, Борисова-Мусатова, Павла Кузнецова и других мастеров начала XX века. Непросто складывались годы ученичества. Он родился в Тбилиси в семье военного, которая в 1926 году переезжает в Москву. Здесь и произошло первое знакомство мальчика с живописью — мать школьного приятеля сводила его в Третьяковку и Музей современного западного искусства. Это определило выбор жизненного пути. «Я до сих пор помню, где и как висели тогда полотна Сезанна и Ван Гога, Ренуара и Моне...— вспоминает художник.— А в 13 лет я уже получил премию журнала «Юный художник».

В 1946 году Браговский поступает в Вильнюсский художественный институт, на следующий год переводится в Москву, в Государственный художественный институт имени В. И. Сурикова. «Меня исключали дважды. Однако я вновь возвращался благодаря поддержке таких мастеров, как Б. Иогансон и П. Котов». В 1955 году художник принят в Союз художников СССР. Сейчас его работы находятся в крупнейших музеях страны и за рубежом.

Браговский вспоминает выставку в Манеже, посвященную 30-летию МОСХ, в 1962 году: «Как мы были рады тому, что наши работы висели рядом с полотнами Куприна и Фалька, Кончаловского и Лентулова! Энтузиазм был огромный, как мы все верили, что наступило время расцвета не парадного, а подлинного искусства, представление о котором мы унаследовали у наших великих учителей!» Но... это оттепельное время длилось недолго. В архивах до сих пор хранится документ, гласящий: «Работы Браговского и Никонова оплате не подлежат как формалистические».

— От многих лет застоя пострадала прежде всего живопись — не тема или сюжет, а само стремление отражать действительную жизнь,— говорит художник.— Без этого стремления нет искусства. Нужны десятки лет, чтобы восстановить достигнутый в 20-е годы уровень живописи. Вся моя общественная деятельность как председателя бюро секции живописи МОСХ — борьба за подлинное искусство. Нужно возродить в людях любовь к живописи...

В живописи Браговского увлекает история, но не реальные события и герои, о которых можно прочесть, а как бы молчаливые ее свидетели — памятники архитектуры, природа. Прекрасны древнерусские храмы, подобно звездам, они сияют на далеких

Э. Г. БРАГОВСКИЙ. Род. 1923. НОВГОРОД. 1967.

горизонтах его полотен («Синий Волхов», 1971, «Весна на Нерли», 1977, «Новгород», 1967). Величественные взлеты соборов и могучие разливы рек захватывают воображение, уносят в даль веков. Кажется, слышишь звон далеких труб и набатов. Такой, вероятно, видели свою родину наши предки, возвращавшиеся из далеких походов.

Браговский — созерцатель по натуре, поэтому перед ним раскрываются волнующие тайны, свидетелями которых были дворцы и парки, мосты и чугунное кружево оград Ленинграда. В «Михайловском замке», например, чувствуешь глубокую зимнюю ночь, окутавшую весь мир своим холодным покоем. А сверкающий красный замок излучает тепло. Любое полотно освобождено у живописца от серой повседневности, столкновения обыденного, но раскрывает истину бытия, его красоту.

В работе «Перед грозой» природу олицетворяет белая лошадь, а человечество — маленькая девочка, протянувшая к ней свою руку. И это на фоне надвигающейся грозы. Картины Браговского — непрерывная цепь событий, совершающихся в природе, между людьми и предметами. За изображенным читается исповедь художника, который всем своим творчеством утверждает: человек XX века, сколь бы ни был он захвачен современными ритмами бытия, не менее тяготеет к тем этическим духовным началам, которые остаются неизменными многие столетия.

Евгения ГОРЧАКОВА, Вадим ГОРЧАКОВ

МИХАЙЛОВСКИЙ ЗАМОК. 1980.

МАЛЬЧИК С СОБАКОЙ. 1979.

Юрий КАРЯКИН

«ЖДАНОВСКАЯ ЖИДКОСТЬ» ИЛИ ПРОТИВ ОЧЕРНИТЕЛЬСТВА

«Моральная тягота разрядилась. Столбы подрублены, заборы повалятся сами...»

А. А. ЖДАНОВ

Успеете наахаться,
И воя, и кляня,
Я научу шарахаться
Вас, смелых, от меня.

Анна АХМАТОВА

ВСЕГО ГОД НАЗАД ТРЕБОВАНИЕ ОСВОБОДИТЬ ЛГУ ОТ ИМЕНИ, КОТОРОЕ НОСИТ ОН ВОТ УЖЕ СОРОК ЛЕТ, КАЗАЛОСЬ НЕМЫСЛИМЫМ «ПОТРЯСЕНИЕМ ОСНОВ», А СЕГОДНЯ ОНО ПРОБИЛОСЬ ДАЖЕ В ГАЗЕТЫ. ЗДЕСЬ ТОЖЕ ЗНАМЕНИЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ, НЕОБЫКНОВЕННО БЫСТРО РАССТАВЛЯЮЩЕГО, НАКОНЕЦ, ВСЕ ПО СВОИМ МЕСТАМ. ДА, НЕОБЫКНОВЕННО БЫСТРО, ЕСЛИ — СМОТРЕТЬ НАЗАД, ОДНАКО ВСЕ ЕЩЕ СЛИШКОМ МЕДЛЕННО, ЕСЛИ — СМОТРЕТЬ ВПЕРЕД. ВОТ И ИМЯ ЭТО ПО-ПРЕЖНЕМУ КРАСУЕТСЯ НА ЛГУ. ТРЕБОВАНИЕ ЕСТЬ, ОСВОБОЖДЕНИЯ НЕТ. ДАЖЕ СОГЛАСИЕ ЕСТЬ — НА СЛОВАХ, А НА ДЕЛЕ — СКРЫТОЕ, УПОРНОЕ И ВПОЛНЕ ОСОЗНАННОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ. ТОЖЕ ЗНАК «ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА». МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ — ИМЕНИ ЛОМОНОСОВА, ЛЕНИНГРАДСКИЙ — ИМЕНИ ЖДАНОВА. ИЛИ ЖДАНОВ И ЕСТЬ ЛОМОНОСОВ XX ВЕКА?.. И ПО-ПРЕЖНЕМУ ВЫПУСКНИКИ ПОЛУЧАЮТ ДИПЛОМЫ С ЭТИМ ИМЕНЕМ. ПО-ПРЕЖНЕМУ ВЧЕРАШНИЕ ШКОЛЬНИКИ СТАРАТЕЛЬНО ВЫВОДЯТ ЕГО В СВОИХ ЗАЯВЛЕНИЯХ: «ПРОШУ ПРИНЯТЬ МЕНЯ...»

СОАВТОР 37-го

В 1946 году, когда Жданов организовал погром Ахматовой и Зощенко, родилась у исстрадавшихся от него ленинградцев (или припомнилась им еще с 1934—1935 годов?) невеселая шутка, грозившая шутникам, в случае доноса, немалым «сроком» (а могло быть и того хуже). Дело в том, что была в прошлом веке так называемая «ждановская жидкость», которой заглушали, забивали трупный запах (об этом есть и в предпоследней главе «Идиота»). Ну и, совершенно натурально, «жидкость», которой Жданов «кропил» культуру, люди, помнившие историю, не могли не прозвать «ждановской». Только она в отличие от прежней сама была смертельной, трупной, сама смердела, а выдавалась за идеологический нектар. К шутке той можно отнести опять ахматовское:

За такую скоморошину,
Откровенно говоря,
Мне б свинцовую горошину
От того секретаря.

Кощунство? Очернительство? Очернительство человека, о котором всего два года назад центральная газета писала: «Имя его хранится в памяти народной»?..

25 сентября 1936 года из Сочи в Москву, в Политбюро, пришла телеграмма-молния: «Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ ОПОЗДАЛ В ЭТОМ ДЕЛЕ НА 4 ГОДА. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД». И две подписи: Сталин, Жданов.

Эта сочинская телеграмма-молния — одна из самых кровавых депеш в истории нашей и общечеловеческой: сигнал к 1937 году. Если бы соавторы этой телеграммы сами писали родившиеся из нее бесчисленные арестантские повестки и приговоры, сами арестовывали людей, сами их допрашивали и пытали, забивали и расстреливали, сами закапывали и сжигали трупы, а потом еще, снова и снова, проделывали то же самое — с родственниками и детьми убитых (и с детьми этих детей),— сколько миллионов дней понадобилось бы им для всего этого? Им понадобилось бы бессмертие. Бессмертие для уничтожения живых людей. Бессмертие для производства смерти...

Тут что еще поражает? «Не на высоте...» Это проговорка. *Их* представление о высоте измерялось потоками пролитой крови. Мало им было крови в 1929—1933 годах. Мало и в 1934—1936. Уровень, график назначенной, нужной им высоты и вычерчивала тройка: Ягода, Ежов, Берия.

У Ягоды, расстрелянного за то, что он «оказался не на высоте», был маленький сын, Гарик. Затерявшийся в кровавой сутолоке, прежде чем окончательно и бесследно исчезнуть, он сумел послать своей бабушке в лагерь несколько писем. Вот одно: «Дорогая бабушка, я опять не умер, это не в тот раз, про который я тебе уже писал. Я умираю много раз. Твой внук». И сколько таких слов, написанных и ненаписанных, отосланных и неотосланных, звучало в те годы по всей стране: страшный детский сиротский хор, организованный двумя дядями из Сочи. И каким стоном-воем откликнулся на него другой хор — материнский — из тюрем, «столыпинских вагонов», лагерей.

А. А. Жданов — соавтор 1937 года (и 1938-го, конечно). Вот главное дело его жизни, вот главный «вклад» его в нашу культуру. Тут уж он был на особой высоте. О результатах его тогдашних «художеств» в Ленинграде мы знали по «Реквиему» Ахматовой и прочитали недавно в повести Л. К. Чуковской «Софья Петровна» («Нева» № 2, 1988).

А вот еще одна страничка о таких же «художествах» Жданова в Уфе. Она — из письма ко мне моего друга, писателя М. Чванова, специально занявшегося этой темой:

«Поводом для его приезда послужило письмо первого секретаря Башкирского обкома Я. Б. Быкина Сталину, полное отчаяния. Видя, чтó творится вокруг, видя, что над ним самим собираются тучи, видя, что провокаторы уже рвут горло с трибун, обвиняя его в «мягкотелости» по отношению к «врагам народа», к сосланным в Уфу ленинградцам, которых он трудоустроил, Быкин писал: «Прошу одного: пришлите толкового чекиста. Пусть он объективно разберется во всем!».

Жданов появился в Уфе со своей «командой» и бросил встречавшему его Быкину со зловещей ухмылкой: «Вот я и приехал! Думаю, что я покажу себя толковым чекистом».

На срочно собранном пленуме Башкирского обкома Жданов был краток. Сказал, что приехал «по вопросу проверки руководства». Зачитал готовое решение: «ЦК постановил — Быкина и Исанчурина (второй секретарь.— **М. Ч.**) снять...». Быкина и Исанчурина увели прямо из зала, не дожидаясь конца пленума. Быкин успел крикнуть: «Я ни в чем не виноват!». Мужественно держался Исанчурин: «В Быкина верил и верю». Обоих расстреляли. Расстреляли и беременную жену Быкина.

В заключительном слове Жданов снова был краток: «Моральная тягота разрядилась. Столбы подрублены, заборы повалятся сами»...

Перебью М. Чванова. Тут опять, как и в случае с «высотой»: вырвалась проговорка об *их* морали: «Моральная тягота разрядилась...». «Моральная тягота» для них — это когда мало крови.

М. Чванов: «Не успел Жданов уехать, а в Уфе уже начали «валить заборы». Оставшиеся в живых уфимцы до сих пор с содроганием и ужасом вспоминают о той «исторической» экспедиции, о вакханалии арестов и расстрелов, обрушившихся на город. Один из провокаторов-доносчиков с гордостью говорил потом с трибуны писательского собрания, что он, несмотря на свое слабое здоровье, лично выявил 26 «врагов народа»...

Я до сих пор с замиранием сердца прохожу мимо Ивановского кладбища (оно сейчас застроено), где, по непроверенным данным (а как их проверишь?), по ночам, в длинных траншеях, закапывали убитых. Но закапывали не только там. Огромная уфимская тюрьма не была рассчитана на такое массовое «производство». Расстреливали в многочисленных уфимских оврагах, карьерах, увозили за город...

Кроме Уфы, Жданов побывал тогда еще в Казани и Оренбурге, где провел аналогичные пленумы.

Документы, которые я использую, я на-

шел в Архиве Башкирского обкома КПСС (фонд 122). Они отчасти попали в «Советскую Башкирию» от 28 февраля 1988 г.».

Такая вот страничка. Всего лишь одна из многих сотен, если не тысяч.

Это он, Жданов, заменив в декабре 1934 года убитого Кирова на посту первого секретаря обкома и горкома Ленинграда, организовал «кировский поток», то есть это он прямо заказывал, составлял и подписывал те списки (главная часть его «Литнаследства» — хватит не на один том), по которым многие десятки тысяч ленинградцев «потекли» в тюрьму, в лагеря, в ссылку, на пытки, на смерть. Жизни и этих убитых, искалеченных людей, равно как и сломанные судьбы их детей,— прямо на его личном счету (тут никак не выговаривается: на его совести).

Сколько раз в своих длинных речах Жданов клеймил писателей, художников, философов, музыкантов за «отрыв от жизни». Зато сам и продемонстрировал эту связь, как он ее понимал: в тех списках, в той телеграмме. Одобрить, прославить такую связь — вот чего он хотел прежде всего, больше всего от самой культуры, хотел, чтобы культура прославляла убийство самой культуры, кровавое насилие над народом, чтобы Ахматова и Шостакович создавали гимны в честь своих палачей.

И еще об этой связи, точнее — о первом и последнем звеньях ее (а сколько их еще между ними!): от Жданова-идеолога до тех исполнителей. У идеолога вроде бы чисты руки, у исполнителей — чиста совесть: разделение труда! А в итоге — чудовищный социально-нравственный разврат, выдаваемый за «твердость основ» и «чистоту учения». В итоге — преступления, переименованные в подвиги. Жданов как «чистый идеолог» — это миф. Он самый непосредственный организатор кровавой вакханалии, ничуть не хуже Ягоды, Ежова, Берия. И когда писал он свои литературные, музыкальные, философские доклады, когда музицировал на фортепьянах (умел), когда писал эти доклады, листал их, читая, он писал, листал, музицировал кровавыми руками. К этим его докладам тоже относится: «Моральная тягота разрядилась. Столбы подрублены, заборы повалятся сами...». И валились — люди, люди, люди...

«Чистый идеолог»...

Я знаю: уже написаны (и, уверен, будут еще написаны) страницы и о позорно преступной роли Жданова в дни блокады Ленинграда, такие страницы, от которых, кажется, должны содрогнуться и все умершие тогда, но все равно, все равно закричат некоторые из живущих: «Очернительство!».

И СОВЕСТЬ — ОЧЕРНИТЕЛЬСТВО?

Тут мне хочется перейти на прямое обращение к этим энтузиастам борьбы с очернительством. Подчеркну: не к тем, кто не знает фактов, а к тем, кто их знает и скрывает. Подчеркну: не к тем, кто обманут или ошибается, а к тем, кто обманывает людей сознательно,— разумеется, разумеется, с самой «высокой целью».

Это раньше, лет тридцать назад, мы не всегда умели отвечать на ваши иезуитские, кривые вопросы. Теперь другое. Теперь уже вам придется отвечать на вопросы прямые и ясные.

Что такое очернительство?

Сознательная клевета на миллионы честных людей — от мужика до академика, от грузчика до маршала — это *не* очернительство?

Сознательное уничтожение этих оклеветанных миллионов, уничтожение их «во имя социализма» — это *не* очернительство социализма?

Те списки, та телеграмма, те экспедиции в Уфу, Казань, Оренбург?

Травля, уничтожение ученых во всех без исключения областях науки?

Травля, уничтожение сотен, тысяч честных, талантливых писателей, художников, музыкантов?

Имя Жданова на ЛГУ?

Это все — *не* очернительство культуры? Это все *не* оттолкнуло от нас десятки миллионов наших сторонников за рубежом?

А правда об этом — очернительство.

А раскрытие чудовищных преступлений — очернительство.

А «Великая Реабилитация» (Евтушенко) — очернительство...

Сначала были оклеветаны, арестованы, уничтожены миллионы людей.

Потом арестованы, сосланы, заточены факты об этом (расстрелять факты — это, казалось, никому не под силу, но многие факты действительно были расстреляны, испепелены, развеяны, и никогда уже больше мы их не найдем).

Наконец, началось освобождение фактов.

И что же? Это освобождение вы и объявляете очернительством.

Вы пытаете факты точно так же, как ваши предшественники пытали живых людей.

Вы снова хотите их, эти факты, арестовать, заточить, испепелить.

Для вас преступлением является само раскрытие преступлений.

Почему?

Почему вы приходите в неистовство против тех, кто раскрывает преступления?

Почему не находите слов сострадания для жертв и слов негодования для палачей?

Почему — в лучшем случае — вы готовы признать черные страницы нашей истории «государственной тайной», до которой, мол, народ наш еще не дорос? (До расправы над собой дорос, а до правды об этой расправе не дорос?)

Почему?

Да потому, что боль человеческая, боль народная для вас не боль, а «дежурная тема». Потому, что совесть для вас (*со-весть*) — это *весть* не о боли, не о судьбе народа, а весть о воле начальства сталинско-ждановской выучки. Вы сетуете на притеснения народов во всех странах, кроме своей (да и в те ваши сетования я не верю, да вы и сами не верите).

Почему? Да потому, что вы боитесь, боитесь и народа своего, и правды, и совести. И пробуждение совести для вас — очернительство.

Потому, что доклады Сталина — Жданова, «Краткий курс истории ВКП(б)» — вот по-прежнему и весь ваш марксизм-ленинизм.

Потому, что вам мил именно тот социализм — очерненный, окровавленный Сталиным — Ждановым, мил тот и страшен этот — очищенный, очищаемый на наших глазах.

Потому, что свободно дышать вы можете только в атмосфере, отравленной «ждановской жидкостью» (*это* для вас нормально), а в атмосфере чистой вы задыхаетесь.

Потому, что лишь в темноте вы чувствуете себя сильными (да и в самом деле сильны), а на свету? На свету вы бессмысленно хлопаете глазами, как филины, и лепечете, что вы всегда тоже — «за», «за», «за»...

Знаю, знаю, всю жизнь от вас слышу: в сознании народа слова социализм и Сталин слились, отождествились, и надо с этим считаться. Да, к беде нашей великой, это так (впрочем, далеко не у всех). Я бы даже добавил: слова эти склеились, срослись. Ну и что?

Были в свое время склеены слова христианство и инквизиция, Христос и Торквемада. Расклеились.

А разве не склеивались в нашей истории слова Ягода, Ежов, Берия и — социализм? Или: Вышинский и советское право? Или: Бошьян, Лепешинская, Лысенко и — наука? Или: Заславский, Ермилов, Эльсберг и — совесть? Даже слова Лидия Тимашук и честность склеивались. Ну и что? Расклеились! И что случилось? Случилось очищение социализма, очищение науки.

Очернительство — это ложь.

Правда не может быть очернительством. Правда может быть только очищением.

Но все равно, снова и снова слышу: «Но ведь были же у них и заслуги, у Сталина, у Жданова! Нельзя же так. Ведь должна же быть и тут диалектика...»

А знаете, я соглашусь с вами, если вы согласитесь с одним моим дополнением. Пусть будет по-вашему. Пусть будет, например, так: «Наряду с заслугами у Сталина и Жданова был всего один недостаток: они были палачами»...

И еще вопрос: сколько было всего людей незаконно репрессировано? Сколько из них уничтожено?..

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список и негде узнать...

Так давайте разыщем, подсчитаем вместе, друг друга поправляя и уточняя, давайте вместе все и опубликуем? Что, не хочется? А почему? Непатриотично? Очерняет?..

Не хотите вы этого даже и знать, а если б знали, сделали бы все для того, чтобы скрыть. И скрываете уже известное. И травите тех, кто хочет узнать.

Вам еще придется доказать, что без ареста, без истребления миллионов честных людей мы не победили бы в войне. Докажите!

Докажите, что с этими миллионами мы бы войну проиграли.

Вот вся ваша «диалектика», если ее обнажить:

Да, Сталин оклеветал и уничтожал честных людей, но ведь — «во имя коммунизма!». То, что оклеветал и уничтожал, это, конечно, плохо. Но то, что «во имя коммунизма»,— это хорошо...

А Ягода, Ежов, Берия, Вышинский, Жданов — не «во имя»?..

Иезуитство это, а не диалектика.

Правда в том, что слово Сталин на самом деле намертво, нерасторжимо, навсегда склеилось с другими словами, как раз вот с этими — Ягода, Ежов, Берия, Вышинский, Жданов плюс гигантский корпус доносчиков и палачей помельче, то есть плюс хваты, пытавшие академиков и маршалов, плюс рюмины, избивавшие врачей, плюс старички, помогавшие в молодости перевыполнять планы по уничтожению людей, не столь именитых. Вот все это (и еще многое, многое другое подобное) и есть ваш совокупный Сталин. И эти слова уже никому и никогда не удастся расклеить...

А самое главное: Сталин — это беспрерывное, систематическое понижение цены человеческой жизни — до нуля, понижение цены личности — до отрицательной величины: человек не стоит ничего, а личность — это уже просто враг. И когда повторяют, что при Сталине «снижали цены», то, во-первых, это просто неправда, если говорить о вещах, о продуктах (см. статью О. Лациса в «Известиях» от 15 апреля), а во-вторых, надо добавить: снижали цены — на человека, на личность!.. А уж абсолютная аморальность его политическая — лишь одно из следствий этой основной посылки, определяемой, в свою очередь, мотивом абсолютного самовластья.

Не отменяются всем этим наши победы, а лишь выясняется их цена. Не дискредитируются и действительные (а не мнимые) победители, но вам придется еще доказать, что обманутые люди лучше строят социализм и лучше его защищают, а необманутые — хуже. Докажете?

В череде всех этих вопросов, на которые придется теперь отвечать вам, не избежать и вопроса о гласности. Интересно, с какими чувствами, с какими мыслями прочитаете вы такие слова: «Свободная печать — это зоркое око народного духа, воплощенное доверие народа к самому себе, говорящие узы, соединяющие отдельную личность с государством и с целым миром; она — воплотившаяся культура, которая преображает материальную борьбу в духовную и идеализирует ее грубую материальную форму. Свободная печать — это откровенная исповедь народа перед самим собой, а чистосердечное признание, как известно, спасительно. Она — духовное зеркало, в котором народ видит самого себя, а самопознание есть первое условие мудрости... Она всестороння, вездесуща, всеведуща. Она — идеальный мир, который непрерывно бьет ключом из реальной действительности и в виде всевозрастающего богатства духа обратно вливается в нее животворящим потоком».

Да разнесете вы эти слова в пух и прах — и потому, что они дышат талантом (по сравнению с любезной вам казенной серятиной), и потому, что они враждебны вам, ненавистны по существу, и потому еще, что не знаете, чьи они. А когда вам подскажут, ухватитесь, как тонущий за соломинку: «Это же Маркс ранний, несовершеннолетний, так сказать...»

Так вот, к вашему сведению, Маркс «поздний» не только не отказался от этих слов, а развил их: он предлагал, например, задуматься над осуществлением требования независимости партийно-коммунистической печати от ЦК,— именно для того, чтобы объективнее, независимее, плодотворнее проводить коммунистическую же точку зрения, которая вовсе не есть истина в виде военного приказа. Кстати, он и вас всех предусмотрел, когда сказал о точно таких, как вы: «Послушать их, так я не марксист...».

Ни одного вопроса нового не можете вы ни поставить, ни решить. Ведь ни единого проблеска, ни единого взлета своей собственной мысли, то излюбленной и выстраданной, то вдруг неожиданной и ошеломляющей! И неведомо вам возвышающее восхищение перед вдохновенной мыслью другого человека. Вместо этого вы знаете только то чувство, которое испытывает один пушкинский богач к «скрыпачу» на досуге. И это-то свое бесплодие вы и выдаете за «верность принципам». Для вас, в сущности, и Мысль — «вредитель», и Мышление — «враг народа». Вы и марксизм весь хотели бы превратить в «зэка» и стеречь, охранять его, чтоб не сбежал. Вот единственное, на что вы способны, вот единственная ваша функция, единственное ваше «творчество»: *охрана*. Но теперь вы даже и тут иссякли. Подорван источник вашего пустоцветного процветания. Вам грозит идеологическая безработица, ибо ваша идеология — это феномен уникальный, мутант, загадка природы: расширенное воспроизводство бесплодия, размножение интеллектуального импотентства.

Однако сколько — при всем при том — у вас еще энергии, вашей специфической *энергии нелюбви*! Мне порой ее даже жалко: сколько же ее расходуется зря или во вред. А если бы рационально? Бросить бы ее всю на СПИД — не будет СПИДа. Но бросить ее на культуру — не будет культуры...

АЛХИМИКИ

В февральском номере «Нового мира» Андрей Нуйкин предупреждал — готовится ваше контрнаступление, и оказался прав: 13 марта появилось письмо Нины Андреевой. Никому не известный химик вдруг сделался всем известным идеологом. Превращение, прямо скажем, подозрительное. Не стоит ли за ним какая-то алхимия?

Год назад один из прототипов моего Инкогнито (см. «Знамя» № 9, 1987), кстати, тоже химик, забрал из редакции свой донос со словами: «Сейчас не время ударять...». Представляю, как обрадовался он письму коллеги: настало, мол, время... Представляю, как пришлось оно вам всем по нутру,— вот они, ваши новые «Основы», ваш новый «Краткий курс», ваш новый идеологический манифест, насквозь пропитанный «ждановской жидкостью». Представляю еще, как мобилизовывали вы все свои интеллектуальные, моральные, организационные способности, чтобы превратить этот манифест в *сигнал* к немедленному контрнаступлению, но... опять наступили на грабли.

Убежден: будет воссоздана — день за днем, во всех драматических и комических подробностях — вся хроника событий вокруг вашего манифеста, вся хроника его замысла, написания, публикации, хроника организации его одобрения. Чем определялся выбор дня публикации? Какой стратегией? Какой тактикой? Почему не появился манифест, скажем, 10 марта или 21-го? Особенно будет интересна хроника событий между 13 марта и 5 апреля. Сколько местных газет перепечатали манифест? Сколько было размножено с него ксероксов? Сколько организовано обсуждений-одобрений? По чьему распоряжению? Как пробуждалась местная инициатива? Кем? Почему три недели не было в печати ни одного слова против, за исключением, кажется, лишь «Московских новостей» и «Тамбовской правды»? Почему Нину Андрееву хочется назвать лишь соавтором манифеста и к тому же далеко

А. А. ЖДАНОВ:
«Зощенко, как мещанин и пошляк, избрал своей постоянной темой копание в самых низменных и мелочных сторонах быта... Можно ли дойти до более низкой степени морального и политического падения, и как могут ленинградцы терпеть на страницах своих журналов подобное пакостничество и непотребство?.. Только подонки литературы могут создавать подобные «произведения»... Зощенко с его омерзительной моралью... Зощенко выворачивает наизнанку свою пошлую и низкую душонку... Насквозь гнилая и растленная общественно - политическая и литературная физиономия Зощенко... Какой вывод следует из этого?.. Пусть убирается из советской литературы».

не главным? А кто алхимик главный? И один ли он? Почему одно частное мнение одного лица (положим), мнение, совершенно очевидно противопоставленное всему курсу партии и государства на обновление, почему оно фактически господствовало в печати, господствовало беспрекословно и безраздельно в течение тех трех недель (точнее, двадцати четырех дней)? Почему оно фактически навязывалось — через печать или как-то еще — всей партии, всему народу, всей стране? Как это согласуется с лозунгом «Больше демократии, больше социализма»? С гласностью? С Уставом и Программой партии? С Конституцией государства, наконец? Что это за Нина Андреева такая, обладающая столь небывалым и непонятным всемогуществом? А если это действительно не она, то кто? А если этот кто-то действительно не один, то, стало быть, речь идет о чьей-то платформе? О чьей конкретно? И почему тогда ее истинные создатели спрятались за бедного химика? И последний вопрос: если оказалось возможным такое, то почему невозможно и худшее?

Или все эти вопросы неправомерны и надо запретить их задавать? А может быть, надо еще запретить над ними и думать? Или они нас не касаются? Не нашего ума дело? Почему это не нашего? А чьего тогда, позвольте узнать? Разве от прямого ответа на них не зависят тоже ход, судьба обновления?

Нет, никуда нам от этих вопросов не деться, и мы должны чувствовать и сознавать не только свое право, но и обязанность их задавать, задавать и требовать, добиваться на них прямого ответа. Или я чего-то не понимаю в перестройке?.. Разве не есть она освобождение и от всякого политиканства, от всякой алхимии?..

Совсем недавно (24—26 марта), будучи в Ленинграде, я вдоволь наслушался, начитался славословий в честь неглавного автора. Воочию нагляделся на самый настоящий рецидив ждановщины. Надышался, нанюхался «ждановской жидкости». Это славословие разворачивалось как по команде. Впрочем, почему — как? Оно и было очень даже хорошо организовано. Кому-то опять замечталось: «Моральная тягота разрядилась. Столбы подрублены, заборы повалятся сами...». Я слышал: «Наконец-то!». «Наконец-то дан отпор очернителям!». «Наконец-то все поставлено на свои места!»... Я слышал: «Вот идейный камертон XIX партконференции!». Слышал: «Вот кого, вот каких надо послать туда делегатами!»... И что ж удивительного, что статья в «Правде» от 5 апреля у организаторов этой «моральной разрядки» никакого энтузиазма не вызвала?

Это отрезвляет. Гарантий необратимости обновления еще нет. Зато нам наглядно и радостно продемонстрировали маленькую репетицию удушения перестройки, микромодель реванша. Будем благодарны за хороший урок: гарантии только в нас самих. Я видел, слышал, знаю людей (их больше, чем казалось), которых уже ничем нельзя сбить с толку, запугать, сломить и для которых статья в «Правде» стала *своей*. Нет ничего важнее, как все глубже понять самому и убедить других: всякая алхимия, подобная той, что связана с упомянутым манифестом, гибельна. «Спасение принципов», на которых он основан, грозит уже не просто застоем, а настоящей катастрофой — для страны, для социализма, для мира. Сталинщина, не выкорчеванная до конца, закономерно породила рашидовщину. Сейчас, если ее действительно не выкорчевать, она может породить нечто несравненно худшее.

И нельзя больше кропить людей «ждановской жидкостью», а между тем...

В статье В. Глаголева, посвященной 90-летию со дня рождения А. А. Жданова, читаем: «Всей своей деятельностью, всей силой своего огромного организаторского и пропагандистского таланта Андрей Александрович Жданов беззаветно служил трудовому народу, делу Ленина, Коммунистической партии... В городе Ленина, колыбели социалистической революции, развертываются его замечательные способности и особое дарование политического деятеля... Как истинный коммунист он не знал разрыва между словом и действием, между теорией и практикой... Имя его хранится в памяти народной...»

Что это? Неужели автор ничего не знал о фактах палаческой деятельности Жданова? Не мог не знать! Об этом говорилось и на XXII съезде. Значит? Значит, знал и все-таки написал. Почему? Потому что поручили? Ну, а почему не отказался? Ведь не расстреляли бы его за это и даже не арестовали бы. Так почему? Служба дороже чести? Что ж это за служба такая? А ведь откажись — ему бы сегодня спасибо сказали и, главное, верили бы, верили. Ну, а если завтра прикажут ему восхвалять завтрашнюю Андрееву?..

Или вот еще один источник. Только что вышла 7-м изданием тиражом в 200 тысяч книга Алексея Абрамова «У кремлевской стены». Вышла в Госполитиздате. Подписана в печать 3 декабря 1987 года. Читаем в этом издании о Жданове то же самое, что и в первом (1974): «Под его руководством трудящиеся Ленинграда успешно боролись за досрочное выполнение планов второй и третьей пятилеток... В 1948 году именем выдающегося деятеля Коммунистической партии назван город Мариуполь, имя Жданова носят улица, станция метро и «Первая образцовая типография» в Москве, улицы и заводы во многих городах и поселках страны». Ведь опять же: все, все знает человек о Жданове — не может не знать! — и все равно зачисляет его в «герои», в «легендарные соратники». И точно такие же аморальные, внеморальные, «объективные» характеристики дает он и Вышинскому, и Мехлису...

Да, есть город Жданов. Есть даже еще один университет имени Жданова (в Иркутске). Есть многие тысячи улиц, заводов, фабрик, типографий, кораблей, институтов, колхозов, совхозов, школ, клубов, даже детских садов, дворцов пионеров (в том же Ленинграде) — имени Жданова. Уже имени Сталина почти нет, а имени Жданова — сколько угодно. Вся страна окроплена «ждановской жидкостью». Это своего рода рекорд. Только рекорд чего? Рекорд цинизма тех, кто сознательно не желает отказаться от прославления этого имени? Или рекорд нашего собственного невежества, равнодушия и бесхарактерности?

Получил письмо из Жданова: людей травят за то, что они хотят снова жить в Мариуполе. А вот еще из того же письма М. Чванова: «Мне казалось, что в Уфе нет ничего, носящего имени Жданова, был когда-то район его имени, но сразу же после смерти Сталина его переименовали, побоялись народа, но вчера позвонили: появилась улица имени А. А. Жданова»...

В Елабуге сохранился дом, в котором Цветаева прожила последние дни своей жизни, в котором и погибла. На доме мемориальная доска, будет, вероятно, и музей. Адрес — улица Жданова.

И это все — опять *не* очернительство? *Не* очернительство не только нашего прошлого, но и настоящего? *Не* заведомое очернительство и нашего будущего? И в XXI век войдем с этими клеймами?..

Экология. Поворот рек. Отравление Байкала...

А экология нашей нравственности? Повороты рек нашей культуры? Отравление наших духовных байкалов?.. Все это предельно конкретно, наглядно — осязаемо! — и выразилось в нашем самоокроплении ждановщиной, в нашем самоочернительстве.

Ну, так давайте опомнимся. До чего мы дожили: имеем в 1988 году Дворец пионеров имени Жданова — и где? — на углу Невского и Фонтанки, у Аничкова моста... Какие добрые сказки должны сочинять вожатые детям об этом добром дяде?..

От кого все это зависит? От кого еще, как не от нас самих? От взрыва чувства нашего собственного достоинства, нашей чести да просто — брезгливости. Если мы не хотим или не умеем добиться столь малого, то как добьемся бóльшего? Вот мне и пришла в голову простейшая мысль. Давайте (я обращаюсь к вам, читатели), давайте поставим эксперимент: сколько же времени понадобится нам для того, чтобы решить столь очевидную элементарную задачу: отмыться от «ждановской жидкости» хотя бы внешне (отмывание внутреннее — дело несравненно более долгое, сложное, но, может, и оно оттого чуть ускорится)?..

Все зависит от нас самих, в том числе и то, кто будет представлять партию, народ на предстоящей конференции. Дело ведь предстоит всенародное, небывало важное, решающее. И надо, чтобы туда — без всякого политиканства, без всякой алхимии — попали самые испытанные и надежные. Попали те, кто доказал всей своей жизнью, что их ничем нельзя ни запугать, ни подкупить, ни запутать. Те, для кого нет никаких интересов выше интересов народа. Кто умеет защищать эти интересы несмотря ни на что. Для кого нет другой цели, кроме обновления страны. Кстати, вся история с рецидивом ждановщины между 13 марта и 5 апреля тоже дает надежные критерии для определения того, кто есть кто...

Ну а тем, кому любезно это имя, посоветуем (этот совет при нынешней демократизации вполне реален): пусть выстроят для себя на кооперативных началах — хоть Ждановград, хоть Славождановск, памятники: Жданову-мыслителю, Жданову-полководцу, Жданову-литературоведу, Жданову — истребителю «врагов народа», и пусть опояшут их теми списками, пусть выгравируют золотом ту телеграмму. Все улицы в Жданофильске, конечно, имени Жданова,— под номерами. Пусть принимают ежедневно постановления в ждановском духе. Пусть объявят всех Мадонн, созданных всеми Рафаэлями и Леонардами,— богоискательством и некрофильством. Тут-то и начнется: кто бдительней? кто мягкотел?.. Соревноваться будут. Вы́резать из предпоследней главы «Идиота» строки о «ждановской жидкости»! Вырезать всю главу! Запретить весь роман — как диверсию против Жданова. Запретить всех, кто его читал! Запретить тех, кто запрещал. Запретить вообще думать о «ждановской жидкости»! И будут ошалело бормотать про себя: «Я *о ней* не думаю. Я думаю не *о ней*...». Пересажают они все друг друга, так что два последних ждановца (ждановки?) друг на друга доносить побегут за то, что думают *о ней*. Только кому и куда?..

ИМЕНИ ВЕРНАДСКОГО

А теперь осмелюсь оспорить мнение любимого мною Д. Гранина, который предложил: пусть будет просто — ЛГУ. Но есть имя бывшего студента Петербургского университета, гениального ученого, которого действительно по праву называют «Ломоносовым XX века» и без чьих идей «ноосферы» немыслимо и третье тысячелетие,— имя Владимира Ивановича Вернадского. По-моему, будет справедливо, если Ленинградский университет станет носить это имя своего студента, имя человека, который, помимо всего прочего, твердо противостоял ждановщине, который бесстрашно вступался за людей, преследуемых ждановыми, имя человека, воплотившего в себе как раз все то, что было одинаково и недоступно, и ненавистно таким, как Жданов.

А. А. ЖДАНОВ:
«Анна Ахматова является одним из представителей безыдейного реакционного литературного болота. Она принадлежит к так называемой литературной группе акмеистов, вышедших в свое время из рядов символистов, и является одним из знаменосцев пустой, безыдейной аристократическо-салонной поэзии, абсолютно чуждой советской литературе. Акмеисты представляли из себя крайне индивидуалистическое направление в искусстве. Они проповедовали теорию «искусства для искусства», «красоты ради самой красоты», знать ничего не хотели о народе, о его нуждах и интересах, об общественной жизни... Что поучительного могут дать произведения Ахматовой нашей молодежи? Ничего, кроме вреда».

Однако не будем питать иллюзий: освободиться от ждановщины несравненно труднее, чем переименовать университет, а переименовать университет несравненно легче, чем чувствовать, мыслить и жить в духовно-нравственных координатах В. И. Вернадского. Но ведь вне таких высоких, чистых, благородных координат, вне координат нового мышления нам вообще не выжить. А низкие, злобные, завистливые и мстительные координаты ждановщины-сталинщины сегодня уже буквально самоубийственны.

Не имени Жданова, а имени Вернадского — пусть само это противопоставление, пусть сама история этого переименования тоже станет для нас великим уроком. Это же действительно красиво, это вдохновляет: Вернадский — вместо Жданова, благородство духа — вместо корыстного иезуитства, «ноосфера» — вместо... вместо чего? Ведь низость ждановской мысли даже и сферой никакой не назовешь. Не сферой же низости?

В. И. Вернадский писал: «Мы переживаем не кризис, волнующий слабые души, а величайший перелом научной мысли человечества, совершающийся лишь раз в тысячелетия, переживаем научные достижения, равных которым не видели долгие поколения наших предков.

Стоя на этом переломе, охватывая взором раскрывающееся будущее, мы должны быть счастливы, что нам суждено это пережить, в создании такого будущего участвовать». Вот высота...

Прошу вас, читатель, поверить: если б вы только знали, до чего же не хочется заниматься какой-то «ждановской жидкостью», когда есть Пушкин и Достоевский, Швейцер и Бор, когда есть такие люди, как Вернадский, есть такие мысли. А все-таки надо. Надо именно для того, чтобы перестала она, жидкость эта, отравлять то счастье, чтобы не помешала она тому будущему, о котором говорил Вернадский.

И пусть выпускники ЛГУ получат, наконец, дипломы с именем чистым и навсегда надежным. Пусть и вчерашние школьники выводят это имя в своих заявлениях — и почему бы уже не в этом году?

Я уверен: все так и будет, как уверен еще и в том, например, что придется переименовываться и Ростовскому университету имени М. А. Суслова. Опять очернительство? Нет: опять *против* очернительства! Однако, как говорится в эпилоге «Преступления и наказания»: «Это могло бы составить тему нового рассказа,— но теперешний рассказ наш окончен».

На снимке: А. А. Жданов и В. М. Молотов.

Фото Дм. ДЕБАБОВА

...НО ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ

НОЧЬ НА 20 ЯНВАРЯ 1988 ГОДА ВЫДАЛАСЬ НЕОБЫЧАЙНО ТИХОЙ. ПАДАЛ СНЕГ. МЕРЦАЛ НЕОН. ГОРОД СПАЛ И НИЧЕГО НЕ ВИДЕЛ. ОН НЕ ВИДЕЛ, КАК К ЧЕКОВОМУ МАГАЗИНУ «БЕРЕЗКА» ПОДКАТИЛО НЕСКОЛЬКО ЛИМУЗИНОВ С ВКЛЮЧЕННЫМИ ФАРАМИ И ОТТУДА ВЫШЛИ КРЕПКИЕ МОЛОДЫЕ ЛЮДИ. А В 3.45 ПО ПОЛУНОЧИ БОЛЬШУЮ АКАДЕМИЧЕСКУЮ УЛИЦУ ОГЛАСИЛИ БЕСПОРЯДОЧНЫЕ РУЖЕЙНЫЕ ВЫСТРЕЛЫ.

РАЗБУЖЕННЫЕ СТРЕЛЬБОЙ ЖИТЕЛИ БЛИЗЛЕЖАЩИХ ДОМОВ ВЫЗВАЛИ МИЛИЦИЮ, КТО-ТО ЛИШЬ ПОТЕПЛЕЕ УКУТАЛСЯ В ОДЕЯЛО, ИНЫЕ БОЯЗЛИВО ПОГЛЯДЫВАЛИ В ОКНО. НИКТО ТАК И НЕ ПОНЯЛ, ИЗ-ЗА ЧЕГО РАЗГОРЕЛАСЬ ПАЛЬБА, НИКТО ДАЖЕ ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ НЕ МОГ, ЧТО ПРАКТИЧЕСКИ В САМОМ ЦЕНТРЕ МОСКВЫ, НЕ ПОДЕЛИВ СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ, СТОЛКНУЛИСЬ ДВЕ ВРАЖДУЮЩИЕ ГРУППИРОВКИ РЭКЕТИРОВ.

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Дмитрий ЛИХАНОВ, специальный корреспондент «Огонька»

Слово «рэкет» уже давно вошло в терминологию полицейских, журналистов и государственных служащих почти всего мира.

Рэкет — непременный атрибут организованной преступности.

Рэкет составлял главную часть доходов Аль-Капоне, Диллинджера, Датча Шульца и Лаки Лучиано. Рэкет — это мафия. «Рэкет в США — крупный шантаж, вымогательство, осуществляемые путем угроз и насилия гангстерами».

Впрочем, в последнее время слово «рэкет» все чаще и чаще повторяется в подразделениях по борьбе с организованной преступностью Министерства внутренних дел СССР. Однако не верно было бы думать, что рэкет появился в нашей стране только сейчас. Он существовал и раньше. Если покопаться в архивах ВЧК, здесь можно найти подробнейшие материалы о преступной деятельности первого советского рэкетира Мишки Культяпого — кровавого поэта, Робин Гуда двадцатых годов,— который «экспроприировал» капитал артельщиков и кооператоров «гаданием на ромашке»: раскладывал несчастных заложников кругом и рубил головы до тех пор, покуда «гады-нэпманы» не выкладывали требуемую сумму добровольно. Мишка действовал варварски, и потому сотрудникам ВЧК ничего не стоило в скором времени поставить бандита к стенке. Его последователи были куда как осторожнее, а уголовному розыску стоило большого труда, чтобы привлечь их к ответственности.

В то время, когда Мишка Культяпый наводил ужас на московских нэпманов, где-то на окраинах столицы родился будущий идеолог преступного мира Черкасов. Воспитанный старым вором-карманником с Сухаревки, он и сам вырос вором, полжизни провел в колониях для особо опасных рецидивистов, а остальное время посвятил консолидации уголовных элементов и возрождению воровских традиций.

Я встретился с Черкасовым незадолго до его смерти — зимой прошлого года. Этот холеный старик в лакированных ботинках долго рассказывал мне про то, как вместе с «политическими» шел этапом на Дальний Восток, про «разборы» в Ванинской пересыльной зоне, про побеги и прочее. Но, когда речь заходила о том, что происходит в преступном мире сейчас, Черкасов неизменно уводил разговор в сторону, мол, я уже пенсионер и от дел давно отошел. Только однажды посетовал с горечью, дескать, молодежь уже не та, нет на нее никакой надежды.

Подобное откровение воровского авторитета могло только радовать: значит, и в самом деле преступный мир дал серьезную трещину. Только потом я понял истинный смысл его признания: воровская молодежь, «воспитанию» которой Черкасов отдал столько сил, начинала выходить из-под его контроля. И он это чувствовал. Старый Черкасов — организатор и вдохновитель крупномасштабного рэкета, Черкасов-король чувствовал себя, как ошельмованный мальчишка, как отец, преданный собственными сыновьями.

Сыграло тут свою роль, конечно же, и то обстоятельство, что под конец жизни Черкасов угодил в тюрьму за позорное для мафиози дело — распространение порнографии. Видимо, все это и стало причиной его конца. Черкасов умер в собственной постели. Это, наверное, самое лучшее, что мог пожелать себе старейший мафиози. Куда хуже помирать в казенном бараке или от автоматной очереди в живот.

Первым, кто почувствовал приторный вкус рэкета, был Монгол. Ребенок военной поры, он в конце шестидесятых годов сколотил крупное бандитское формирование, включавшее в себя тридцать одного активного члена, семеро из которых были женщины. В считанные месяцы они взяли под свой контроль всех более или менее значимых сбытчиков наркотиков не только в Москве, но и за ее пределами. Даже теперь, много лет спустя, видавшие виды ветераны уголовного розыска вспоминают о жестоких деяниях рэкетиров Монгола: под видом покупателей наркотиков они проникали в квартиры сбытчиков дурмана и под дулами револьверов вывозили за город, долго били, пытали каленым железом, угрожали перепилить живьем. После такой «обработки» сбытчики отдавали все: и деньги, и ценности, и наркотики. Повязанные собственными грехами, потерпевшие в милицию не обращались. На это Монгол и рассчитывал. Однако в начале семидесятых Монгол и его люди все же попались. Суд приговорил их к длительным срокам тюремного заключения. Так или иначе это была первая серьезная победа, которую одержал уголовный розыск в борьбе с профессиональным рэкетом. Многим тогда казалось, что победа эта не только первая, но и окончательная. Однако они ошибались...

...«Мы вошли в квартиру... я сел в кресло. При мне была сумка черного цвета, в которой находился каталог марок. Примерно через пятнадцать минут раздался звонок в дверь. Ева пошла открывать. Она вернулась и сказала, что там какие-то молодые люди, и в этот момент в комнату вошли двое мужчин, фамилии которых, как я узнал позже, Иваньков и Быков. Иваньков сказал Алику и Еве, чтобы они не волновались: им нужен только я. После чего Иваньков подошел ко мне и сказал: «Я тебя давно ищу. Я Япончик». И спросил: «Ты знаешь, что должен деньги?» Иваньков потребовал от меня ключи от моей машины и приказал выложить все из карманов. Я выложил на журнальный столик деньги, около трехсот рублей, снял часы и вынул ключи от машины. Кто-то из них принес из прихожей мою сумку и содержимое выложил на стол. Быков обыскал меня, а Япончик сел напротив на диван, достал из правого кармана пальто пистолет черного цвета, передернул затвор и положил его обратно в карман. Потом он опять начал угрожать мне убийством и потребовал деньги в сумме 60 000 рублей. Я сказал, что никому ничего не должен, после чего Иваньков вышел и вернулся с Володарским. Тот оскорбил меня, сказал, что я должен 60 000 за иконы и 40 000 за то, что не признаюсь в краже. Потом Володарский сказал мне, чтобы я написал расписки. Япончик дал мне листки из тетрадки и сказал: «Пиши!» Я написал под диктовку Япончика и Володарского три расписки. Первая — о том, что я взял взаймы 20 000 рублей на приобретение автомашины, во второй — 20 000 рублей на покупку кооперативной квартиры и 20 000 — в связи с материальными затруднениями. Эти расписки взял Япончик. После этого Володарский ушел. Япончик и Быков стали мне угрожать, требовать немедленной выдачи денег... Быков открыл портфель и достал из бумажного пакета наручники. Япончик затолкнул меня в ванную комнату. Быков надел мне на правую руку наручники и пристегнул к трубе. Затем Япончик сказал, что нальет в ванную кислоты и опустит меня туда».

Потом, как вспоминает об этом дне потерпевший филателист Нисензон, его отвезли домой.

«Там Япончик велел включить громко телевизор, спросил, где я храню деньги. Я ответил, что у меня никаких ценностей нет. Слива и Быков стали обыскивать квартиру. Япончик снял со стены картину «Старик с трубкой» неизвестного голландского художника, из шкафа взяли восемь альбомов с марками, Быков взял из ящика 3000 рублей, а Япончик — две колоды карт. Потом они сказали, что я остался им должен 22 000 рублей, и предупредили, чтобы я не заявлял в милицию, угрожая при этом убийством и расправой над моей семьей. На помощь я никого не звал и в милицию не обращался лишь потому, что боялся расправы».

Филателист Нисензон был по-своему прав: Япончика стоило опасаться. Это был жестокий, мстительный и чрезвычайно злопамятный преступник.

В былое время Япончик подвизался в банде Монгола, но каким-то чудом ушел от заслуженного наказания. Место короля преступного мира оказалось вакантным, и он занял его без долгих раздумий. Тем более что еще в банде Монгола сумел завоевать себе непререкаемый авторитет.

Япончик вступил в дело расчетливо и хладнокровно. Его боевики, вооруженные револьверами и обрезами, безнаказанно разъезжали по Москве. Готовые на любое преступление, они ждали только приказа своего босса. И босс отдавал приказ.

Оперативные службы МУРа чуть ли не каждый месяц получали печальные известия о «работе» рэкетиров Япончика: грабежи, вымогательство, шантаж. Потерпевших вызывали в уголовный розыск, с ними беседовали долго и обстоятельно, объясняли, сколь опасен Япончик для общества, упрашивали дать письменные показания. Но потерпевшие не поддавались на уговоры. «Что вы,— говорили они, бледнея,— у нас же семьи, дети. Япончик этого не простит». Так или иначе одно показание на рэкетировскую деятельность Япончика добыть все же удалось. Его дал тот самый филателист Нисензон. С бандой надо было кончать.

В скором времени была получена информация, что 15 мая Япончик и его боевики отправляются отдыхать на Черноморское побережье Кавказа. На оперативном совещании приняли решение захватить банду накануне отъезда из Москвы. 14 мая четыре вооруженные оперативные группы двинулись по направлению к Садово-Самотечному переулку, где во дворе дома № 3 Япончик проводил свои прощальные «разборы». Несмотря на то, что вход во двор тщательно охранялся отборными боевиками, а на подступах курсировали «каруселью» тридцать два автомобиля, группа захвата обезвредила банду в считанные минуты. На запястьях изумленного босса наконец-то защелкнулись стальные «браслеты». Теперь уже надолго. Шел 1981 год.

Примерно в это же время в Главное управление уголовного розыска МВД СССР стали поступать тревожные сведения из Средней Азии, Днепропетровской, Ростовской и других южных областей страны.

Впрочем, в этот период нашей истории организованной преступности как бы не существовало, а значит, и бороться с ней, по мнению тогдашнего руководства МВД СССР, не было никакой необходимости. Только опытные детективы уголовного розыска понимали достаточно ясно, чем грозит безопасности общества необычный рост всевозможных бандитских формирований.

...«Бандой Анзорова — Касымова совершено 64 преступления. Из них 25 краж государственного и личного имущества, 14 разбойных нападений и другие преступления. Причинен материальный ущерб государству и гражданам на сумму 285 500 рублей».

«Преступная группа под руководством Камилова состояла из 15 человек. В октябре 1984 года они совершили нападение на квартиру Резника, где завладели 12 000 рублей. 16 июня 1984 года они, вооружившись ножами, напали на квартиру Юалянц, где завладели ценностями на сумму 15 000 рублей».

«Преступная группа Горкина, вооружившись пистолетом и ножом, проникла в дом Бабаджанова. Ворвавшись в дом, они убили Бабаджанова и находившегося там Мильнер, забрали 14 700 рублей денег и ценностей на сумму 32 000 рублей».

«Банда Юна, состоявшая из 23 человек и контролировавшая сбытчиков наркотиков, совершила 42 уголовных преступления; банда Болошина, в которую входило 22 человека, совершила 48 тяжких преступлений, в том числе одно убийство».

«За последнее время органами внутренних дел Узбекской ССР обезврежено полторы тысячи преступников, объединенных в 33 вооруженных и 12 бандитских формирований. Ими совершено 49 убийств, 337 разбойных нападений и грабежей, более 1900 краж и других преступлений. У них изъято около 2 000 000 рублей денег, 150 килограммов наркотиков, сто автомобилей и около ста стволов огнестрельного оружия».

В середине 1985 года первый заместитель министра внутренних дел Узбекской ССР Эдуард Алексеевич Дидоренко, обеспокоенный ростом организованной преступности в Узбекистане, написал служебную записку тогдашнему министру внутренних дел СССР Федорчуку. В ней, в частности, говорилось:

«В настоящее время (данные 1985 года) в городе Ташкенте существует около 20 преступных кланов. Ташкент, области и районы республики поделены ими на зоны влияния, что подчас приводит к столкновению между группировками. Для установления своего престижа в антиобщественной среде главари кланов поддерживают тесную связь с лицами из числа воров в законе. По их инициативе созданы общеворовские кассы («общаки»), которые содержат лидеры группировок города Ташкента. Эти кассы используются для оказания помощи осужденным в местах лишения свободы (в том числе по доставке наркотиков) и подкупа должностных лиц. Более того, лидеры осуществляют все разборы и споры, связанные с выколачиванием путем истязаний и пыток долгов у лиц, проигравших в азартные игры крупные суммы денег (до 300 000 рублей и более).

Отмечается, что местные организованные группировки перенимают опыт преступной деятельности мафии».

Эта служебная записка, несомненно, сыграла свою положительную роль и в борьбе с профессиональным рэкетом. В декабре 1985 года приказом министра внутренних дел СССР были созданы первые подразделения по борьбе с организованной преступностью. За два с небольшим года силами этих подразделений удалось ликвидировать около двух тысяч преступных групп и тем самым нанести ощутимый удар по устоям уголовного мира. Сегодня подобные подразделения действуют в двенадцати регионах страны. Однако именно сегодня детективы уголовного розыска столкнулись с проблемой, которую даже трудно было предположить. Рэкет стал другим.

Мы встретились в «Крестах» — так называется старейшая, еще дореволюционная, ленинградская тюрьма, из которой не удалось сбежать еще ни одному преступнику.

Сергей Васильев по кличке Боксер, в недавнем прошлом босс ленинградских рэкетиров, за несколько месяцев тюремной жизни потерял былой лоск, зарос щетиной и теперь больше походил на мелкого воришку, нежели на человека, чье слово было законом для многих и многих людей, связанных с ним крепкими путами преступного бизнеса. Да, прежде он был другим...

Юрий Мороз. «Васильева Сергея я знаю в течение десяти лет по «центру». После его освобождения из мест лишения свободы в 1978 году он стал у Гостиного двора заниматься перепродажей вещей. Потом он из бывших приблатненных спортсменов сколотил команду, которая по его велению могла прижать любого человека. По характеру он человек скупой, прижимистый, в связи с чем имел большой капитал. Деньги он делал на всем: на перепродаже вещей, на вышибании долгов, на игре в наперсток».

Михаил Дахья (осужден к 15 годам лишения свободы за незаконные валютные махинации в особо крупных размерах). «Васильева я знаю с 1982 года. Познакомился я с ним в кафе «Север». И с этого времени мы с ним контактировали по интересующим нас вопросам. Если говорить о личности Васильева, то он жесток по характеру, лицемерен и имеет страсть к наживе. Но со мной он таким не был, поскольку он очень хорошо знал меня, а я его. Поэтому у нас с ним сложились конкретные деловые отношения».

Борис Рессель. «Боксера я знаю с 1981 года. Первоначально он занимался тем, что продавал иностранцам черную икру за валюту. Я часто видел его на «центре» с этими баночками. Через некоторое время он поднялся, у Васильева появились деньги и свои работники».

Евгений Каргаполов. «Я лично работал на Васильева, так как знал, что за ним стоит сила, и отказать ему не мог. За этим последовала бы расправа со стороны Сергея и его команды».

...Их можно встретить у любой денежной точки: возле автомобильных магазинов, рядом с комиссионками, на подступах к базарам и аэропортам. Склонившиеся над дощечками южане сегодня ловко орудуют наперстками практически во всех крупных городах страны. А если учесть, что, по подсчетам специалистов, одна бригада «наперсточников» зарабатывает в месяц не менее 20 000 рублей, то старая игра греческих контрабандистов приносит ее организаторам многие миллионы прибыли. Однако, несмотря на то, что игра в наперсток — хорошо организованное мошенничество и стороннему человеку в нее никогда не выиграть, лишь очень немногие из игроков попадают на скамью подсудимых. Но и тогда «наперсточники», как правило, ограничиваются легким испугом и штрафом, размер которого соответствует их тридцатисекундному заработку.

Ленинградские игроки в этом смысле не были исключением. Сборные команды «кавказцев» прибыльно и без лишних хлопот вели свое дело в пяти точках города на Неве. С них-то и началась рэкетирская карьера Сергея Васильева. По словам полотера ресторана «Невский» Евгения Каргаполова, «вначале Васильев взял под контроль игру в наперсток на Ульянке, войдя в дело с лицами кавказской националь-

ности. «Кавказцы» возражать не стали, так как команда Васильева их здорово припугнула».

Собственно говоря, именно процентные отчисления с «наперсточников» и составили первоначальный капитал босса. Эти деньги позволяли ему расплачиваться со своими подручными и приступить к серьезному бизнесу. Вскоре Сергей Васильев вышел на автомобильный рынок. По воспоминаниям Михаила Дахьи, «где-то с 1983—1984 годов он взял под свой контроль ряд операций на рынке перепродажи автомашин. У него стали появляться машины одна за другой. При продаже автомашин его «соратники» договаривались с продавцом о том, что после совершения сделки передадут ему дополнительную сумму денег, а потом обманывали, фактически приобретая машину по государственной комиссионной цене, а затем машину перепродавали».

«Васильев стал у магазина на улице Энергетиков одной из главных фигур,— вспоминает бывший «кидала» Александр Балашов.— При помощи своих ребят он установил жесткие порядки. Под угрозой избиения я и Алексей Лапицкий были вынуждены работать на него, то есть он давал деньги, а мы «кидали» машины. После продажи автомашин он практически все деньги забирал себе».

«Я понял,— скажет на следствии Отар Цацуа,— что Сергей «держал в кулаке» всех, кто бывал возле этого магазина. Он мог выгнать с рынка любого из них. Вокруг владельца машины «крутилась» вся команда Васильева: одни «кидали» машину, выступая в роли покупателей, другие страховали их действия, третьи нейтрализовали возмущение потерпевшего. Всем, в свою очередь, командовал Сергей, он производил все расчеты. При этом в разговорах со мной все они говорили, что у Сергея «все схвачено», в том числе и милиция, что, куда бы ни обращался с заявлением потерпевший, им ничего не будет, что Сергей улаживает все вопросы с помощью взяток».

По подсчетам следствия, за неполных два года люди Васильева на автомобильном рынке «кинули» около тридцати машин. И эти незаконные операции давали немалую прибыль самому боссу. В скором времени он мог себе позволить разъезжать по Ленинграду на новенькой «Тойоте», а чуть позже — на голубом «Форде-Гранада».

К концу 1986 года игорный и автомобильный бизнес уже приносил рэкетирам гарантированные доходы. Однако Сергей не успокоился. Ему были нужны новые денежные поступления, новые сферы влияния. Именно тогда он решает взять под свой контроль «галерку» Гостиного двора — место сбора ленинградских спекулянтов. Сделать это было несложно.

«Потом Васильев решил нажить капитал, внедрившись в среду производителей «самопала» под импорт и лиц, которые продавали эти вещи на «галерке». То есть он попытался поставить под контроль сбыт продукции, изготовляемой частными портными, пустить эти вещи через себя и сыграть на разнице цен. Он получал бы вещи по одной, более низкой цене, а отдавал бы спекулянтам по более высокой. Насколько я знаю, это ему удалось» **(Михаил Дахья).**

«Вскоре Васильев и его команда стали прибирать к рукам «галерку» Гостиного двора. Речь шла о том, чтобы на «галерке» спекулянты продавали только те вещи, что будут поступать от Васильева, и чтобы ребята из его команды вошли в долю с теми спекулянтами, кто был поудачливее» **(Александр Слуцкий).**

«Постепенно Васильев склоняется к мысли, что выгоднее торговать «самопалом», чем импортом. Он хотел объединить и замкнуть на себе всех изготовителей «самопальных» вещей, а также лиц, которые приторговывали на «галерке», то есть организовать корпорацию изготовителей и сбытчиков» **(Борис Рессель).**

— В принципе,— скажет мне потом Сергей Васильев,— я собирался подкопить деньжат и махнуть в Швецию. Тогда бы меня вообще никогда не взяли.

Тем не менее далеко идущим планам предводителя ленинградских рэкетиров так и не суждено было сбыться.

13 апреля 1987 года в 16.30 Сергей Васильев, числящийся к тому времени банщиком, был задержан сотрудниками уголовного розыска по подозрению в организации крупного мошенничества. При обыске у него обнаружили набитый деньгами женский чулок, два ключа с брелоком «New York» и календарь с финансовыми подсчетами за 1986 год.

...Уже второй час кряду пытается бывший босс Сергей Васильев доказать свою невиновность, приводит аргументы и факты, которые подчас трудно опровергнуть.

— Ну, «кинул» я одну машину, купил у барыги по комиссионной цене. Так что же, на шесть лет в тюрьму!

— А команда твоя, с которой держал под контролем весь рынок?

— Какая команда? Где они? Докажите, что контролировал? Докажите, что я!

Доказать действительно трудно. Недаром же долгие месяцы — узелок за узелком — «раскручивала» это сложное дело специальная бригада сотрудников Ленинградского УБХСС и отдела по борьбе с организованной преступностью; по крупицам выстраивали систему доказательств, разрабатывали четкую аргументацию. Но даже теперь, после того как Красногвардейский районный суд осудил Васильева к длительному сроку лишения свободы, следователи до конца не уверены в том, что при рассмотрении дела в следующих судебных инстанциях мощный прессинг рэкетиров не возымеет действия, столь долго собираемые материалы не вернут на дополнительное расследование.

К слову сказать, их опасения имеют под собой вполне реальные основания. Люди Васильева, дабы выручить босса, начали мощную обработку свидетелей еще задолго до начала процесса в районном суде. При этом пускались в ход любые средства — от обещания скорой расправы до предложения солидного вознаграждения. Милиция была вынуждена пойти на крайние меры: приставить к свидетелям охранение, а иногородних встречать в аэропорту. Но и это мало чем помогло. Люди, которые всего несколько месяцев назад со страхом перед расправой рэкетиров все же давали письменные показания на Васильева, в здании суда от этих показаний отказались. Страх за свою жизнь, за жизнь близких и родных оказался сильнее жажды справедливости. Видя такой поворот событий, председательствующий суда Николай Глебович Власов возбудил против одного из свидетелей обвинение в лжесвидетельстве. Этим и ограничилось.

— Новое поколение рэкетиров не сравнить с их предшественниками,— объяснял мне сложившуюся ситуацию сотрудник отдела по борьбе с организованной преступностью уголовного розыска Ленинграда Николай Горбачевский.— Они не палят из оружия без надобности, не совершают бездумных кровавых преступлений. Да и сообща оставляют гораздо меньше следов. Их боссы оградили себя своеобразным вакуумом, любые операции проводят только через посредников, да к тому же ввели в своей среде нечто вроде «омерты» — обета молчания: закона, по которому предателя ждет неминуемая суровая кара. А если к тому же учесть, что рэкетиры экспроприируют не честных граждан, а тех, кто сам не в ладах с законом, и пострадавшим нет резона обращаться за помощью в милицию, то тут наше положение никак нельзя назвать выигрышным.

Ситуация и в самом деле чрезвычайно сложна. Уголовный розыск страны обладает на сегодняшний день более чем убедительной информацией о деятельности всевозможных рэкетирских формирований в различных точках Советского Союза — десятки свидетельств о причастности рэкетиров к крупномасштабному шантажу и вымогательству, сотни сообщений об организаторской роли того или иного босса. Однако все эти сведения и информация носят неофициальный характер и уж никак не подходят на роль вещественных доказательств, к делу их не приобщишь. Создалось то самое положение, когда уголовный розыск ловит мелких пескарей, а рыба покрупнее тем временем нагуливает вес в тихих заводях.

Люди несведущие, как правило, недоумевают: ну и что ж такого, пусть потрошат друг друга сколько влезет, подумаешь, рэкетиры — вор у вора дубинку украл. Однако специалисты, трезво оценивая создавшееся положение, уже готовы бить тревогу.

Один из ведущих профессионалов в области изучения организованной преступности, сотрудник Научно-исследовательского института МВД СССР Александр Иванович Гуров с нескрываемой тревогой рассказывал мне о последствиях распространения рэкета в нашей стране.

— Уже доказано,— говорит Гуров,— что, во-первых, рэкет способствует концентрации больших денежных средств у определенной категории лиц, что, в свою очередь, объединяет их во все новые преступные группы, во-вторых, рэкет способствует активизации преступности вообще, ибо при большом количестве рецидивистов можно профинансировать практически любое преступление — от незаконного распространения наркотиков до заказного убийства, в-третьих же, рэкет весьма активно способствует коррумпированию практически всех слоев общества и, как следствие, размыванию экономической власти — ведь деньги рэкетиров идут, как правило, и на подкуп должностных лиц.

Впрочем, об экономических последствиях рэкета необходимо сказать отдельно.

Вспомнилась история человека, который, нажив большие деньги от махинаций на консервном заводике, вложил эти средства в кооператив, имея на этом впоследствии стабильный, а главное, вполне легальный доход. Поначалу я воспринял эту историю всего лишь как не имеющий аналогов случай, однако, встретившись с Сергеем Васильевым, услышал от него нечто похожее.

— Не вовремя они меня накрыли,— сказал Сергей,— чуть-чуть не дотянул до Указа. А там бы открыл свой кооператив — и концы в воду.

О распространении влияния рэкетиров на сферу кооперативной деятельности говорят и многие другие факты. По данным Московского уголовного розыска, в столице и ее окрестностях уже предпринимались неоднократные попытки рэкетиров взять под свой контроль несколько наиболее прибыльных кооперативных предприятий.

О тех же, кто пошел на сделку добровольно, а значит, не попал в поле зрения уголовного розыска, вообще ничего не известно. Впрочем, можно догадаться, что таких кооперативов тоже немало. В самом деле, ведь рэкетиры за определенный процент отчислений могут обеспечить целый набор услуг, начиная от охраны кооперативной собственности, кончая организацией поставок и разорением конкурирующих фирм. В случае отказа от сотрудничества набор «услуг» столь же разнообразен: в кооперативном кафе может возникнуть пожар, а фирмой по пошиву спортивных шапочек «вдруг» заинтересуется ОБХСС.

Сами кооператоры, по всей видимости, уже осведомлены о том интересе, который проявляет к ним профессиональный рэкет. Иначе бы не стали предпринимать ответные шаги. По рассказу члена одного из московских кооперативов, их председатель уже снабдил свой офис мощной системой сигнализации и, кроме этого, принял в штат двух дюжих молодых охранников.

По некоторым прогнозам, битва за кооперативы вспыхнет в рэкетирской среде летом нынешнего года. Именно к этому моменту, работая в условиях наибольшего экономического благоприятствования, кооператоры сумеют заработать свой основной капитал. На это и сделан расчет боссов московского рэкета, преступников в Ташкенте, Тбилиси и Киеве.

Как бороться с этим злом? Что сделать, чтобы оградить нашу экономику от все более настойчивого проникновения преступного мира?

По мнению большинства специалистов по борьбе с организованной преступностью, действовать необходимо по двум магистральным направлениям. Обезопасить кооперативное движение от проникновения рэкета сможет только налоговая инспекция, только ей под силу вести четкий контроль и учет сложного финансового механизма индивидуальной трудовой деятельности.

Разбить организующее начало рэкета — дело специальных служб уголовного розыска. Однако все это — благие намерения. Налоговая инспекция создана только 1 апреля этого года и пока что должным образом не обучена. Что же касается подразделений по борьбе с организованной преступностью, то их положение оставляет желать лучшего. Ни в одном районном отделении милиции угрозыск не имеет собственных машин, а на муровские автомобили выделяется всего 300 литров бензина в месяц, к тому же Аэрофлот бронирует для сотрудников всего аппарата МВД только два места на рейс.

— Какая уж тут может идти серьезная борьба,— с сожалением говорит мне один из опытнейших сотрудников Всесоюзного уголовного розыска Сергей Кожанов,— какое противоборство, если мафиози даже технически оснащены лучше нас: у них и машины, и даже японские подслушивающие устройства. А у нас некоторые еще рассуждают, есть она, организованная преступность, или ее нет. Но чем дольше мы будем рассуждать, а не действовать, тем тяжелее будет борьба.

* * *

Это произошло в конце прошлого года. В один из тихих вечеров босс ташкентских рэкетиров, человек, поделивший на сферы влияния столицу Узбекистана, вор в законе Нарик Каграманян, как обычно, приехал поужинать в свой излюбленный ресторан, где Нарика знали все: от директора до последней потаскухи. Отворив дверцу автомашины, босс вышел на улицу, и его тут же обступили дюжие телохранители. Но в этот вечер Нарик Каграманян так и не поужинал в своем излюбленном ресторане. Проезжавшая мимо машина была то последнее, что увидел он в своей жизни. Машина сбавила газ, и просунутые в окна винтовки изрешетили Нарика почти в упор. Но в тот же самый вечер где-то праздновал победу новый босс мафии. Король умер, но здравствует король.

Ленинград — Москва

Окончание.
Начало на стр. 1.

«...МИР ПОГИБНЕТ, ЕСЛИ Я ОСТАНОВЛЮСЬ»

я чаще нахожу союзников среди народа, чем среди его «слуг». ***Противостояние бюрократии, которая объединена групповым интересом и умеет отлично организовать себя, с которой пока еще не нашли эффективных способов борьбы «простые люди», которая испытывает на себе лишь активное сопротивление «прорабов» и подвижников перестройки,— вот, пожалуй, главная примета нынешнего этапа.*** (Выделено мною.— **А. Г.**) *Перестройка — дело общенародное, и нужна она всему народу. Не всеми, к сожалению, это осознано, зато бюрократы понимают сие прекрасно! И их сопротивление состоит прежде всего в том, что они пытаются поставить перестройку себе на службу...»*

Да, время ранит, но оно же работает на таких подвижников перестройки, как А. Н. Алексеев, Г. А. Богомолов, рабочих одного ленинградского завода. Медленно, но что-то все же сдвигается в общественном сознании.

25 марта прошлого года Андрей Николаевич мог бы воскликнуть: «Лед тронулся, господа присяжные заседатели!» В этот день его, выбрали членом Центральной ревизионной комиссии ССА. Письмо с поздравлениями прислали президент ССА АН СССР академик Т. И. Заславская и председатель ЦРК ССА профессор А. А. Габиани. В ноябре того же года (не без учета мнения общественности и коллективных писем коммунистов) бюро Ленинградского обкома партии единогласно проголосовало за ходатайство перед КПК при ЦК КПСС о восстановлении А. Н. Алексеева в партии с 1961 года без перерыва в партийном стаже.

Лед-таки тронулся, но тут же остановился: процесс партийной реабилитации Андрея Николаевича начал тонуть в бумагах...

С тех пор «Дополнение к справке Ленинградского обкома КПСС по партийному делу т. Алексеева А. Н.» в КПК при ЦК КПСС выдержало по крайней мере три редакции. В апреле Андрей Николаевич показал мне последнюю. Звучит она по-бюрократически застенчиво: «В связи с принятыми партией решениями о развитии гласности, проводимой работой по устранению застойных явлений, утверждением реальностей в оценке жизни общества, материалы, которые распространял т. Алексеев, **утратили свою значимость как документы политически вредного характера**»(?). Затем, после перечисления достоинств Алексеева, текст заканчивается следующими жизнеутверждающими словами: «Принимая все это во внимание, а также установившуюся в партии обстановку откровенности, бюро обкома партии приняло решение просить КПК при ЦК КПСС о восстановлении т. Алексеева А. Н. в партии без перерыва в стаже».

Тут невольно посочувствуешь сотрудникам Комитета Партийного Контроля. Чего же желает парткомиссия обкома? Реабилитировать в партии человека, который, судя по «Дополнению...», был едва ли не диссидентом, а теперь, дескать, перестал им быть, поскольку застойный период кончился и то, что недавно считалось черным, стало белым? То есть получается, парткомиссия просит: вы уж там, пожалуйста, у себя в Москве не принимайте близко к сердцу, что никто у нас в Ленинграде не собирается снимать с Алексеева «вины» образца 1984 года, утвердите решение бюро! Волки останутся сыты и овцы целы!

По всей вероятности, для капризного упорства парткомиссии обкома партии, сочиняющей то одну, то другую формулировку, есть куда более серьезные и глубокие причины, чем бюрократическая уловка. Что значит сегодня, в 1988 году, публично признать, что Андрей Николаевич был обвинен необоснованно и несправедливо? Это значит автоматически, прямо или косвенно «бросить тень» на тех, кто четыре года назад обыскивал его квартиру, кто по указке сверху пустился на санкционированное беззаконие, а затем не желал за него отвечать. Кто зубоскалил над его личными письмами, пущенными по рукам на «Ленполиграфмаше». Кто талдычил на ученых советах ИСЭПа о «несостоятельности Алексеева, как ученого-социолога», исключал его из Союза журналистов и ССА все по тем же политическим обвинениям, устроил ему травлю... Куда уж легче оставить все по-прежнему: мол, Алексеев был по сути своей антисоветчиком и остался им; правильно, дескать, сделали, что выдворили его из партии, поделом! И если мы теперь его снова восстанавливаем, то лишь потому, что в партии установилась «обстановка откровенности»...

Но давайте все же разберемся. Под «обстановкой откровенности», очевидно, подразумевается гласность. Что же мешает и заявить ленинградцам гласно (то есть во весь голос — в газетах ли, по телевидению), что никаких грехов на Андрее Николаевиче Алексееве нет, ни в чем он ни перед партией, ни перед родным городом, ни перед страной не виноват, а совсем наоборот — перед ним виноваты конкретные носители государственной власти. Принести публичные извинения за то, что пришлось вытерпеть ему, мужественному человеку, ученому, рискнувшему поставить опыт на самом себе и тем самым еще в начале восьмидесятых, когда никто и не заикался о перестройке и демократии, одному из первых понять, что, кроме радикальных революционных перемен, у страны нет альтернативы. Понял — и дерзнул научно это доказать!

Готовясь к Всесоюзной партконференции, рассуждая о сопротивлении перестройке, пытаясь понять логику ее противников, предугадать, откуда и какой последует удар (а пока еще никто не может дать гарантии, что консервативные силы не перейдут в наступление!), мы не можем позволить себе роскоши беспечно наблюдать за тем, как пытаются исподтишка задушить нашу надежду. Трудность заключается в том, что торможение идет скрытое, а мы, по существу, еще не выработали стратегию защиты. Мы еще колеблемся в выборе способа уберечь первые завоевания перестройки, а горький опыт сталинских лет убедил, к чему приводит мания подозрительности... Значит, есть только один путь — демократический, есть только одно средство борьбы — активная и гласная политическая дискуссия с теми, кто то собирается под знаменами черносотенных «идей», то впадает в «левый экстремизм». И вот этих демократических позиций уступать нельзя.

Из письма А. Н. Алексеева (1987 г.)

«Не знаю еще, не уверен, наступило ли время подвести для себя некоторые итоги? Но очень важным считаю то, что условно называю «опережающим поведением». Иной раз подумаешь: вроде бы рядовому рабочему, рядовому ученому, рядовому журналисту (жизнь сложилась так, что эти профессии у меня не только сменяли друг друга, но порой и совмещались) мир не перевернуть. Однако один солдат всю жизнь мечтает стать генералом, а другой просто в числе первых поднимается над бруствером.

Делать самому, не дожидаясь других,— ведь каждая честная попытка оставляет свой след! Как умеешь, где можешь, в чем видишь нужным... Необязательно быть Львом Толстым, чтобы сказать себе: «...Мир погибнет, если я остановлюсь».

Перечитываю эти строки и ловлю себя на том, что думаю уже не об Андрее Николаевиче. Его не надо жалеть, он победит. Он уже победил. Ведь в конечном счете за ним историческая правота. Я думаю не об алексеевых — о михайловых. С ними-то как нам быть?

О НАШЕМ ТОВАРИЩЕ

На 85-м году жизни скончался старейший огоньковец — Александр Максимович Ступникер. Долгое время он был заведующим отделом литературы «Огонька».

Специфика работы редактора такова, что имя его всегда остается в тени и известно лишь узкому кругу литераторов. Зато миллионы читателей знают и любят произведения Юрия Нагибина, Георгия Радова, Сергея Антонова, Юрия Казакова... Да и многих, многих других, чей талант Ступникер сумел распознать, помог ему окрепнуть, утвердиться, раскрыл перед тогда никому не известными, начинающими писателями двери в большую литературу.

Безукоризненный литературный вкус, взыскательность, подлинная доброжелательность, блестящая эрудиция отличали этого удивительного человека, беззаветно любившего изящную словесность, отражающую правду жизни.

Огоньковцы

Окончание.
Начало см.
на центральной вкладке.

ТРУДНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

на прежнем уровне, эксперты проверяли... Планшет сцены был настелен так, что балерины рисковали поломать ноги. Исправили. Сцена получила новейшее техническое оснащение, появились пульты управления светотехникой, но надо было где-то разместить машинные отделения, потому артистов лишили многих репетиционных помещений.

Конечно, при более внимательном отношении к нуждам театра многое можно было решить сразу, да и теперь еще не поздно. Можно бы подыскать не представляющий особой ценности дом по соседству с театром, устроить в нем репетиционные комнаты, соединить дом с театром подземным переходом.

Но как бы то ни было — театр возрожден на современной основе, в его реконструкцию вложено больше пяти миллионов рублей. Актеры, музыканты, декораторы, инженеры и машинисты сцены — все стараются встретить зрителя так, чтобы закулисные неполадки остались незамеченными. И это им удается.

У входа вас встречают золото и камень. Торжественное великолепие парадных лестниц: белый мрамор с черной прожилкой, черный мрамор с белой прожилкой; диковинными цветами плывут в пространстве старинные канделябры. В фойе второго этажа — большом двусветном зале (его называют Зеркальным), сверкающем полированным камнем и позолотой, с ажурными решетками на торцовых балкончиках,— поражают прекрасные росписи, сделанные лучшими польскими и украинскими мастерами на рубеже веков. Художники-реставраторы сантиметр за сантиметром восстанавливали десятки картин, снимая с них пыль и копоть, возвращая их первозданное звучание.

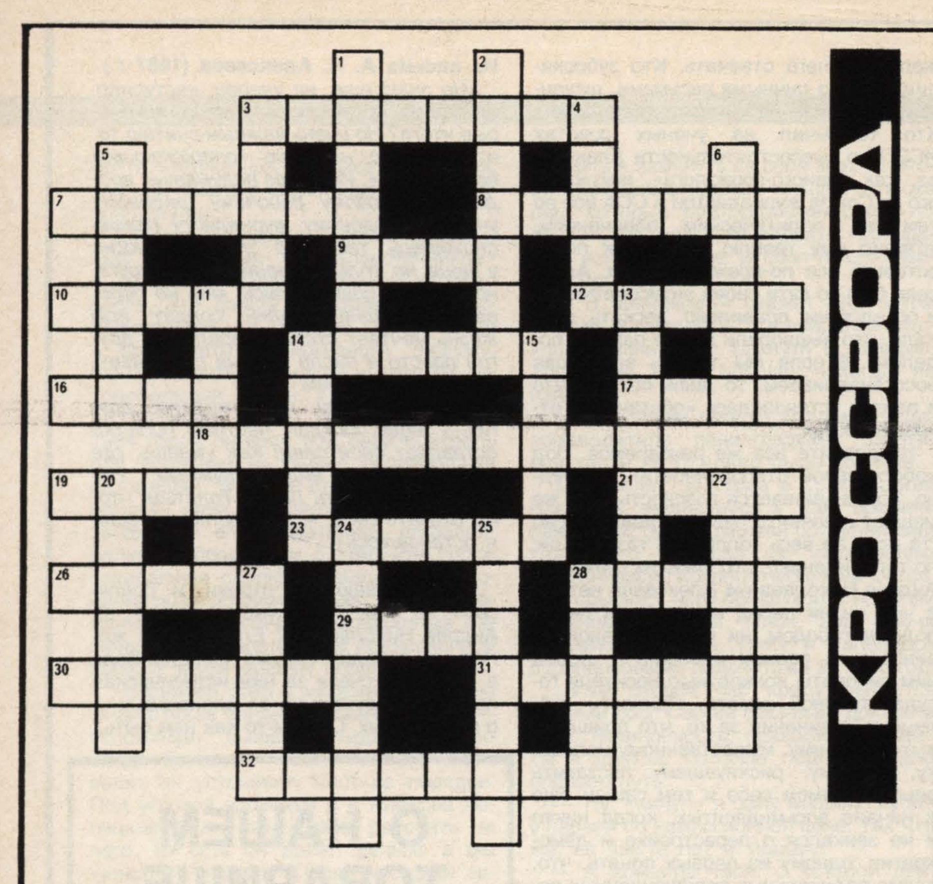
Многие годы считалось, что все эти темные пятна по фризу, почерневшие вереницы сумеречных картин, восходящих к самому потолку,— фрески, которые сильно выцвели. Оказалось же, что это обычная живопись, только специальный холст наклеивали на штукатурку, грунтовали, а потом уже писали по нему маслом. В тяжкие послевоенные годы торцовые ниши зала использовались как буфеты, там грели и жарили еду на примусах и электроплитках. Реставраторам пришлось хорошо поработать, чтобы снова вспыхнули голубизной и жемчужной ясностью расчищенные от жира и копоти эти великолепные росписи. Теперь сюда можно приходить как в музей...

С не меньшей тщательностью реставрирован интерьер зрительного зала: лепнина, ценные породы дерева, блеск старинной меди... Всего в театре площадь позолоченных поверхностей составила полторы тысячи квадратных метров, на нее пошло около шести килограммов золота. Настроение зрителей формируется еще до того, как дирижер взойдет на свой пульт.

Уникальный занавес, изготовленный в Риме знаменитым мастером Семирадским и подаренный им театру, и ныне по торжественным случаям как бы завершает великолепие докулисной части. Зритель, образно говоря, уже подготовлен к чуду. И когда уходит занавес — оно случается. Есть спектакли, которые завораживают с первой минуты. Декорации, выполненные главным художником театра Евгением Никитичем Лысыком, поражают воображение, они звучат, создают особую эмоциональную настроенность, как, например, в балете «Щелкунчик». Современная техника сцены позволяет трансформировать интерьер почти как в мультфильме: система света, управляемая с пульта оператора, может автоматически выполнять две с половиной сотни различных команд, создавая феерическую световую гамму.

После возрождения театрального здания началось не менее трудное возрождение коллектива.

Львовский академический театр оперы и балета стоит не только в центре города — он в центре большого и весьма своеобразного этнического региона. Здесь, в театре, впервые нашли сценическое воплощение многие произведения, ставшие затем классикой советской сцены. Такова традиция, и львовяне полны решимости продолжить ее. Потому что высота творческих достижений ведущего театра края — это камертон общего состояния искусства в западных областях республики.



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Город-герой. 7. Генератор переменного тока для воспламенения рабочей смеси в двигателях внутреннего сгорания. 8. Химический элемент, металл. 9. Разновидность гармони. 10. Металлическая коробка с подшипником на оси колеса вагона, локомотива. 12. Картина Кукрыниксов. 14. Вид графики. 16. Программа Всесоюзного радио. 17. Административно-территориальная единица в СССР. 18. Маршал Советского Союза. 19. Вулкан на острове Сицилия. 21. Спутник Юпитера. 23. Государство в Вест-Индии. 26. Духовой клавишный музыкальный инструмент. 28. Приспособление для закрепления обрабатываемой детали. 29. Надпись в фильме. 30. Писатель, Герой Социалистического Труда. 31. Авиаконструктор, академик, лауреат Ленинской премии. 32. Музыкально-театральный жанр комедийного характера.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Спортивная командная игра. 2. Часть радиоустановки. 3. Инструмент для лепки. 4. Часть ударного механизма в огнестрельном оружии. 5. Повесть В. Л. Василевской. 6. Приток Северной Двины. 11. Река на Южном Урале. 13. Русский юмористический литературно-художественный журнал. 14. Жанр вокальной народной музыки. 15. Мера веса. 20. Герой поэмы А. Т. Твардовского. 22. Работник радиовещания и телевидения. 24. Актер и кинорежиссер, народный артист СССР. 25. Первая русская рукописная газета. 27. Порт на Восточно-Китайском море. 28. Марка чехословацких автомобилей.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Иллюминация. 6. Кафе. 8. Аган. 10. Спурт. 12. Ловать. 14. Лозунг. 16. Швейк. 18. Система. 19. Алябьев. 20. Паритет. 21. «Капитал». 22. Осока. 23. «Динамо». 25. «Старик». 27. Быков. 29. Трир. 30. Охра. 31. Комментарий.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «Алмаст». 2. Дюшес. 3. Салат. 4. Чикаго. 7. Суперобложка. 9. Полиграфия. 11. Интеграция. 13. Антонида. 15. Забелина. 16. Шапито. 17. Калька. 24. Мартос. 26. Термин. 27. Брамс. 28. Волан.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок И. КОПЕЛЬНИЦКОГО. Черновцы.

СТАДИОН

БЕГ КАК

Спортивная семья.

В первый раз чемпионкой мира — в беге на 3000 метров — Татьяна стала в марте прошлого года в американском городе Индианаполисе. Воздавая дань этому достижению, все ж заметим, что зимние легкоатлетические соревнования не в таком уж большом почете. Королева спорта — дама традиционных летних нарядов. Недаром на мировые первенства, проводимые под крышей, обычно приезжают не все сильнейшие — берегут себя к главным стартам сезона. Однако та мартовская победа Татьяны Самоленко в Америке пусть и явилась для многих полной неожиданностью, но истинной сенсацией заведомо стать не могла. Главные события ожидались через полгода в Риме.

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ, мастер спорта.
Анатолий БОЧИНИН (фото)

Легкоатлетический сезон 1987 года набирал темпы. Постепенно обозначились лидеры, недвусмысленно заявившие своими результатами претензии на римские награды и титулы. Встречаясь между собой, они приглядывались, примерялись друг к другу. Но наша Татьяна в эти игры не играла. Где она, что с ней — о том спортивный мир вряд ли гадал, потому как удивительного в этом молчании ничего и не было, к подобному привыкли. Перед открытием чемпионата мира Самоленко не значилась даже в списках двадцати сильнейших как на полутора-, так и на трехкилометровой дистанции.

Но в Риме она выиграла и 1500, и 3000 метров, причем осмелюсь сказать — выиграла за явным преимуществом. Предвижу возражение: почему «за явным», ведь в обоих случаях ее и серебряных медалисток разделяли всего лишь крохотные доли секунды?

Ах, это нужно было видеть! Ни у кого не осталось сомнения в том, что Самоленко в любом случае, при любом темпе, предложенном соперницами, при любом тактическом раскладе все равно опередила бы их. Самоленко сделала это легко, изящно. Грациозно и женственно. Даже кокетливо. Казалось, она не мучается, не страдает, не «ломается», не борется с усталостью. Бежит, как дышит, как песню поет.

Во время финальных забегов чемпионата мира я особенно внимательно наблюдал именно за Самоленко, отмечая про себя, что она не делает ни одной тактической ошибки, чем даже многоопытные бегуньи грешат куда больше, нежели их коллеги-мужчины. На каждом метре дистанции она твердо знала и занимала нужную позицию, сколь далеко от лидера в тот или иной момент ни оказывалась. И когда на финишной прямой взрывалась, «накатывала» и выходила вперед, то все это выглядело (и было!) издалека рассчитанным «матом».

Поразительно и то, что победила Самоленко не в одной, а в двух труднейших, изнурительных дисциплинах, что у нынешних бегунов на средние дистанции случается крайне редко. Почти никто из ее соперниц не отважился гнаться за двумя зайцами, а ведь каждому финальному забегу предшествовал предварительный, требующий от спортсменок едва ли меньшей отдачи, ведь скорости и там — околопредельные.

Николай Мальцев, тренер Татьяны, сам в прошлом бегун на средние дистанции. В четвертьвековой давности времена мы вместе выступали во всесоюзных финалах. Неплохим он был средневиком, но не более того. Впрочем, как известно, выдающиеся в прошлом спортсмены редко добиваются столь же больших успехов в тренерской деятельности. В чем тут дело? Есть мнение, что большой спортсмен считает свой личный опыт единственно верным, чему в работе с учениками и следует. За что и расплачивается.

Права эта теория или нет, но с Татьяной и другими своими воспитанниками, среди которых восемь мастеров спорта, Николай Павлович работает не так, как специалисты нашего поколения, как тренировался сам Мальцев. Когда сейчас я попытался выяснить у него лучшие тренировочные результаты Татьяны на контрольных отрезках и спросил про цифровые выкладки по тестовым, предельным по нагрузкам тренировкам, то оказалось, что таких данных нет не только в блокнотах Мальцева, их вообще не существует. Что не работает Татьяна на

ПЕСНЯ

С тренером Николаем Мальцевым.

пределе. Получается, Мальцев и его ученица следуют правилу истинного гурмана — всегда выходить из-за стола чуточку голодным. Николай не насыщает ее мозг цифрами, и в этом мне видится еще одна из причин ее психологической раскованности. Тренировка, стало быть, в радость. А соревнования тем более — праздник.

При нынешнем уровне результатов успех, как правило, приносит поиск нестандартных решений. Не будем углубляться в суть лабораторных изысканий тренера Мальцева. Заметим лишь, что у Татьяны Самоленко не бывает травм, и причина этого прежде всего в хорошей отлаженности, сбалансированности, гармоничной развитости организма, где нет слабых звеньев. Слабое-то обычно первым и рвется, как первым в электросистеме сгорает предохранитель.

Многие ли способны лечь и безмятежно уснуть за два-три часа до старта финального забега мирового чемпионата? Любой бы рад, но как это сделать? Татьяну же — не добудишься. Снова вспоминается та легкость, с которой она побеждала в Риме. Все выстраивается в одну линию, и если такое отношение к себе, к бегу ей удастся сохранить, мы о Татьяне Самоленко будем слышать еще долго. Во всяком случае, уверен: быть ей на Олимпиаде в числе самых первых.

Представляю, прочтут эти строки многоопытные спецы и поморщатся: как это так, ни тебе мучений, ни изнуряющего труда, и вдруг пожалуйста — чемпионка мира. Не хочу, чтобы и у других читателей сложилось такое впечатление. Нагрузки у учеников Мальцева немалые, все дело в том, как их преподнести, как насытить ими спортсменов. Под какой «анестезией». Калорийность «беговой пищи» здесь, несомненно, очень высокая.

Интересно все начиналось. В Запорожье, где Таня живет вот уже десять лет, она приехала из далекого южноуральского села Секретарка, до которого от Оренбурга самое малое восемь часов на перекладных. Там, в Секретарке, окончила школу, не имея никакого представления о спорте.

И вот в школу пришло письмо, где говорилось, что Запорожский гидроэнерготехникум приглашает учиться, а также заниматься легкой атлетикой. Пятнадцать тысяч таких писем полетело тогда по стране. Татьяна и снялась с места. Сдав вступительные экзамены, явилась на стадион, вышла на старт бега на 1500 метров... показала результат ниже нормы третьего разряда. Что, однако, не обескуражило ни ее, ни тренера. На следующий год Татьяна выполнила норму кандидата в мастера спорта.

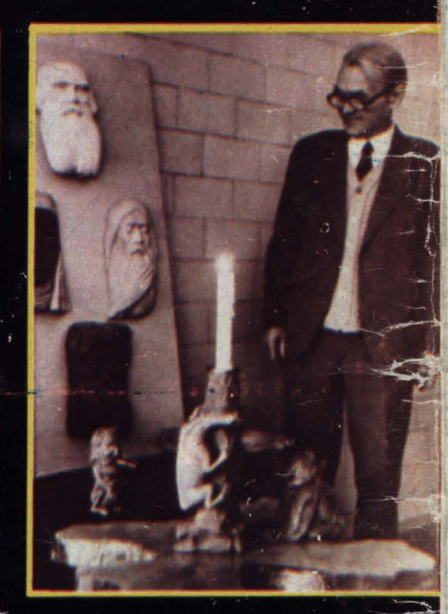
Было это в 1979 году, и следовало предположить, что при столь бурном прогрессе, а значит, и наличии у девушки истинного дарования еще годом позже она помчится на равных уже с сильнейшими спортсменками страны. Но Мальцев не предполагал. Мальцев располагал. Он обладал опытом, который убеждал: торопиться нужно не спеша — сколь стремителен взлет, столь крутым будет и падение. И норму мастера Таня выполнила лишь еще через четыре года. Мальцев знал, что делал. Опытом своей не слишком удачной спортивной карьеры он распорядился наилучшим образом.

...Вся Секретарка ждала ее после Рима. Татьяна про то знала и волновалась страшно. Потому и не послала домой телеграмму. А приехала тихонечко, ночью. Но что началось с самого утра — словно она из космоса вернулась!

А потом был бег. Массовый пробег по селам района. За ней устремились мальчишки и девчонки. Сколько их было — не счесть. Есть у них теперь свой кумир. И своя мечта, ведь они учатся в той же школе, ходят по той же траве, дышат тем же воздухом. Есть у них даже золотая медаль. Которой светить теперь долго-предолго.

Как родился этот домашний музей? С чего все началось? Собирал Савелий Андреевич Лукьянов как-то грибы и увидел под ногами змею. Испугался. Но «змея» не тронула, когда он поднял ее с земли: могла же матушка-природа изваять такое чудо! Знакомые и друзья, узнав о новом увлечении Савелия Андреевича, начали доставлять ему «заготовки», если что-то мало-мальски интересное попадало им в руки.

Пятьдесят шесть лет работает С. А. Лукьянов в издательстве «Правда». Начинал травильщиком в цинкографии, был художником в Доме культуры, теперь редактор по рекламе. Перерывом была только война, которую он прошел с сорок второго по сорок пятый, награжден орденами, боевыми медалями...



Первые свои работы из дерева он просто ножом выстругивал, а когда дело на лад пошло, стал изобретать собственные стамески, долота и прочие пилочки, которые помогают творить чудеса. Нежная липа — его любимое дерево.

Мастерит Савелий Андреевич на кухне. Вьется деревянная стружка... Все новые и новые образы рождаются в голове, и умелец придает им удивительные формы. Большие портреты, разнообразные маски заполняют стены квартиры-музея, но все больше «уходят» из дома. Особенно много подарено им затейливых посохов, собрать все вместе — хорошая коллекция бы получилась, но гораздо приятнее дарить...

Зоя КРЯКВИНА,
фото Михаила САВИНА

ISSN 0131—0097. Цена номера 40 коп. Индекс 70663.